

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КАМЧАТСКОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Периодическая печать, являясь одним из средств массовой информации и пропаганды, представляет для исследователя интерес, прежде всего, своей многоплановостью. Газетный и журнальный материал включает в себя самую разнообразную по жанру, происхождению и характеру информацию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, объявления, некрологи, прочее — репортажи, интервью, заметки и т. д. Однако заметим, что периодическая печать, как исторический источник, требует осторожного обращения. Например, вопреки распространенному суждению, печать никогда не являлась выражением общественного мнения — она может стремиться представить себя им, но, в лучшем случае, будет выражать интересы лишь группы людей, допустим, издателей газеты.

В данном очерке не предполагается рассматривать и анализировать местную периодическую печать как исторический источник. Прежде всего, в нем предприняты попытки восстановления истории ее развития в первой половине XX в. и восполнить существующие на сегодняшний день белые пятна. Так, приятным событием при подготовке материала явилась находка первых номеров районной газеты «Долина» и первого (и, судя по всему, единственного) номера журнала «Селькор Камчатки». Большую помощь автору в этом оказали специалист Государственного архива Камчатского края Е. П. Абрамова и сотрудник Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова И. В. Витер.

Количество местных изданий, вышедших в 1910—1920-х гг. и сохранившихся до настоящего времени, к сожалению, не слишком велико, в то время как этот период был очень важным в истории Камчатки.

Типографское оборудование прибыло в Петропавловск на пароходе осенью 1912 г. Его на личные средства приобрел предприниматель М. М. Пономарев. 19 декабря 1912 г. в городе с их помощью вышел первый номер печатного рекламного и справочного издания, ставшего прообразом всех современных камчатских газет. Оно получило название «*Петропавловский Листок Объявлений*». «Листок» выпускался ежедневно тиражом 420 экземпляров. Кроме объявлений в нем печатались мелкие статьи, заметки, хроника городских событий и официальные телеграммы. Редактором «Листка» был вице-губернатор Камчатской области Александр Гаврилович Чаплинский [1].

2 мая 1914 г. типография начала печатать газету «Камчатский листок». Это издание действительно представляло собой листок бумаги писчего фор-

мата, запечатанный с обеих сторон довольно крупным текстом. Газета извещала население города и его окрестностей обо всех городских событиях и сообщала о мировых и всероссийских новостях, полученных из метрополии по телеграфу. Редакция газеты размещалась в доме А. П. Журавского на Второй улице.

«Редакторами-издателями» (так указывается в самой газете) «Камчатского листка» за время его существования были В. А. Огородников, Н. Д. Голубецкий, Е. М. Ключкова. После М. М. Пономарева владельцем типографии стал Петр Митрофанович Ключков (Евгения Михайловна Ключкова — его жена). Кстати, П. М. Ключков был и агентом Страхового общества «Россия» в Петропавловске. «Камчатский листок» издавался до весны 1918 г., когда по решению областного Совета газета была закрыта.

В 1917 г. в Петропавловске непродолжительное время — с 11 июня по 30 июля — выходил журнал «Свободное слово Камчатки», редактором-издателем которого был Павел Матвеевич Соловарин. Всего вышло восемь номеров этого издания.

После закрытия «Камчатского листка» в Петропавловске в 1918, 1919, 1920 гг. издавалась газета «Камчатский вестник», печатный орган Камчатского областного комитета. 16 ноября 1918 г. в «Камчатском вестнике» № 101 была опубликована выписка из журнала заседания областного комитета от 12 ноября 1918 г. В ней под § 9 значилось: «Заслушали: доклад Председателя областного комитета о газете “Камчатский вестник”. Постановили: ввиду того, что Типография является собственностью казны и содержится за счет государства, областной комитет, в видах упорядочения печатного органа и облегчения обнародования Правительственных распоряжений... определяет: 1. Издаваемую областным комитетом газету “Камчатский вестник” преобразовать в официальный правительственный орган, с неофициальным при нем отделом, в коем помещать агентские телеграммы и статьи, имеющие общее для Области значение». В разное время редактировали «Камчатский вестник» П. Я. Сусяк, А. А. Пурин, П. М. Ключков.

Первый номер «Камчатского вестника» вышел 14 июля 1918 г. И по содержанию, и по оформлению он мало, чем отличался от «Камчатского листка», изменив лишь свое название. «Камчатский вестник» выходил ежедневно, «кроме дней после праздных» [2]. Его последний номер увидел свет 7 января 1920 г. (всего вышло 413 номеров). Необходимо отметить, что период с 1917 по 1923 г. для Камчатки был максимально насыщен революционными событиями и политическими изменениями. За столь короткий промежуток времени власть в области сменилась шестикратно. Лишь в ноябре 1922 г. на Камчатке окончательно установилась советская власть.

«Камчатский вестник» издавался в период, когда власть находилась в руках сил, оппозиционных большевикам. Но это был не единственный печатный

орган, издававшийся в Петропавловске в то время. В № 112 «Камчатского вестника» за 1918 г. сообщается, что 26 ноября 1918 г. состоялось заседание Правления Камчатского Учительского Союза, на котором было решено приступить к изданию камчатского педагогического журнала под названием «*Камчатский Учитель*», редактором которого избрали педагога П. Т. Новограбленова. В № 146 «Камчатского вестника» за 23 января 1919 г. помещено объявление о подписке на «Камчатский учитель», «журнал камчатской независимой педагогической мысли, издаваемый в Петропавловске-на-Камчатке правлением Камчатского учительского Союза», выходивший два раза в год. Здесь же указаны «отделы» журнала: официальный, научно-педагогический, школьная жизнь.

14 января 1919 г. в Петропавловске вышла однодневная газета «*День кооперации*» (издание камчатских кооперативов) в честь праздника «День кооперации». На первый взгляд, ее материалы выражают чисто профессиональные интересы — это заметки и объявления о кооператорских делах, торговле и сбыте. Однако в составе редколлегии указаны фамилии руководителей камчатского подпольного Военно-революционного комитета — Н. В. Холодова, П. С. Маловечкина, М. П. Воловникова.

В правом верхнем углу первого листа издания вместо обычного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стоял его легальный вариант — «В единении — сила!» Далее во всю страницу — поздравление с праздником, которое начинается словами «Товарищи кооператоры!» А ведь употребление самого слова «товарищ» в то время, когда власть находилась в руках колчаковцев, было весьма опасным. Даже внешне газета «День кооперации» резко отличалась от буржуазного «Камчатского вестника», поскольку была сверстана по типу большевистских газет — с передовицей, подпередовицей, корреспонденциями и лозунгами.

В этом же году, с 27 апреля по 22 мая, в Петропавловске два раза в неделю выходила газета «*Камчатская жизнь*» под редакцией Петра Трофимовича Сычева. В 1920 г. Украинский гурток — национальное объединение — издавало в Петропавловске на украинском языке газету «*Ридне слово*». Ее редактором был М. В. Возный.

В годы гражданского противостояния возникли «*Известия Советов рабочих и солдатских депутатов города Петропавловска*» — орган Камчатского губбюро РКП(б). Первый номер «Известий» вышел 28 февраля 1918 г., и до весны газета издавалась параллельно с «Камчатским листком» (прекратившим свое существование 29 апреля 1918 г.). Одним из организаторов издания и первым редактором «Известий» стал И. Е. Ларин. В первом номере газеты под крупно набранным лозунгом «Товарищи рабочие и крестьяне! Встаньте под знамя Советов!» было опубликовано «Воззвание» Петропавловского Совета. В нем излагалась программа газеты: «Посредством печат-

ного слова бороться и стоять на защите интересов пролетариата и беднейшего крестьянства». Газета становится областной, хотя вначале издается городским Советом Петропавловска. В третьем номере «Известий» появляется раздел «Камчатская жизнь» с сообщениями из Ганал, Большерецка и с западного побережья Камчатки. Газета неоднократно меняла свое название. 19 мая 1918 г. она была переименована в «*Камчатские известия*» и стала выходить через день. К этому времени укрепились ее материальная база. Областной Совет совместно с городским приобрел за 10 тыс. рублей у П. М. Клочкова типографию с запасом бумаги. Последний номер вышел 12 июля 1918 г., поскольку власть на полуострове вновь перешла к Камчатскому областному комитету (Камчатский областной комитет Временного правительства был избран летом 1917 г. и осуществлял власть на полуострове до февраля 1918 г.), который начал выпуск «Камчатского вестника». В начале 1919 г. Камчатский областной комитет был распущен правительством адмирала А. В. Колчака.

После свержения на Камчатке представителей правительства А. В. Колчака, 11 января 1920 г., вышел первый номер «*Известий Временного Камчатского Военно-Революционного Комитета*». 14 января 1920 г. эту газету переименовали в «*Известия Камчатского Областного Военно-Революционного Комитета*». Как и «Камчатский вестник», «Известия» выходили ежедневно, кроме послепраздничных дней, их редактировал П. С. Маловечкин. 7 апреля 1920 г. «Известия Камчатского Областного Военно-революционного комитета» были переименованы в «*Известия Камчатского Областного Совета трудового народа*». С 7 июня 1920 г. газета выходила под названием «*Известия Камчатского областного исполнительного комитета*».

В этих газетах печатались сообщения, получаемые от Телеграфного агентства, материалы проходивших тогда на полуострове областных съездов, протоколы и постановления исполнительной власти, объявления, списки торговых фирм и торговцев, имевших право скупки пушнины у населения, и различные заметки, касающиеся жизни местного населения. В октябре 1921 г. Петропавловск заняли части монархического Временного Приамурского правительства бр. Меркуловых, а областной народно-революционный комитет был вынужден оставить город.

Новые власти с 1 января 1922 г. стали выпускать свою газету под названием «*Камчатский листок*» («с 21/X по 01/I газета не могла выходить вследствие изъятия партизанами некоторых частей машин») [3], который, разумеется, не имел ничего общего с «Листком», выпускавшимся в свое время П. М. Клочковым. Последний номер этого «Камчатского листка» вышел 10 ноября 1922 г., когда Петропавловск заняли партизанские отряды.

В свою очередь, руководство облнарревкома и партизанских отрядов (И. Е. Ларин, М. И. Савченко-Славский, Н. П. Фролов) в ответ на издание

«Камчатского листка» на партизанской заставе в районе ручейка Крутоберег, близ Петропавловска, приступили к выпуску своей газеты — *«Известия Камчатского областного народно-революционного комитета»*. Ее редактором был П. Г. Ивашкин. Печаталась газета на дорожной пишущей машинке с монархическим названием «Корона». Первый номер был выпущен 21 мая 1922 г. Он назывался «Известиями» по преемственности от прежних газет, издававшихся первым Советом рабочих и солдатских депутатов и областными революционными комитетами.

На пишущей машинке можно было отпечатать только половину газетного листа. Чтобы газета имела развернутый печатный лист, приходилось отпечатанные полулисты склеивать. Текст печатался не в строчку через весь лист бумаги, а столбиками, чтобы внешне издание также походило на настоящее, отпечатанное в типографии. За лето и осень 1922 г. вышло шесть номеров машинописной газеты. Она распространялась среди партизан и жителей селений Завойко, Авача, Паратунка, Халактырка, отдельные экземпляры попадали даже в город. По воспоминаниям П. Г. Ивашкина, «...одним из распространителей газеты в город Петропавловск являлся партизан, кореец по национальности, молоденький парнишка лет 16—17 Федя Дигай» [4].

В газете печатались решения Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, рассказывалось о положении на Дальнем Востоке, на Камчатке, за рубежом. Самым активным организатором и корреспондентом партизанской газеты являлся начальник штаба партизанского отряда М. И. Савченко-Славский. В Государственном архиве Хабаровского края находится на хранении четыре номера этого издания.

Имеются сведения, что в период партизанской борьбы на Камчатке выходила еще одна газета. Участник партизанского движения Владимир Иванович Семенов, некогда помогавший П. Г. Ивашкину в выпуске «Известий», в 1965 г. в своем письме последнему упоминает об этом факте: «...я по указанию М. И. Савченко издавал партизанскую газету, всего было издано четыре номера по шесть экземпляров. Один экземпляр, напечатанный на красной ленте, в 1925 г. я отдал приезжавшему в Усть-Камчатск А. Бурнатову для сдачи в музей. Впоследствии, когда я приехал в Петропавловск в 1934 г., этот номер газеты из музея исчез» [5]. Газета называлась *«Тревога»* и издавалась на партизанской базе в селении Завойко (ныне г. Елизово). К сожалению, ни одного ее экземпляра не сохранилось, упоминания о ней немногочисленны.

Когда в ноябре 1922 г. партизанские отряды заняли город, то в сохранившейся от белогвардейского погрома типографии снова возобновилось издание «Известий» (с 12 ноября 1922 г.), причем с седьмого номера. 8 декабря 1922 г. «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» переименовали в *«Известия Губревкома»* в связи с тем, что 6 декабря 1922 г. состоялось переименование Камчатской области в губернию [6].

Крайне осложняло ситуацию с изданием газеты отсутствие хорошего типографского оборудования. Из доклада уполномоченного Камчатского губревкома И. Е. Ларина (22 марта 1923 г.): «На всю губернию в гор. Петропавловске имеется одна ручная типография размером в одну четверть листа. Эта типография была приобретена в 1918 г. Областным Совдепом. За время революции посредством этой типографии было издано около девяти брошюр, и печатался еженедельный орган “Известие Камчатского Облнарревкома”, в котором, помимо официальных распоряжений, печатались агентские телеграммы. За неимением работников, как раньше, так и теперь, печатный орган поставлен слабо. В настоящее время в связи с советизацией предстоит много типографской работы для учреждений (бланки, книги и проч.), и имеющейся типографией этих нужд не обслужить. Крайне необходимо завезти на Камчатку хорошо оборудованную типографию, а имеющуюся можно использовать для одного из уездов».

В январе 1923 г. решением губбюро РКП(б) областную газету «Известия» переименовали в «Полярную звезду», редактором которой утвердили коммуниста, секретаря губбюро Виталия Михайловича Кручину, прибывшего на Камчатку в 1922 г. Газета выходила один раз в неделю тиражом 500 экземпляров, но формат ее оставался прежним — развернутый лист писчей бумаги, иногда с вкладышами.

К 1926 г. тираж газеты составлял 400, а в 1928 г. — уже 800 экземпляров. Она выходила дважды в неделю, по воскресеньям — с приложением «Литература, краеведение и наука». Существовали такие рубрики, как «По селам и деревням», «По нашему краю», «Письма селькоров». Наряду с ними достаточно подробно освещались события, происходившие в Советском Союзе и за рубежом. Так, в выпусках за 1928 г. много внимания уделено революционным событиям в Китае. К началу 1930 г. газета выходила дважды в неделю, располагала широким корреспондентским активом, получала много информации со всех уголков Камчатки.

С 1930 г. газета стала выходить три раза в неделю, тираж ее увеличился до 2 000 экземпляров, вырос штат сотрудников. В декабре 1930 г. приложением к газете был выпущен «социально-экономический и литературный альманах» под названием «Советская Камчатка». Сохранился лишь его первый номер. Однако, судя по всему, его издание продолжалось и позже. В 1931 г. газета «Полярная звезда» получила название «Камчатская правда».

На заседании президиума Камчатского облисполкома 10 июля 1933 г. рассматривалось ходатайство редакции газеты «Камчатская правда» «о выдаче ссуды в сумме 10 000 р. для покрытия расходов [по] выпуску журнала “Советская Камчатка”». В итоге постановили: «Учитывая значение и необходимость выпуска журнала “Советская Камчатка”, а также, имея в виду

финансовое затруднение редакции», — выдать ссуду из бюджетных средств в сумме 10 000 р. сроком до 15 сентября» [7].

7 сентября 1924 г. вышел первый номер газеты *«Камчатский ленинец»* — областной молодежной газеты, освещавшей работу комсомольской организации на полуострове [8]. Предыстория его появления такова. Для комсомола Камчатки 1920-е гг. были временем формирования единой областной организации. С появлением комсомольских ячеек начинался выпуск и их информационных изданий — в форме «живых» газет, журналов, стенных газет. Стенные газеты, как одна из форм низовой печати, вообще были массовым явлением в рассматриваемое время, учитывая отсутствие полиграфической базы и материальных возможностей, тормозивших распространение печатного слова в области, и выпускались практически на каждом предприятии, в государственных учреждениях, клубах, избах-читальнях.

Органом Петропавловской городской ячейки комсомола являлась стенная газета *«Комсомольская жизнь»*. Большую часть ее материалов вычитывал и правил В. М. Кручина. В протоколе заседания Камчатского губбюро РКП(б) от 2 февраля 1924 г. было записано: «От стенной газеты нужно стараться перейти к печатной, для чего раз или два раза в месяц давать в газете “Полярная звезда” уголок для РКСМ». В августе 1924 г. секретарь Камчатского губбюро РКП(б) Д. С. Бузин предложил выпустить к 7 сентября, к Международному юношескому дню, специальную комсомольскую газету. И хотя комсомольцы настаивали на ее регулярном издании — один раз в два месяца, пока это было невозможно: не имелось ни квалифицированных журналистов, ни полиграфистов, да и просто средств (даже для издания областной партийной газеты *«Полярная звезда»* часто деньги находили с большим трудом). Поэтому губбюро РКП(б) 30 августа 1924 г. решило: «Выпустить в типографии губбюро к 7 сентября комсомольскую газету “Камчатский ленинец”, расходы — за счет редакции “Полярная звезда”» [9].

В воскресенье, 7 сентября 1924 г., вышел первый номер комсомольской газеты — органа Камчатской организации РКСМ и юных пионеров. «Номер нашей газеты будем считать первым, и уверены, что не последним», — писала редакция *«Камчатского ленинца»* [10]. Первый номер газеты был, по существу, городским и рассказывал преимущественно о жизни комсомолии Петропавловска. Но в резолюции по докладу Камчатского губбюро РЛКСМ от 23 июля 1925 г. говорилось: «Газету “Камчатский ленинец” реорганизовать в деревенскую, используя ее для охвата туземной молодежи, придать ей информационно-пропагандистский характер» [11].

Для лучшего освещения жизни сел Камчатки предлагалось от всех ячеек утвердить юнкоров (юных корреспондентов), а в газете помещать большее количество руководящих материалов, предназначенных для деревни. Газета на первых порах выходила нерегулярно, по мере надобности, и, ско-

рее всего, происходило это из-за финансовых затруднений. Например, пятый и восьмой номера «Камчатского ленинца» датированы 16 сентября и 2 декабря 1925 г.

Бедственное экономическое положение Камчатской губернии не позволило продолжить выпуск комсомольской газеты. На заседании Агитколлекции окрбюро ВКП(б) 13 ноября 1926 г. было принято решение «О ликвидации газеты “Камчатский ленинец”». Но здесь же постановили: «Считать необходимым ввести в газете “Полярная звезда” страничку молодежи». Таким образом, комсомольская организация Камчатки не осталась совсем без печатного слова [12].

Выпуск комсомольской газеты продолжился в июне 1934 г. В протоколе заседания бюро Камчатского областного комитета ВКП(б) от 20 мая 1934 г. записано: «Разрешить обкому и горкому ВЛКСМ выпуск печатной газеты “Камчатский комсомолец”, органа обкома и горрайкома ВЛКСМ. Периодичность газеты — один раз в шестидневку, формат — одна четвертая печатного листа. Тираж газеты — 1 500 экземпляров. Редактором газеты утвердить В. С. Акшинского» [13].

Комсомольская газета, изменив название, продолжала традиции «Камчатского ленинца». Однако она не применяла сквозную нумерацию, а вышла под первым номером, возможно, потому, что к 1934 г. многие экземпляры «Камчатского ленинца» были утеряны, а номера перепутаны. В новой газете освещался ход стахановского движения, она участвовала в организации социалистического соревнования, занималась популяризацией ленинских идей (в частности, много внимания уделялось национальной политике, что было актуальным для нашего региона).

Последний номер газеты «Камчатский комсомолец» в ее второй период издания вышел 29 июня 1941 г. Газету закрыли на основании постановления бюро ЦК ВЛКСМ от 1 июля 1941 г. «О местных газетах и журналах». В нем говорилось о закрытии большинства областных и краевых комсомольских газет — «временно, до особого указания» [14]. Вновь «Камчатский комсомолец» вышел в свет лишь в 1957 г.

В марте 1928 г. появился первый номер журнала «*Селькор Камчатки*», органа окружного бюро ВКП(б) и редакции газеты «Полярная звезда». В самом журнале указано, что он является приложением к «Полярной звезде». Как сообщалось, журнал был рассчитан на рабселькоровский актив. В передовой статье указывается, что его задача — «сплотить вокруг газеты наличный кадр селькоров, расширить его за счет привлечения к работе корреспондентов деревенских стенных газет...», а также «привлечь внимание крестьянства к селькоровскому движению и разъяснению важности этого движения». Соответствует этому и содержание статей, названия которых звучат следующим образом: «Памятка сельского корреспондента»,

«Селькор, твои задачи на сегодня», «Селькоры, организуйтесь» и другие. Журнал вышел тиражом 200 экземпляров. Сведений о выходе его последующих номеров нет.

Заметим, что появление подобного печатного издания на Камчатке было закономерно. С первых лет существования Советской власти в стране велся активный поиск системы и форм государственного руководства печатью. основополагающим правовым актом в этой области явился «Декрет о печати», подписанный В. И. Лениным 27 октября (9 ноября) 1917 г. Декрет провозгласил закрытие «контрреволюционных» изданий и определил политику советского правительства в отношении буржуазной печати, а также изложил марксистское понимание свободы слова в условиях диктатуры пролетариата. Идеино-теоретическим и методологическим фундаментом советской периодики являлась партийная концепция печати, которая включала в себя такие принципы, как классовый подход и партийность (предполагалось, прежде всего, руководство печатными органами), а также научность, объективность и народность.

Кроме того, от печатных органов требовалось реальное проведение в жизнь коммунистической идеологии, ясность политических и научных задач, четкая партийная направленность. Необходимым элементом ленинских норм партийного руководства печатью являлось требование постоянной связи печатных органов с читателями. Поэтому особое внимание обращалось на значимость писем «как средства идейно-организационной связи», отмечалась важность их *политического анализа*. Кроме того, письма помогали выявлять состояние массового сознания. Информация, которую они несли, позволяла не только журналистам, но и работникам органов общественного и государственного управления определять настроения масс, их действительные потребности. Очередной партийный документ — «О рабочих и сельских корреспондентах», вышедший 4 декабря 1924 г., содержал следующие положения: «Газета должна всемерно укреплять связь с рабочими и селькорами... Движение рабкоров и селькоров приобретает с каждым днем для партии огромное значение в качестве орудия связи с массами... Для постановки такой постоянной, систематической, политико-просветительной работы среди рабкоров и селькоров на фабриках и заводах, при клубах, райкомах и в общегородском масштабе, а в деревне при избах-читальнях создаются на добровольческих началах кружки рабкоров и селькоров, которые объединяют всех рабкоров данного предприятия или района, как стенных, так и центральных местных газет. Кружки ведут свою работу под руководством партийных организаций (ячеек, парткомов)» [15].

Для систематического рабкоровского и селькоровского движения отделы и подотделы печати обкомов и губкомов должны были созывать периодические совещания и выделять «специальных партийных товарищей для работы

среди рабкоров и селькоров». Согласно резолюции XIII съезда ВКП(б), основной формой рабкоровских организаций должно было стать их объединение при газете.

Поскольку отраслевых печатных органов на Камчатке не существовало, в «Полярной звезде» освещались международное положение, внутренняя политика, рассказывалось о научных достижениях, рассматривались вопросы культуры, приводились обзоры центральной прессы. Однако сведений, касающихся непосредственно жизни области, публиковалось немного. Основным источником подобного рода материалов являлись письма рабселькоров, регулярная публикация которых в «Полярной звезде» начинается с 1925—1926 гг. Отдел корреспонденции в газете постепенно расширялся, собирая большой рабселькоровский актив. Интересно, что сообщения рабселькоров печатались, в основном, под псевдонимами: Око, Оса, Брашпиль, Опытный глаз, Зоркий, Заноза. Характерно, что к середине 1930-х гг. эта тенденция постепенно исчезает.

География писем была достаточно обширна — в газету писали из Усть-Камчатска, Ключей, Козыревска, Тигиля, Кирганика, Усть-Большерецка. Основная цель корреспонденции первоначально заключалась в попытке утвердить демократические формы самоуправления. В этом явлении отразились положительные стороны 1920-х гг.: широкий спектр мнений, существовавший на основе многоукладной экономики и социального разнообразия общества, относительная демократичность внутрипартийной жизни правящей партии, критичность рабочих и крестьян.

Газеты второй половины 1920-х гг. практически на две трети состоят из присланных в редакцию писем рабселькоров. В 1927 г. при «Полярной звезде» был даже организован кружок рабкоров, а в самой газете публиковались имена лучших рабкоров и селькоров. Материал, поступающий с мест, помещался в рубриках под названиями: «Наша деревня», «Что пишут рабкоровы», «На селькоровское шило», «О чем пишут селькоровы», «Селькоровские шупальца в деревне», «Глаза селькора в деревне», «С пером селькора по Камчатке». Регулярно публиковались письма селькоров, направленные против деревенских кулаков. Они печатались в подрубке с красочным названием «Камчатские царьки». Текст сообщений давался, как правило, от первого лица и с обязательной оценкой факта.

Письма рабочих отражают их производственные реалии, письма крестьян — их заботы и быт деревенских жителей. Сообщали, в основном, о существующих проблемах: нехватке учителей и врачей, слабой работе райкрестьянских комсомольских ячеек и пионерских организаций, обязательно — о праздновании на местах Первого мая, Дня Октябрьской революции и выборах в сельские Советы, причем по стилистической форме эти письма больше напоминают отчетные доклады. Заметим, что в редакциях

центральных газет по содержанию и языку писем определялось социальное положение авторов, а сводки с анализом социального состава селькоров и рабкоров регулярно подавались в ЦК ВКП(б).

Для государства и его институтов, для партии письма с мест были важны как один из способов осуществления обратной связи. Они содержат неофициальную, стихийно формирующуюся, весьма оперативную информацию, которая представляет особую ценность для системы управления.

К концу 1920-х гг. нарастают ограничения для свободной публикации писем, ужесточаются требования относительно их содержания, политических целей, круга авторов. Редакционная почта становилась подсобным средством в осуществлении партийной и государственной политики, инструментом жестко направленного формирования общественного мнения. Реальные проблемы и события постепенно подменялись описанием требований и лозунгов дня, факты зачастую деформировались в свете политической целесообразности.

В 1930-х гг. демократические формы политической жизни постепенно угасают. Газеты тех лет отражают процесс бюрократизации общества, с их страниц постепенно исчезает живое слово, выражающее индивидуальные особенности авторов. Газетные издания заполняют стандарты лозунгов и пропагандистские клише без стилистических модификаций.

Поэтому закономерно, что и содержание «Камчатской правды» начинает меняться. Названия статей и помещаемых в газете материалов носят лозунговый, агитационный характер призыва, например: «На штурм второй пятилетки», «Подготовку к строительству под особый контроль», «Усилить пролетарскую помощь колхозам», «Беспощадно разоблачайте маскирующегося классового врага и его агентуру». По сравнению с газетами второй половины 1920-х гг., сокращается публикация писем, изменяется тональность публикуемой корреспонденции. Понятно, что в условиях политического и духовного террора, уничтожения тысяч людей резко снижается всякая социальная активность, в том числе и обращения к средствам массовой информации.

Проводившиеся официально массовые кампании, такие, как обсуждение новой Конституции СССР, отклики на процессы «врагов народа», сочетались с утерей реальной связи средств массовой информации с читателями, с резким сужением тематики, официальностью писем. В практику вошли публикации писем доносчиков, фальсифицированных откликов трудящихся. Социально-критическая часть редакционной почты публиковалась крайне редко. С 1932 г. в «Камчатской правде» появляются «отказные» заявления от отдельных лиц. Например, в № 42 от 1 июля 1932 г. помещено «объявление» следующего содержания: «Я, Гарднер Виктор Константинович, родившийся в 1911 г. в г. Петропавловске-на-Камчатке, порываю всякую связь со своим

отцом-лишенцем, как бывшим служителем религиозного культа (дьякон) и являющимся классово-чуждым элементом рабочему классу...»

Письма, как правило, носят обличительный характер и публикуются под соответствующими стандартными заголовками, например: «Сменить руководство» или «Не соответствует назначению». В них сообщается о том, кто и как выполняет свои должностные обязанности, называются конкретные фамилии и обвиняются определенные люди, но, естественно, при всяком отсутствии критики существующего порядка. Практикуется публикация тематических подборок из писем. В одном из номеров «Камчатской правды» под общим названием «Ярость масс на прогульщика, пьяницу, дезорганизатора» помещено шесть писем от рабкоров.

Сама газета акцентирует внимание на важности рабселькоровской информации. 5 мая 1933 г. «Камчатская правда» отмечает, что «особенность нашей печати заключается в том, что наряду с ростом сети газет ширится... движение рабселькоров. Это та армия, которая представляет из себя активных строителей коммунизма, передовых борцов с остатками кулачества и их агентурой, беспощадных разоблачителей и обличителей бюрократов, спекулянтов, жуликов, рвачей и лодырей». И здесь же: «...всякий тревожный сигнал о правонарушениях... *органы революционной законности* (подразумеваются органы юстиции. — А. С.) должны реализовывать самым быстрым образом, ибо органы революционной законности совместно с печатью представляют огромнейшую силу». В этом же номере в заметке «Рабкоры, селькоры и актив РКИ» отмечается, что «рабселькоры... должны быть четкими контролерами за проведением и осуществлением директив партии и правительства».

Вместе с тем это явление — корреспондирование в средствах массовой информации — стало постепенно отражать и черты складывавшейся командно-административной системы. Постепенное ограничение экономической и гражданской свободы человека, невозможность самостоятельно, без вмешательства государства, решать вопросы работы, жилья, тотальная централизация сферы управления — все это создавало нараставшую необходимость для людей в жалобах, просьбах и требованиях. Они разрешались по преимуществу не через правовые органы, ограниченные в своих возможностях, а путем обращения к звеньям командной системы — партийные комитеты, Советы, контрольные органы. В эту систему были включены и средства массовой информации.

Часто после подобного рода писем, содержащих жалобы, требования или косвенное доносительство, встречаются заметки следующего содержания: «Редакция требует ответа о мерах, принятых по письмам рабочих (колхозников)», причем ответы о принятых мерах также обязательно публикуются в последующих номерах. Интересно, что в постановлении бюро Камчатского

обкома ВКП(б) о проведении Дня печати 5 мая 1933 г., опубликованном в «Камчатской правде», говорится, в частности, о том, что необходимо «поручить органам РКИ и прокуратуре провести декадник печати, проверку реагирования на письма рабселькоров, привлекая к ответственности виновников бюрократического отмамливания на письма» и «обязать редакции газет расширить отделы писем рабочих и колхозников».

Газетам и журналам была определена роль своеобразного посредника между гражданами и социальными институтами. Партийно-государственные решения возлагали на возникавшие отделы писем и массовой работы обязанности по рассылке писем по организациям, контролю их прохождения, ответами. Такую задачу в любой стране средства массовой информации решают в исключительных случаях, когда человеку требуется помочь в сложной ситуации. В нашей же стране она приобрела гипертрофированный характер: в редакции поступали сотни жалоб и требований, не имевших никакого отношения к информационной работе. Начавшись в конце 1920-х, этот процесс развивался и в 1930-х гг. Разумеется, камчатские газеты также оказались вовлечены в него.

В 1920-х гг. на Камчатке имелась еще одна газета, о которой впоследствии забыли. Она называлась «Долина». К счастью, в документах бывшего партийного архива сохранились четыре ранних номера «Долины». Первый номер вышел 8 апреля 1923 г. Как указано в самой газете, она — орган «Районного Революционного Комитета долины реки Камчатки». Это позволяет назвать «Долину» первой камчатской районной газетой. Редактировал ее сам председатель райревкома А. И. Марков, комиссар одного из подразделений отряда Красной Армии, прибывшего в начале 1923 г. на Камчатку для ликвидации остатков белогвардейских отрядов, покинувших Петропавловск.

Газета издавалась с 1923 по 1927 г. еженедельно тиражом 50 экземпляров, форматом в писчий лист, на 4—6 страницах [16]. Печаталась она на шпирографе. Рядом с названием изображался дымящийся Ключевской вулкан. Рисунок был сделан на восковке и каждый раз возобновлялся. Первый номер в передовой статье сообщал: «Наша маленькая газета в далекой глуши ставит своей целью приблизить так долго оторванное население к своей свободной родной России. Приступая к изданию, мы не задаемся большими целями, мы ставим задачей дать освещение на материке, сделать интересы трудовой России интересами всех трудящихся, где бы они ни были, и не забывать — камчатское, запечатлевая на своих страницах все историческое, делая достоянием потомства». В конце статьи редколлегия обращалась к читателям с призывом поддержать газету присылкой заметок и высказывала сожаление о том, что многое напечатать трудно по техническим причинам, «но лучше мало, чем ничего».

Информация в газете делилась на следующие разделы: «Официальная часть», «В Советской России», «Зарубежная жизнь», «По Охотско-Камчатскому краю». Номер, посвященный Первомаю, постарались оформить празднично, заголовок немного украсили, крупными буквами напечатали лозунг: «Труд и дисциплина — залог победы трудящихся». В третьем номере газеты от 6 мая 1923 г. помещен отчет о произошедшем 14 апреля землетрясении. Текст сопровождают несколько фотографических снимков, просто наклеенных на страницы. Несмотря на то, что фотографии сильно пожелтели от времени и потеряли четкость изображения, на них виден рыбоконсервный завод, большие глыбы морских северных льдов, выброшенных на песчаную косу. Этот номер «Долины» с фотокарточками был выпущен всего в десяти экземплярах.

Заметим, что районная печать активно развивается с начала 1930-х гг. 13 мая 1934 г. Камчатское областное бюро ВКП(б) определило: «Считать необходимым в 1934 г. создать во всех районах печатные газеты. Для обеспечения выхода газет в Быстринском и Алеутском районе на национальных языках поставить вопрос перед Комитетом Севера и Институтом Народов Севера в присылке редакторов ламута и алеута и обеспечении этих газет латинским алфавитом» [17]. К этому времени уже существовали несколько районных газет.

Одной из первых (в 1930 г.) стала выходить газета «*Штурм*» — печатный орган Усть-Камчатского райкома ВКП(б) и райсовета. Позже (к 1941 г.) ее переименовали в «*Большевицкий путь*». Но, строго говоря, районной газетой «Штурм» стала в 1931 г.: в отчете Усть-Камчатского райисполкома о работе печати указано: «16 августа 1931 г. решением райисполкома из выездной газеты “Штурм” была утверждена районная газета “Штурм”. РК ВКП(б) и РИК возложили на газету основную задачу: мобилизовывать массы через газету на выполнение хозяйственно-политических задач, поставленных перед районом» [18].

В 1932 г. в Большерецком районе создана газета «*Ударник промыслов*» (переименована в «*Ударник*» примерно в 1940—1941 гг.), в 1934 г. — «*Сталинец*» (печатный орган Олюторского райкома ВКП(б) и райсовета). В июле 1935 г. начала издаваться газета «*Камчатский колхозник*» (Мильковского райкома ВКП(б) и райсовета). В 1936 г. стали выходить газеты: «*За новую жизнь*» (Тигильского райкома ВКП(б) и райсовета), «*Алеутская звезда*» (Алеутского райкома ВКП(б) и райсовета), «*Корякский большевик*» (Корякского окружкома ВКП(б) и окрисполкома в Палане), в 1941 г. — «*Знамя Сталина*» (Карагинского райкома ВКП(б) и райсовета) [19]. 21 января 1939 г. вышел первый номер газеты «*За колхозную жизнь*» (Быстринского райкома ВКП(б) и райсовета).

Вторник 12 1 Мая
1923
Д О Л И Н А
ТРУД И ДИСЦИПЛИНА
ДОЛГОГО ПОБЕДЫ ТРУДЯЩИХСЯ.

ПОЗУНКИ.

Идти три года тому назад
Всемирный социалистический Кон-
гресс съезд постановил прав-
дывать день первого мая.
День Международной пролетар-
ской демонстрации и подсчета

Двадцать лет тому назад
День великой Всемирной Соци-
алистической трудящихся в борьбе за
восьмичасовой рабочий день.
Эти позунки в свое время были
напечатаны на знаменах демон-
странтов-рабочих капиталистиче-
ского строя. Как на экране ки-
нематографа сменялись картины
жизни. Политическая картина или
един за другим в строгой последо-
вательности нарастающей и пре-
вращающейся в острые формы борьбы
классов, и вместе с ними в соот-
ветствии с моментом менялись по-
зунки ПЕРВОГО МАЯ.

Рост капитала нарастал, наро-
стала и классовая борьба, требо-
вания буржуазии и классов проле-
тариев увеличивались, увеличива-
лись, остреливались и обостря-
лись, принимая научный харак-
тер, цели и задачи классовой
борьбы.

Прошли два десятилетия после
того Всемирного Конгресса. Позун-
ки на знаменах демонстрантов в
день первого мая резко изменились.
Гнетущих уже не удовлетворяли
требования восьмичасового рабоче-
го дня, которые не были удовле-
творены. И, как исход, как един-

ственный способ был окончательно
исчерпан. На крова-
во-красных знаменах волнующие бук-
валы говорили о том страсти и жизни
и сердца трудящихся святило слово
"Да здравствует диктатура проле-
тарииата".

Солдаты отрясов расстреливали
и пролетариата, жандармерия
запирала тюрьмы и вуджиком рабо-
чими, насильники в своих сердцах
эти великие слова. Но ничто не
могло сломить стихийного помысла.
Кто скажет буре: стой на месте.
Чья власть не света так сильна?

Произвол царизма изжил сам себя,
гнет капитала свергнут, но первое
мая осталось жить, только позунки
сменились в соответствии с момен-
том борьбы за свержение капи-
тала перешли к охроне завоеваний
Белого Октября, к восстановле-
нию разрушенного народного хо-
зяйства гражданской и империали-
стической войнами, к созданию мо-
щи единственного на всем земном
шаре Пролетарского Государства.

В 1923 году трудящиеся Камчат-
ки празднуют ПЕРВОЕ МАЯ в условиях
тесной связи со своими братьями
материка. Уста политический ко-
мент на Камчатке, характеризующий
необходимостью создать твердую
власть, правопорядок и труд во
имя закрепления наших завоеваний
Тяжелые годы упорной борьбы рус-
ского пролетариата закон-
чились победой только потому,
что русский пролетариатом в этой
борьбе была проведена строгая ди-

Первый лист машинописной газеты «Долина», 1923 г.
(из фондов ГАКО)

В 1942 г. среди камчатских газет вновь появилась «*Полярная звезда*» — но теперь уже как печатный орган Пенжинского районного комитета ВКП(б) и районного исполкома.

Судьба многих районных газет была непростой — они неоднократно переименовывались, прекращали свое существование и возвращались к читателю вновь. Так, дважды менял название «Камчатский колхозник».

Материальное обеспечение газет было недостаточным. Проблему неудовлетворительного финансирования хорошо иллюстрирует пример с тем же «Камчатским колхозником». 4 декабря 1936 г. на заседании Мильковского райисполкома слушался вопрос о средствах на содержание редакции. В итоге президиум Мильковского райисполкома постановил: «Увеличить ассигнование по разделу X-му, § 22, финансирование печати, на сумму восемь тысяч рублей за счет экономии по зарплате раздела X, § 3, неполные средние школы ст. I-й 5 000 рублей, § 14, избы-читальни ст. I-й 3 000 рублей. Предупредить редактора райгазеты о взыскании средств для редакции до конца года, поставив вопрос перед отделом печати о дотации райгазеты “Камчатский колхозник”. Просить ОблИК утвердить настоящее решение» [20].

Сложно решался вопрос и с выделением помещения для редакции. Отчет райисполкома за 1937 г. указывает, что «в конце 1937 г. проведено строительство (бессметное) редакции-типографии, но по окончании в силу неимения помещений занято зубоврачебным кабинетом и трансузлом» [21]. В отчете следующего года (1938 г.) говорится, что «редакция помещается в специально построенном в 1937 г. и оконченном в 1938 г. помещении» [22].

Речь, без сомнения, идет об одном и том же здании, так, вероятно и не занятом редакцией, для которой оно предназначалось. Подтверждение этому содержится в протоколе № 1 заседания Мильковского райисполкома от 4 января 1938 г., на котором рассматривался вопрос «Об освобождении школьного помещения, занимаемого редакцией и типографией “Камчатский колхозник”». В ходе обсуждения приняли постановление: «Учитывая, что для освобождения помещения, занимаемого редакцией-типографией “Камчатский колхозник” (одна комната), для устройства в нем пионерской комнаты, вследствие полной невозможности подыскать какое-либо свободное помещение для типографии, потребуется закрытие типографии — прекращения выпуска райгазеты, от освобождения указанного помещения временно воздержаться. О настоящем решении поставить в известность ОблОНО и Облисполком» [23].

Но, не зная на трудности, газеты продолжали издаваться и даже практиковали работу выездных редакций (массовое распространение работа выездных редакций получила в годы Великой Отечественной войны, но об этом — позже), которые готовили материал непосредственно на производстве, в первую очередь уделяя внимание традиционным вопросам выполнения и пере-

выполнения плана. Например, 18 ноября 1939 г. вышел первый номер газеты «За 150 тысяч кубометров леса», издававшейся выездной редакцией газеты «Штурм», освещавший ход лесозаготовок в Усть-Камчатском районе. Печатные издания выездных редакций выходили небольшим форматом и малым числом экземпляров.

В 1935 г. начался массовый выпуск политотдельских газет, в основном, на рыбокомбинатах Акционерного Камчатского общества (АКО). Сохранился документ — «Сведения об отгрузке и отправке типографий политотделам», в котором указано, что в апреле, мае, июне и июле были отгружены типографии из Владивостокской конторы АКО в Кихчик, Большерецк, Озерную, Петропавловский порт, Усть-Камчатск, Корф, Олюторку, Карагинский [24]. В мае-августе этого же года вышли первые номера газет политотделов: Крутогоровского (15 мая), Корфского (22 июня), Петропавловского порта (29 июля), Усть-Камчатского (14 августа), Кихчикского (24 августа) и Озерновского (24 августа).

К апрелю 1936 г. на рыбокомбинатах и предприятиях АКО издавались следующие политотдельские газеты [25]:

- «Ичинский ударник» (Ичинский рыбокомбинат);
- «Путь Сталина» (Кихчикский рыбокомбинат);
- «Путина» (Крутогоровский рыбокомбинат);
- «Большерецкий рыбак» (Большерецкий рыбокомбинат);
- «За большевистскую путину» (Озерновский рыбокомбинат);
- «Камчатский моряк» (Петропавловский порт);
- «Политотделец» (Усть-Камчатский рыбокомбинат);
- «Ловец» (Олюторский рыбокомбинат);
- «Ударник Кичиги» (Кичигинский рыбокомбинат).

Впоследствии количество политотдельских газет увеличилось. В 1936—1940 гг. появились следующие многотиражки: «Стахановец» (Кировский рыбокомбинат), «Сталинец» (Пымтинский рыбокомбинат), «За стахановскую путину» (Митогинский рыбокомбинат. До августа 1936 г. газета выходила под названием «За большевистский лов»), «Микояновец» (Микояновский рыбокомбинат), «Ударник Авачи» (Авачинский рыбокомбинат), «Жупановский ударник» (Жупановский рыбокомбинат), «Стройка» (Камчатстрой), «Ударник Корфа» (Корфский рыбокомбинат), «Большевик» (Карагинский рыбокомбинат). Их тираж составлял от 300 до 1 000 экземпляров [26].

Как видим, названия районных и политотдельских газет были довольно стандартны, поэтому исследователям следует быть внимательными при работе с ними. Так, например, в одно время существовали две газеты «Сталинец»: одна — Олюторского райкома ВКП(б) и райсовета, другая — орган политотдела Пымтинского рыбокомбината. Вообще же, учитывая большое количество издававшихся районных и политотдельских газет, боевых листов

выездных редакций, работа по упорядочению их названий, точных дат начала издания и закрытия, переименований (при неполной сохранности комплектов этих газет в архивах) очень трудоемка, кропотлива и не всегда завершается положительным результатом.

Многотиражки должны были, прежде всего, освещать производственную жизнь предприятия: выполнение плана, ход социалистического соревнования, вопросы стахановского движения. На их страницах обязательно присутствовали публикации по истории партии, обычно выдержки из краткого курса истории ВКП(б), а также новости, представленные перепечатками из центральных газет и журналов.

Типографии многотиражных газет в большинстве случаев размещались в непригодных для этого помещениях, часто сырых, темных и тесных [27]. Решение кадрового вопроса также оставляло желать лучшего. На должность редакторов, как правило, выдвигались кандидатуры из промрабочих. Разумеется, что номера многотиражек пестрят грамматическими ошибками и стилистическими несурезицами. Поэтому 23 июля 1936 г. на очередном заседании Камчатский обком ВКП(б) рассматривает вопрос «О курсах редакторов райгазет и многотиражек». В итоге было решено:

«1. Предложить отделу партпропаганды и агитации и печати Обкома ВКП(б) начать курсы редакторов райгазет и многотиражек с 10 августа 1936 г.

2. Утвердить в составе слушателей курсов: 1) редактора Олюторской газеты — Ильина, 2) редактора Алеутской райгазеты — Волокитина, 3) редактора Усть-Камчатской райгазеты — Синченко, 4) редактора Тигильской райгазеты — Соболева, 5) заместителя редактора Большерецкой райгазеты — Моисеенко, 6) редактора многотиражки Судоремонтного завода — Косарева, 8) редактора Мильковской райгазеты — Николаева, 9) врид. редактора «Камчатского комсомольца» — Соловьева (нумерация сохранена в соответствии с текстом документа. — А. С.).

3. Утвердить зав. курсами тов. Прусакова, преподавателем истории ВКП(б) и истории Большевицкой печати тов. Князева, курса практики газетной работы — Кушковского и Никольского, текущей политики Кушковского, родного языка — Белопольского (Садового).

4. Тов. Кушковскому отвести для общежития курсантов палатку дома партпроса. Питание организовать в столовой дома партпроса» [28].

О значении, которое придавалось политотдельским газетам, мы можем судить по тому факту, что политуправления наркоматов регулярно составлялись сводки газет политотделов комбинатов, заводов, колхозов и совхозов, в которых содержались замечания и указания по их отдельным номерам. Фигурируют в них и камчатские газеты. В сводке № 3 от 28 августа 1937 г. политуправления Наркомпищепрома СССР подвергся критике «Микояно-

вещ» [29], а в сводке № 4 от 28 сентября 1937 г. того же политуправления — «Ударник Корфа» [30].

Следующим серьезным этапом и испытанием в истории не только местной прессы Камчатки, но и всей страны стала Великая Отечественная война. В годы войны Камчатка одновременно оказалась глубоким тылом (по отношению к Западному фронту) и пограничной зоной. Непосредственная близость Японии и интересы фронта требовали организованности населения, постоянной боевой готовности гарнизонов, расположенных на полуострове, перестройки экономики и мобилизации всех сил для помощи фронту. Естественно, что в военное время стало значительно больше уделяться внимания массовой агитации, в которой важное место отводилось печати, радио, кино, поскольку своим влиянием средства массовой информации, прежде всего печать, охватывали все социальные, профессиональные и национальные слои и группы населения.

Несомненным преимуществом прессы является ее массовость, оперативность и доступность. Естественно, что в годы войны резко возросла идеологическая функция печати, усилилось воспитательное содержание газет, влиявшее на сознание, убеждения и общественные действия людей.

В день начала войны — 22 июня 1941 г. — поздно вечером «Камчатская правда» выпустила специальную листовку, в которой сообщалось о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Крупный заголовок листовки призывал: «Дадим врагу достойный отпор!» В 146-м номере газеты от 24 июня 1941 года было опубликовано обращение: «IV сессия Камчатского областного Совета депутатов трудящихся призывает трудящихся Камчатки напрячь все силы, чтобы наша Родина в навязанной нам схватке с врагом вышла победителем. Каждый на своем посту должен способствовать укреплению мощи нашей страны, нашей славной Красной Армии».

Районные газеты 23 июня выпустили экстренные номера, на первых страницах которых было опубликовано выступление по радио заместителя председателя Совнаркома Союза ССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова от 22 июня. В них содержался призыв: «Все силы народа — на разгром врага!»

В первые дни войны в большинстве населенных пунктов и на предприятиях области прошли собрания и массовые митинги, выступая на которых камчатцы заявляли о своей готовности служить Родине на фронте и в тылу. Резолюции митингов, а также письма и обращения помещались на страницах местных газет. «Я — призывник, и не могу равнодушно слушать сообщения о боях, — писал в газету «Корякский большевик» Г. Галкин. — Я готов к боям и хочу быть в первых рядах нашей непобедимой Красной Армии и драться за независимость нашей замечательной Родины...» [31]. Множество подобных заявлений содержится в июньских и июльских номерах камчатских газет.

Важнейшей же задачей сразу после начала войны стало укрепление тыла. Было необходимо при сократившихся людских и материальных ресурсах дать стране значительно больше, прежде всего, рыбной продукции и, максимально используя местные возможности, сократить на полуостров завоз с материка снабжения, требующегося фронту.

Перестройка народного хозяйства на нужды фронта включала в себя и установление строгого режима экономии. Развернулось широкое движение под лозунгом: «Фронт требует — экономь во всем!»

В газетах приводился опыт перевода бензиновых двигателей на твердое топливо, экономии сетематериалов на рыбозаводах и электроэнергии на предприятиях. Например, 27 февраля 1943 г. «Камчатская правда» опубликовала заметку о том, что на Шубертовском комбинате организовали местное производство мыла из рыбных отходов, а в № 180 от 1 августа 1942 г. была помещена статья старшего научного сотрудника станции ВНИРО Ф. В. Крогиус «Об использовании собачьей шерсти». Газеты активно распространяли передовой опыт и рационализаторские предложения, вносимые рядовыми тружениками и инженерно-техническими работниками, направленные на совершенствование производственного процесса. Писались статьи, зарисовки, репортажи о труде стахановцев, о трудовой дисциплине, фельетоны о нераспорядительности и безответственности. На примерах работы передовиков, стахановцев промышленности и сельского хозяйства газеты должны были воспитывать трудящихся в духе добросовестного отношения к труду и общественному хозяйству, что было важно в годы войны.

Особенно остро, наряду с проблемой усиления темпов работы предприятий и повышения производительности труда, встала проблема нехватки рабочих рук. Для ее решения в сферу производства вовлекались женщины и подростки. Камчатская пресса широко пропагандировала инициативу многих девушек и домашних хозяек, которые во время войны пришли работать на рыбоконсервные заводы, в совхозы и колхозы области.

В течение всех военных лет на наиболее напряженные участки трудового фронта посылались выездные редакции. Выездные редакции «Камчатской правды» побывали на путине в Озерной, на комбинате им. Микояна, на Петропавловской судовой верфи, в Петропавловском порту и даже просто на общественных работах. Эти специальные выпуски выходили размером в четверть формата и тиражом от 200 до 500 экземпляров. В правом верхнем углу значился лозунг «Смерть немецким оккупантам!» Листовки призывали бороться за выполнение и перевыполнение заданий, сообщали о трудовых результатах, передовых бригадах, цехах, а также о недостатках в работе.

Чтобы поднять дух соревнования, номера «Камчатской правды на путине» помещали табличку «Кто сегодня впереди?» и «Доску почета» с именами лучших работников. Надо отметить, что «Доски почета» с перечнем имен

передовиков, лучших бригад, колхозов и рыбозаводов обязательно присутствовали и в боевых листках выездных редакций районных газет, и в самой «Камчатской правде», служа средством морального поощрения. Тексты и заметки о трудовых успехах сопровождались соответствующими лозунгами и четверостишиями, вроде:

*Запомни, патриот, святое слово:
Будь стахановцем, будь впереди!
В труде упорном и суровом
Врага сломи и победи!*

Или:

*Добычей военной бьем фашистов в лоб,
Одна рыба — пуля, бомба — каждый строп!*

Газеты также участвовали и в организации сбора средств на нужды фронта, призывая со своих страниц сдавать средства на постройку танковых колонн «Боец всеобуча», «Мечь матери», «Камчатский рыбак», «Советская Камчатка» и эскадрилий «Камчатка — фронту», «Связист», «Хабаровский комсомол», сообщая о ходе сбора. Как свидетельствует газета «Знамя Сталина», в Карагинском районе даже пионеры и школьники собирали деньги на постройку танка «Пионер» [32]. Кроме того, газеты очень широко разворачивали кампании по подписке на государственные военные займы и пополнению Фонда обороны страны.

Регулярно публиковались письма из действующей армии от воинов-камчатцев и стихи на военную тему, присылаемые с мест. Газета «За колхозную жизнь» поместила на своих страницах письмо, поступившее в ее редакцию от командира одной из действующих частей Красной Армии, в котором он высоко отзывается о бойце своего подразделения — звене, жителе Быстринского района: «Ваш земляк Миша Адуканов, как мы его здесь запросто называем, — настоящий герой. Он отличается храбростью, находчивостью и бьет врага наверняка. Миша служит в орудийном расчете наводчиком. В одном из боев он из своего орудия уничтожил три немецких блиндажа, поджег один вражеский танк и отбил три атаки противника». На рыбокомбинат имени Микояна пришло письмо от бывших молодых рыбаков Камчатки, воюющих на фронте, помещенное в «Камчатской правде», в котором они обращаются к комсомольцам и молодежи рыбокомбината: «Дорогие товарищи! Мы призываем вас работать так, как сражаются наши доблестные бойцы на фронте, ничего не жалеть для достижения победы!» [33].

Естественно, что публикация стихов и писем из действующей армии, многие из которых несли ярко выраженную экспрессивную окраску, служила определенной цели — воодушевлению населения на новые трудовые успехи и поднятию духа патриотизма. Письмо — документ субъективный, передающий

Смерть немецким оккупантам!

КАМЧАТСКАЯ ПРАВДА

На путине в Анапке

Орган

Камчатского обкома,
Петропавловского горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов
трудящихся

№ 4 Понедельник 10 мая 1943 г

Дал слово— выполни!

Воодушевленные первомайским приказом товарища Сталина рыбаки Анапки прилагают все усилия к тому, чтобы работать для фронта с удвоенной энергией, слаженно и четко.

С каждым днем все ярче разгорается социалистическое соревнование Колхозы, бригады, отдельные стахановцы берут конкретные обязательства, за выполнение которых они будут бороться на путине.

Рыбаки колхоза „Коммунар“ обязались выловить сверх плана 250 центнеров сельди, рыбаки колхоза „Вперед к коммунизму“—1.500 центн. Бригада морского невода (бригадир тов. Шевцов) обещает взять сверх плана 2.150 центнеров сельди. Помимо этого все коллективы берут обязательства выловить и сдать в фонд Верховного Главного командования сотни центнеров рыбы.

Это дела достойны советских патриотов. Но взять обязательство—это только начало. Надо уже сейчас хорошо продумать как его выполнить.

Слово большевика — крепкое слово, взял его —выполни!

БОЕПРИПАСЫ ФРОНТУ!

Одежда фугасных авиабомб на Н-ском заводе (Москва).

Фото Л. Доренко го.
Фотохроника (ТАСС).

С КЕМ МЫ СОРЕВНУЕМСЯ

**Тидичики,
Олюторский район,
Камчатской области
Секретарю
Олюторского райкома
ВКП(б)
тов. СМРНОВУ**

Передайте трудящимся Олюторского района, собравшим 6.245.000 рублей в фонд обороны страны, и внесших в фонд Верховного Главного Командования картофель, скот, икру, рыбу мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Будем трудиться с удвоенной энергией

В ответ на призыв в первомайском приказе товарища Сталина —работать в тылу с удвоенной энергией, чтобы дать стране и Красной Армии больше продовольствия, наша бригада морского невода № 1145, включилась в социалистическое соревнование.

Мы берем на себя следующие обязательства:

1. Дать доблестным бойцам и командирам Красной Армии сверх установленного плана 2.150 центнеров сельди;
2. Выловить и сдать в фонд Верховного Главного командования 150 центнеров сельди.
3. Отдать все силы и энергию для выполнения и перевыполнения государственного плана.

Вызываем на социалистическое соревнование комсомольско-молодежную бригаду тов. Пак.

Бригадир невода
И. Шевцов
Ловцы—**Исаев, Юст,**
Смоленцов, Синяев,
Дегтярев

Первая страница «выездного» выпуска газеты «Камчатская правда»
от 10 мая 1943 г.

КАМЧАТСКАЯ ПРАВДА

НА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ СУДОВЕРФИ

№ 7

Четверг 24 июня

1943 г.

Орган
Камчатского обкома,
Петропавловского
горкома ВКП(б)
и областного Совета
депутатов трудящихся

РАСХИТИТЕЛЬ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ—НАШ ВРАГ

ВЕСТИ СЧЕТ МИНУТАМ

Гудок давно уже возвестил начало рабочего дня, а оживленный разговор между бригадиром корпусного цеха тов. Быковым и судосборщиком тов. Метелевым не прекращался. Сорок минут рабочего времени потеряно.

Сварщику Быкову поручили принести и установить трансформатор. Быков по пути присел „отдохнуть“ и просидел более 20 минут. Несколько сварщиков в это время простаивали.

Слесарь Касьянов (мехцех) в поисках закурить начал работу на 20 минут позже.

Таких фактов сотни. Они — прямой упрек коллективу верфи, мастерам, руководителям цехов. Минуты не в почете на заводе, а из них складываются часы простоев, снижается выпуск продукции, государству наносится громадный ущерб.

Красная Армия требует от судоремонтников самоотверженного труда, ждет от них не слов, не красивых обещаний и резолюций, а реальной помощи. Между тем, каждая потерянная минута снижает возможности выполнить это требование фронта.

Впереди кузнечный цех

В ходе соревнования цехов на первое место по итогам работы 23 июня вышел кузнечный цех. Средняя выработка этого дня составила в кузнечном 188 проц. Кузнец тов. Спирюгов работал за четверых. Его показатель—393 проц. Более трех норм дал кузнец тов. Баканов.

Второе место в соревновании цехов — за литейщиками. Их средняя выработка—177 проц. Первенство среди литейщиков попрежнему за формовщиком тов. Волковым, выработавшим 462 проц. дневной нормы.

Несколько отстал в этот день корпусный цех, где средняя выработка составляет 137 проц. Такие темпы не обеспечивают выполнения обязательств, взятых котельщиками в соревновании.

Молодая патриотка

Тов. Кичигина (мехцех)—молодая станочница, она еще не переведена даже на рабочий разряд, но к порученному делу относится добросовестно, аккуратно, ведет счет рабочим минутам. Оттого и результаты ее работы прекрасны.

Вчера за 8 рабочих часов она нарезала резьбу на 430 гайках, перевыполнив задание квалифицированного токаря более чем в три раза. Тов. Кичигиной вручен красный флажок лучшего стахановца механического цеха.

Когда будет готова „Зея“?

20 июня истек срок исполнения договора по аварийному ремонту землесоса „Зея“, а конца работ еще и не видно.

Большинство деталей задерживают в обработке корпусный и механический цеха. На

М — разрыхлители, например, много сварочных работ. Руководители корпусного цеха, зная об этом, не принимают необходимых мер для их форсирования.

Д. Лукашов,
комполнт „Зен“.

Первая страница «выездного» выпуска газеты «Камчатская правда»
от 24 июня 1943 г.

эмоциональное состояние автора, и потому способный произвести сильное впечатление на читателя.

Можно заметить, что тематика публиковавшегося в газетах материала достаточно широка. Однако обратим внимание на то, что если трудовой подвиг камчатцев на страницах газет представлен достаточно широко, то повседневные, насущные проблемы населения, такие, как обеспечение продовольствием, жильем, промышленными товарами и одеждой, особенно остро стоявшие в годы войны, на газетных страницах отражения практически не находили. Газеты уходили от анализа социальных, экономических, нравственных проблем, рожденных военным временем. Картина реальной действительности предстает достаточно «отлакированной». В публикациях чаще применялся декларативный подход с широким использованием общих призывов и лозунгов.

Однако возложенную на нее задачу — мобилизовать население на самоотверженную работу в военные годы камчатская печать выполнила, являясь не только информатором, но агитатором и коллективным организатором, несмотря на все трудности. В годы войны полиграфическая база Камчатки, естественно, пополнялась слабо, а типографские машины были изношены, и часто вышедшую из строя деталь изготавливали на месте из подручных материалов.

С окончанием войны задача не изменилась — нужно было все так же мобилизовывать население — но уже на быстрее восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны. Возможно, это было одной из причин, по которой в июле 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет», в котором потребовал «на деле превратить газеты в боевые органы политического воспитания масс».

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
2. Там же. Ф. Р-555. Оп. 3. Д. 70. Л. 8.
3. Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 27.
4. Там же. Д. 16. Л. 6.
5. Там же. Д. 53. Л. 53.
6. Хроника Камчатской областной партийной организации (1917—1981 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1982. — С. 15.
7. ГАКО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.
8. Год издания «Камчатского комсомольца» — 43-й! // Камчатский комсомолец. — 1967. — 5 мая.
9. Витер И. Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 12 июля.

10. *Витер И.* Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 12 июля.
11. ГАКО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 161. Л. 123.
12. Там же. Д. 213. Л. 46.
13. *Витер И.* Время, запечатленное в строке // Камчатский комсомолец. — 1974. — 23 июля.
14. Там же. — 20 авг.
15. ГАКО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 70. Л. 330.
16. *Семенов В.* Первая районная газета Камчатки // Камчатская правда. — 1966. — 30 июля.
17. ГАКО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 21. Л. 109.
18. Там же. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об.
19. Там же. Ф. П-800. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.
20. Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 8. Л. 37.
21. Там же. Л. 91.
22. Там же. Л. 13.
23. Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.
24. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.
25. Там же. Д. 78. Л. 1.
26. Там же. Д. 342. Л. 268.
27. Там же. Д. 365. Л. 154.
28. Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 110. Л. 139.
29. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149. Л. 155.
30. Там же.
31. *Галкин Г.* Я готов к боям // Корякский большевик. — 1941. — 1 июля.
32. На постройку танка «Пионер» // Знамя Сталина. — 1942. — 4 февр.
33. Переписка с фронтом // Камчатская правда. — 1943. — 2 нояб.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

№ 9 ВТОРНИК,
13 ИЮНЯ 1944 г.

АГИТАТОР НА ПУТИНЕ

Выдающиеся по своему значению события происходят за последние дни. Наши союзники 6 июня пересекли Ламанш и начали высадку громадной армии на побережье Франции. Вчера мы с радостью услышали сообщение Совинформбюро о том, что войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке.

Об этих событиях должен знать каждый рыбак, каждый рабочий, каждый колхозник.

Агитколлективы рыбозаводов, колхозов должны выйти на производственные участки проводить свою работу в цехах, бригадах, на неводах, повседневно разъяснять смысл происходящих событий, первомайский приказ товарища Сталина, своим страстным большевистским словом мобилизовать коллективы на героический труд во славу нашей грядущей победы.

Мы переживаем ответственный период отечественной войны с германским фашизмом, поэтому надо подвиги трудовые удвоить и утроить, напряжением всех наших сил помочь Красной армии разбить врага в ближайшее время.

Агитатор должен стать душой коллектива в борьбе за выполнение производственных планов.

Смерть немцам оккупантам!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

выездной редакции районной газеты «Сталинец» — орган Олуторского РК ВКП(б) и Райсовета — на сельдовой путине.

10 июня войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке.

За два дня боев войска Красной армии прорвали сильно укрепленную оборонительную линию врага по фронту на 40 километров и продвинулись вперед на 24 километра.

В ходе боев нашими войсками занят город Терноки и 80 других населенных пунктов.

Фронту помогают подвигом в труде

Примерной является работа выливщиков рыбы из кунгасов (рыбозавод 6), бригадир т. Бесфамильный, члены бригады тт. Белицкий, Кутасов и Пермяков, они выполняют дневные нормы не ниже 200 процентов.

На 180—200 про-

По-стахановски работает на выноске рыбы (рыбозавод 6) бригада колхозников колхоза им. Тимошенко, бригадир т. Кузнецов. Ежедневная норма вы-

центов и больше выполняют задания засольщики тт. Рабинин, Попов, Соколов и Буклин. Такие же показатели у подносчиков соли тт. Рыдванова и Родионова.

Большевистский привет стахановцам путин!

Я. Колобихин.

работки не ниже 130—200 процентов. Членами этой бригады являются тт. Сабитова, Валеева и Ашарафулина. Иванов.

НА КОЛХОЗНОМ ЛОВЕ

10 июня рыбозавод 6 принял от колхозов сельди 1378 центнеров. Первым на лову по одаче рыбы идет кол-

хоз «Тумгутум», сдавший в этот день 750 центнеров сельди. Лов во всех колхозных бригадах продолжается.

Боевой листок выездной редакции газеты «Сталинец» Олуторского района Камчатской области от 13 июня 1944 г.

АВГУСТ
16
СРЕДА
1944 год
№ 30 (401)
Цена 10 коп.

СТАХАНОВЕЦ

О Р Г А Н
партийной, профсоюзной,
организаций и дирекции
комбината имени Сергея
Мироновича Кирова

Успешно завершить годовой план добычи и обработки рыбы

Героическими усилиями коллектива рыбаков базы № 3 годовой план по добыче и обработке рыбы выполнен на 103 процента и коллективом базы № 1 на 102 процента. В этом большую роль сыграли и руководящий состав баз.

Приближается к выполнению годового плана и база № 2. Сейчас главным образом лимитирует подвозка соли с базы № 1, где необходимо уделять особое внимание со стороны дирекции комбината, чтобы своевременно нагружать и отправлять

кумасы с солью на базу № 2. Нельзя допускать излишних простоев, как при погрузке соли в кумасы, а так же выгрузке ее на второй базе.

Все сделать для того, чтобы в 2 дня успешно завершить годовой план и с честью выполнить взятые обязательства коллективом рыбаков и рыбацкой комбината перед родной и великой Сталиным.

Все силы коллектива комбината на выполнение и перевыполнение годового плана.

Директору базы № 3 т. Колбасину

Поздравляем вас и ваш коллектив рыбаков с досрочным выполнением государственного плана.

Уверены, что вы и ваш коллектив дадите родине и фронту ты ся ч и пудов рыбы сверхплана, тем самым еще больше поможете героической Красной Армии в окончательном разгроме немецких разбойников и изгнании их из пределов нашей священной земли.

Директор комбината им. С. М. Кирова
Секретарь партбюро
Предзавкома

Шиянов
Шумин
Шеметов

Директору базы № 1 т. Просину

Поздравляем вас и ваш коллектив рабочих и работников, ИТР и служащих, домохозяек и школьников с досрочным выполнением годового государственного плана по добыче и обработке рыбы.

Надеясь, что рыбаки и рыбацки базы № 1 приложат все свои силы к максимальному перевыполнению плана и дадут нашей родине и наступающей Красной Армии те десятки тысяч пудов рыбы сверхплана и тем самым внесут достойную лепту в дело окончательного разгрома врага, в дело скорой и полной победы над немецким фашизмом.

Директор комбината
Секретарь партбюро
Предзавкома

Шиянов
Шумин
Шеметов

Вперед! Вперед!

„Тот, кто норму свою выполняет в двойне, тот доблестный воин в священной войне“. Эту светлую заповедь глубоко усвоили и превратят в жизнь замечательные гвардейцы ты ла мовщины: т. Аланкина А. (домохозяйка) и тов. Мирченко выполнившие задание на 200 и 200 процентов.

т. Смылькова и Закавказская, резницы тов. Равялова, и тов. Деревянченко, тов. Мышова

и тов. Бичаева ежедневно выполняют задание на 200 процентов.

Стахановский труд патриотов рез ч и т базы № 2, помогает выполнять и перевыполнять государственный план добычи и обработки рыбы.

Нет сомнения в том, что передовые резницы и мойщицы базы № 2 добьются новых, еще более высоких показателей в производительности труда.

Борисов

ДОСКА ПОЧЕТА ПЕРЕДОВИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНИЯ ИМЕНИ ОБОРОНЫ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ

ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ДИРЕКЦИИ И ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНОСЯТСЯ НА ДОСКУ ПОЧЕТА ПЕРЕДОВИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОВЕРШЕНИЯ, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ОТЛИЧНОЕ КАЧЕСТВО РАБОТЫ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ НОРМ.

ИКОРНЫЙ ЦЕХ БАЗЫ № 1

Патрикеев (начальник цеха)
Анисимов С. Е. (икорный мастер).
Елизаров (рабочий).
Вертикацкий (рабочий).
Каширцев (рабочий).
Летенкин (рабочий).
Тышов (рабочий).
Юрин (рабочий).
Тышова (работница).
Патрикеева (домохозяйка).
Симакина А. (работница).

ИКОРНЫЙ ЦЕХ БАЗЫ № 3

Бахов (начальник цеха).
Гаврилов (бригадир цеха).
Цокур (рабочий).
Кобакоев (рабочий).
Плотников (рабочий).
Воронов (рабочий).
Зуева (домохозяйка).

900 пудов сверхплановой высококачественной икры

Коллектив икорного цеха, где мастером тов. Бахов 6 августа закончил выполнение годового плана по икре. Рабаки и рыбаки цеха получили фронтные задания с 7 по 15 августа выработать 900 пудов икры лучшего качества и за выполнение данного фронтного задания по большинству из них взысканы мастер тов. Бахов и рабочие икорного цеха базы № 3.

В борьбе за выполнение плана по икре уже показав

дливой силы и способностей, свое знание и умение образцово работать следующие рабочие передовики: тов. Гаврилов (бригадир цеха), Цокур, Кобакоев, Плотников, Воронов и домохозяйка тов. Зуева.

Честь и хвала передовому коллективу досрочно по законченному выполнению годового плана по такому дорогостоящему продукту питания, как икра.

И. Колбасин
С. Толмачев

Первая страница газеты «Стахановец» Кировского рыбокомбината АКО от 16 августа 1944 г.

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

Апача, село. В настоящее время находится на территории Усть-Большерецкого района. Расстояние до районного центра — 60 км. Ближайшие селения — Малка, Большерецк, Начики.

Этот ительменский острожек получил название от русских по имени тойона Опача, жившего здесь в начале XVIII в. В XIX в. острожек находился на реке Плотниковой, расстояние до него от Петропавловска считалось 138 верст. В 1868 г. здесь имелась деревянная часовня, 12 домов, жили 83 чел.: 41 мужчина и 42 женщины.

По переписи 1876 г. в селении обитали 108 чел., в том числе один духовного сословия, трое отставных казаков, пятеро петропавловских мещан и 99 камчадалов. Двое жителей считались грамотными, двое — малограмотными. Всего в селении находилось 49 построек, в том числе три амбара, две бани, 18 балаганов и 12 стай (загонов для скота).

Селяне содержали 13 лошадей, 78 коров и 197 собак. Картофеля они посадили 77, собрали — 538 пудов, выловили 79 470 лососей. За охотничий сезон были добыты 45 соболей, 16 выдр, одна лисица, семь оленей и шесть медведей.

Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов, путешествуя по Камчатке в конце XIX в., неоднократно посещал это селение. Он оставил его описание: «Селение Апачинское или Апача находится на низменном, частью затапливаемом по веснам водою, правом берегу Ничикинской реки, в какой-нибудь сотне саженей от более возвышенного, ровного и сухого наверху увала. Небольшие домики его, числом до двадцати, разбросанные без всякого видимого порядка, крыты травой, как и в каждом другом селении, и выстроены, главным образом, из тополевого леса, доставляемого жителями с верхнего и нижнего течения Начики, недалеко от селения.

Тут же, в селении, по самому берегу реки тянется ряд рыбных балаганов и ям, необходимых атрибутов всякого камчатского селения, наполненных кислой рыбой, отчего и называемых “кислых ям”, распространяющих острый, весьма неприятный запах, по которому уже можно издали знать о близости селения.

Жителей в Апаче считается более ста душ; таким образом, селение это является одним из более населенных пунктов полуострова; почти все они по своему происхождению камчадалы, что можно знать по сохранившемуся среди них инородческому типу... Из всех жителей Апачи, только двое стариков, это Федор Антонов и его жена, немного “слышат”, то есть понимают камчадалскую речь, хотя сами не могут объясниться на этом языке.

В настоящее время в селении, кроме убогой часовенки, имеется еще держащаяся на общественные средства школа, которая временно помещается в доме... Федора Антонова, а преподавание в ней ведется сыном этого старика, камчадалом Кириллом...

Всех вообще обитателей Камчатки можно назвать рыбоедами или рыбоядными, желая таким названием оттенить их исключительный род пищи. Рыба у них поедается за завтраком, рыба идет на обед, с рыбой пьется чай, и рыба же составляет ужин.

Тут же можете видеть рыбу на все манеры, во всех видах приготовленную: рыба квашеная, рыба жареная, варенная, вяленая, соленая, сушеная.

В лето 1897 г. жители Апачи говорили единогласно, что «слава Богу, нонче, можно сказать, рыбы благодать было: все довольно запасли корму. Вот только летний корм плохо вышел: лето больно ненастное стояло — много пропадало корму. Зато теперь (в октябре месяце) — хороший. Рыба идет жирная. Запоры по четыре раза в день приходится опораживать. Одним словом — изобилие рыбы нонче! Всяк наловил, сколько хотел. И кислой довольно наклали»».

В октябре 1897 г. местная жительница Анна Михайловна Панова открыла в своем доме школу и учительствовала в ней вплоть до смерти в 1900 г. Ее сменил односельчанин Кирилл Федорович Антонов, отец троих детей. Ему помогал сын Григорий. К. Ф. Антонов писал о себе, что «школьного дела он не знает, нуждается в работе по хозяйству».

Руководитель Ботанического отдела камчатской экспедиции Ф. Рябушинского В. Л. Комаров приводит такое описание места расположения селения: «Селение Апача расположено на правом берегу р. Начики, на сухой аллювиальной террасе, в версте от последних одиноких гор правого берега».

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. апачинцы опасались нападения на селение японцев. Они обратились к начальнику уезда с просьбой об эвакуации жителей селения в безопасное место.

«Донесение. Его Высокоблагородию Господину уездному Начальнику. Мы, нижеподписавшиеся камчадалы Апачинского селения, честь имеем покорнейше просить Вас Вашего Благородия нельзя будит нам от опасности на всякий случай отвести жен и детей, хотя куда прикажите. Потому что мы опасаемся вместе с женами и детьми быть в нашем Апачинском селении, а сами мы не оставим свое селение до распоряжения Вашего а японские хищники могут придти с нашей реки устья так, как они ходили в прошлые года.

По безграмотности старосты и личной просьбы расписался камчадал Евстегней Панов. За общество прилагаем общественную печать».

В 1923 г. селение было описано как объект на пути движения частей Красной Армии. «В 15 верстах на юг от с. Апача имеется горячий ключ, богатый селитрой. Ключ считается целебным. В районе селения жителями

случайно находились вещи, как-то: стамески, мотыги и прочие, высеченные из камня, по предположению — это некогда живших здесь камчадалов. Также раскапывались ямы, которые представляли из себя часть юрт инородцев. В верстах ста от селения к югу, приблизительно за Опальской сопкой (Опала), имеется горный хрусталь. От селения Апача отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апачи в шести верстах к югу на реке Шиково.

Селение называется “Шиково”. На этом месте под землей имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина. По словам одного апачинского старика (62 года), его дед — иркутский купец 80—90 лет тому назад переселился из Иркутска в Тигиль, а потом в Петропавловск и с. Апачу. Таким образом, в Иркутске за счет казны закупил скот (лошадей, коров и прочее), тогда казна оказывала переселяющимся большую помощь, и со своими соседями и другими односельчанами до Тигили шли три года.

Селение имеет 24 жилых дома, девять теплых сараев и прочих построек 22. Численность населения еще не выяснена, регистрации не было. Имеется одна школа и один учитель, количество обучающихся 10 чел., грамотных в селении приблизительно наполовину. Партийной организации не имеется, и партийных нет. Церкви, попов, жрецов и шаманов тоже нет. Имеется почта и телеграф, кооператив, наблюдательных промысловых пунктов нет. Главное занятие жителей — охота и рыболовство. Продукты охоты и рыболовства продаются коммерсантам, приезжающим от фирмы Гудсон-Бей. Торговля происходит в обмен и на деньги. Ходовые товары, главным образом, мука, сахар, мануфактура и прочие. Деньги — иена. Скупается больше всего пушнина. Доверенный фирмы Гудсон-Бея — Шикер.

Японцами привозится много спирта, спрос на спирт большой. Устройство поверхности гористое и лесистое, род леса: береза, ольха, тополь, кедровник и лиственнич.

Реки: приток р. Апача, Бонная, Корымчина (Большая река), глубиной не везде одинаково. Температура лета от 0 достигает 30 град. жары, а зимой от 5 град. до -30 град. Глубина снега два аршина, дожди выпадают часто, пурги и ветры тоже частые, ветры восточные. Почва каменистая, обеспечена водой. Имеется три колодца (ключи). Качество воды хорошее. Состояние телеграфной линии дурное, постройка старая, дряхлая, ремонта не было давно. Передвижение зимой на собаках, а летом вьючными. Количество собак 150, лошадей годных под вьюк 15, три телеги, нарт 33, лыж 33, коров 25 голов. Имеется горячий ключ по притоку Шиковой в 15 верстах, находится на сухом месте. Кочевников не имеется. Партийные работники отсутствуют».

По отчету Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 113 чел., в том числе 32 больных.

По материалам Приполярной переписи 1926 г., в Апаче обитали 105 чел., в основном камчадалы.

В период коллективизации в селении был создан колхоз имени И. В. Рябикова. Илларион Рябиков часто бывал здесь, оставил добрую память, и поэтому жители единодушно назвали свой колхоз его именем. С теплотой о нем вспоминали сестры Мария и Елена Логиновы.

В январе 1943 г. в селении жили 187 чел., из них 107 трудоспособных, в том числе 52 мужчины и 55 женщин. В 1994 г. численность местного населения составляла 1 419 чел.

Большереецк, острог, село. В начале XVIII в. в общих чертах завершился процесс формирования территории Российского государства от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В 1704 г. на обеих окраинах России началось строительство: на берегу Невы рос новый город, а в это же время на Камчатке другие строители рубили Большереецкое зимовье. Русские люди закреплялись на западных и восточных рубежах и создавали новое государство — Российскую Империю. Выход России к берегам Тихого океана в XVII в. стал важнейшим итогом деятельности русских землепроходцев и мореходов.

По свидетельству С. П. Крашенинникова, в 1707 г. во время восстания ительменов недавно сооруженный Большереецкий острог был сожжен. Его вновь отстроили только весной 1711 г. В сборнике архивных материалов «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» приводится челобитная служилых людей Анцифорова, Козыревского и других Петру I от 26 сентября 1711 г. В ней указывается: «...и на том месте мы, рабы твои, ниже прежнего ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили». В этом же году из Большереецка казаки под руководством Д. Анцифорова и И. Козыревского отправились в поход на Курильские острова.

В 1713 г. отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из ее донесений сообщалось: «От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

«В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев», — сообщает А. С. Стибнев. После отъезда с полуострова в 1723 г. Лосев сдал служилому Артемию Попову «острог деревянный, стоящий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на север аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков 40 человек».

Участник Первой Камчатской экспедиции мичман П. Чаплин после перехода из Охотска до Большереецка определил между ними «расстояние плавное 603,6 мили, а русскими верстами 1 051,27 версты». Участники экспедиции отметили «в остроге 17 дворов».

В XVIII в. Большереецк являлся административным центром Камчатки. Отсюда начиналась колонизация юго-восточной части полуострова, стартовали

казачьи и православные походы на Курильские острова. Сюда из Охотского порта прибывали служилые и многочисленные экспедиции. Острог одно время служил базой для Первой Камчатской экспедиции. После установления санного пути ее члены отбыли из Большерецка по рекам Быстрой и Камчатке в Нижнекамчатский острог.

Георг Стеллер, участник Второй Камчатской экспедиции, перечислял преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

С. П. Крашенинников дает подробное описание острога: «...стоит на северном берегу Большой реки, между впадающими в оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в 33 верстах от Пенжинского (Охотского. — В. Б.) моря. Крепость во оном остроге четвероугольная, во всей стороне по 10 сажен...»

В Большерецке имелись строения: «...ясная изба, аманатская казенка, анбар для содержания аманатской юколы, да двоежилой анбар, в котором яшашная казна хранится. За острогом строения часовня, что ныне уже церковь, во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых 45 человек, да казачьих детей 14 человек».

Большерецк стал известен и в Европе благодаря участникам экспедиции Дж. Кука и авантюристу М. Беневскому. Осенью 1770 г. на Камчатку прибыли два судна: «Святой Петр» и «Святая Екатерина», на борту которых находилась группа ссыльных, в том числе М. Беневский, А. Винбладт, Иоасаф Батулин, Василий Панов. Уже ранней весной следующего 1771 г. они подняли в Большерецке восстание и убили камчатского командира капитана Григория Нилова.

Капитан Тимофей Шмалев, долгое время служивший на Камчатке, оставил подробное описание Большерецка, датированное 1773 г.: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская Большерецкая Канцелярия... Казенного строения: Канцелярии, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения еще никакого не имеется».

В 1773 г. на Камчатку прибыл премьер-майор Магнус Карл фон Бем, назначенный главным командиром. Бем много сделал для улучшения жизни на полуострове. Так, в Большерецке он устроил первую больницу, где слу-

жил лекарь Робек. На полуострове стали укрепляться школы, в них значительно возросла численность учеников.

Сменивший Бема коллежский ассессор Франц Рейнеке, как сообщает А. С. Сгибнев, «привел в порядок полуразрушенные здания в Большерецке и построил там новую церковь».

В 1799—1800 гг. на Камчатке свирепствовала эпидемия «гнилой горячки», унесшей более сорока процентов жителей полуострова. Вымерло почти все население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. В устье реки Камчатки «для содержания караула» по указанию иркутского губернатора Леццано были переведены большерецкие казаки с семьями.

Постепенно, с переносом административного центра вначале в Нижнекамчатск, а затем в Петропавловск, роль Большерецка уменьшается. Уже в начале XIX в. он превращается в обычное камчатское селение, в котором жили около 100 чел.

В 1818 г. по итогам седьмой камчатской переписи населения здесь оставалось 68 русских жителей: 34 мужчины и 34 женщины. Через пятьдесят лет население несколько увеличилось. В 1868 г. в селе было всего 12 домов и 81 житель: 43 мужчины и 38 женщины. Здесь имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстояние до Петропавловска по почтовому тракту составляло 178 верст.

По переписи 1876 г. в селении проживали 53 мужчины и 46 женщин. По сословному составу они делились так: 14 казаков, в том числе только один состоявший на службе, 23 духовных лица, два отставных нижних чина, пять камчадалов, 55 крестьян. Грамотных насчитывалось 14, малограмотных — один.

В селении имелась церковь и 13 домов. Всего здесь насчитывалось 57 построек, в том числе одна кузница, семь бань, 16 балаганов. Жители содержали 20 лошадей, 58 коров и 182 собаки. За год они выловили 74 600 рыб лососевых пород, добыли 130 нерп, 33 выдры, 18 медведей, девять соболей.

В 1895 г. в Большерецке осталось 12 домов, 27 хозяйственных построек, здесь жили 40 мужчин и 32 женщины. Селяне содержали 20 лошадей и 68 коров. Они добыли 98 соболей, 31 медведя, 17 лисиц и девять выдр. Поймали для себя и собак 38 600 рыбин общим весом около 96 т.

В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится, чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики... разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы, и, в общем, селение производит крайне унылое грустное впечатление...

В этом селении имеется одна церковь — ветхое полуразрушившееся здание, подпертое со всех сторон бревнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь; есть школа...

Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стекол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало свету, но зато при каждом открывании и закрывании домовых двери или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи сложены из самодельного необожженного кирпича на деревянных опечках; из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдете стены и потолок ее окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Уксусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам грамоты. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошел самоучкой до разбирания печатного и писанного.

Все население не превышает сто душ».

В 1901 г. численность местного населения составляла 113 чел.

До конца XIX в. в Большерецке находился архив, где хранились уникальные документы XVIII в., отражавшие историю колонизации Камчатки и Курильских островов. Об этом в своем классическом труде «Охотско-Камчатский край» упоминает Н. В. Слюнин: «Еще недавно в Большерецке целый сарай был завален старыми и интересными бумагами».

Об истории Большерецкой церкви в середине XIX в. писал протоиерей Прокопий Громов: «Храм в Большерецке... первый раз освящен был во имя Успения Божией Матери 15-го марта 1741 г. священником Ермолаем Ивановым». Этот храм «держался сорок лет». Следующий был «...освящен 2 января 1784 г. протоиереем Стефаном Никифоровым. Третий храм на месте второго обветшавшего построен при генерале Петровском, освящен 19 февраля 1812 г. протоиереем Никифором Никифоровым. Четвертый, на место третьего обветшавшего, строен при начальнике Камчатки Голенищеве и Шахове, освящен 22 января 1838 г. протоиереем Прокопием Громовым».

Причиной непродолжительной жизни храмов являлось отсутствие в районе Большерецкого острога качественной древесины. Поэтому вновь построенное из «плохого лесу» сооружение не мог служить долго.

В ноябре 1861 г. Большерецк посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своих путевых заметках он отмечал: «26-го, воскресенье.

Отправлял литургию с молебном Св. Иннокентию и после того говорил прощальное слово. Причетчики Синаев и Логинов посвящены в стихарь».

Последним священником в Большерецкой церкви до ее закрытия в 1927 г. был Григорий Колегов.

В декабре 1922 г. на крейсере «Командарм Уборевич» на полуостров прибыл экспедиционный отряд 5-й Краснознаменной армии под командованием М. П. Вольского. В 1923 г. на западном побережье Камчатки побывал один из представителей этого отряда (в документах его имя не называется), составивший подробное описание здешних селений. Анонимный автор указывает численность и занятия населения, его вероисповедание, наличие школ и культовых зданий, наличие полезных ископаемых и виды используемого транспорта.

«Жилых домов 31, теплых сараев 28, холодных сараев (служащих для ююкы) 25, бань 10, амбаров 15. Население в селе Большерецк приблизительно 150 чел., из них 51 мужчин, 70 женщин и 29 детей. Население — преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении Апача. В селении находится отделение фирмы Гудсон-Бей, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы Гудсон-Бей часто приезжают скупщики пушнины (также идет обмен), как-то Апиев, Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, все это коммерсанты из Петропавловска.

Население замается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдается на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушнинной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идет в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как-то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что все это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около 60 шт. и лошадей около двадцати. Каюричиков в селе 26 чел. Собак около 320.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большая). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идет главный лов рыбы. С апреля начинают

идти гольцы (идет в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идет в Усть-Большерецк, или иначе, в Хайковую падь, которая лежит в тридцати верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на ботах; мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность — по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно березой, так называемой каменной, встречается ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают в достаточном количестве».

По отчету Камчатского губревкома за 1923 г., в селении жили 128 чел., в том числе 25 больных. Спустя три года, по данным Приполярной переписи населения, жителей было 130 чел.

В связи с частыми затоплениями во время весеннего разлива рек по ходатайству жителей с 1928 по 1931 г. село было перенесено на другое место. Так появилось новое селение Кавалерское. Впоследствии рядом с озером Большим на берегу Охотского моря образовался поселок Большерецк.

Голыгино, селение. Название ему дала река Голыгина. На языке коренных жителей река именовалась Нынгучу (Нынгачу). Владимир Атласов назвал ее Голыгиной по фамилии потерявшегося там казака Ивана Осипова Голыгина. По версии Б. П. Полевого, казака убили камчадалы.

По данным С. П. Крашенинникова, «вверх по реке Нынгучу от устья верстах в 14 есть острожек, называемой Кууюхчен». В нем было ясачных плательщиков 25 душ, а всего около 130 чел.

Агроном Кегель, путешествовавший по Камчатке в 1845 г., в своем дневнике дает селению такую характеристику: «24 августа вышел я опять к Голыгиной. Эта деревня имеет 44 холостых и 37 женатых жителя в восьми домах, 66 штук крупного рогатого скота, восемь стойл и 17 сушилен. Здесь хорошее место, река того же названия и еще одна маленькая, впадающая выше... У камчадалов, особенно если их женщины хорошие хозяйки, есть запасы одежды из ситца, а иногда и из шелка, которые они шьют сами».

Селение находилось близ реки Голыгиной. Отсюда до Петропавловска считалось 318 верст. В 1836 г. здесь жили 64, в 1851 г. — 74 чел. В 1868 г. селение составляли пять домов, жили 27 мужчин, 24 женщины. По переписи 1876 г. численность населения снизилась до 39 чел. По сословному составу в их число входили пять петропавловских мещан, три служителя морского ведомства и 31 камчадал. В селении по-прежнему имелось пять домов, а всего построек насчитывалось 25. В это число входила и часовня.

Селяне содержали 25 коров и 86 собак. В огородах они возделывали картофель и репу. Охотники за сезон 1868 г. добыли девять соболей, девять выдр, одного барана, 19 оленей, 25 нерп и 37 медведей.

В 1901 г. численность местного населения определялась в 51 чел. Здесь жила русская семья Ворошиловых.

По данным Приполярной переписи 1926 г., в селении имелось 12 хозяйств, в том числе 10 камчадалских. Здесь располагался сельсовет. В годы коллективизации в Голыгино образовался колхоз «Рассада». В 1943 г. колхозников насчитывалось 49 чел., среди них трудоспособных 15 мужчин и 17 женщин. Колхоз в этом году располагал 31 коровой, двумя сенокосилками, восемью косами, тремя конными плугами, одним культиватором, конными граблями и шестью бородами. За год колхозники выработали 1 602,7 трудодня, а по финансовым итогам года они получили за один трудодень: 11 руб. 80 коп., 2,35 кг картофеля, 0,54 кг капусты, 0,9 кг репы и 2,6 кг рыбы.

В настоящее время селение Голыгино не существует.

Дранка, селение. В первые 130 лет колонизации Камчатки русскими отношения камчатской администрации с коряками оставались крайне сложными. Неоднократно на севере полуострова между русскими и местным населением происходили вооруженные стычки.

Протоиерей П. Громов сообщает, что на камчатских границах начальнику Камчатки А. В. Голенищеву, назначенному на должность в 1827 г., предписывалось построить Дранкинскую церковь. Ее заложили 1 марта 1835 г. На Камчатку из Иркутска доставили иконостас, для удобства транспортировки писанный на полотне. В новую церковь назначили вновь прибывшего священника Стефана Вениаминова.

На карте К. Дитмара, побывавшего на Камчатке в 1851—1855 гг., селение обозначено в устье реки Дранки.

В 1862 г. селение посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своем путевом журнале он отмечал: «Дела церковные, архив и ризница — все найдено в должном порядке. Здание церковное, существующее одиннадцать лет, несмотря на слабость леса, еще очень хорошо и прочно, требует только исправления крыши...»

По списку населенных мест Петропавловского округа, датируемому 1868 г., от селения до Петропавловского порта считалось 986 верст. В Дранке имела деревянная православная церковь, приходское училище, 11 хозяйств, жили 50 мужчин и 56 женщин.

По переписи 1876 г. здесь обитали лишь 77 чел., в том числе: двое гижигинских «инородцев», 22 духовных лица и 53 камчадала. Грамотных насчитывалось 28 чел. В селении стояли уже две церкви, одна юрта, восемь амбаров, 11 домов, 21 балаган, две стаи и одна баня. Селяне содержали двух лошадей, 13 коров и 98 собак.

В 1923 г. Усть-Камчатский райревком направил в адрес сельских обществ предписания о передаче церквей обществам верующих. Но местное сельское общество отказалось принять церковь. Тогда райревком 18 февраля

1924 г. распорядился: «...утварь же (церковную. — *В. Б.*) вышлите первым пароходом в Петропавловск, губревкому».

«Лоция побережья РСФСР», изданная в 1923 г., указывала: «В 18 верстах вверх по течению реки и в $3\frac{3}{4}$ мили от берега моря расположено небольшое селение Дранка; церковь этого селения... хорошо усматривается с моря».

В отчете Карагинского райревкома за 1927 г. отмечалось, что в Дранке выстроена изба-читальня.

Землеустроитель В. С. Шаталов, посетивший селение в 1936 г., записал: «...расположено на высоком правом берегу реки Утхиваям, в пяти километрах от моря. Это маленькая деревушка в полтора десятка избышек, срубленных из тополя, ивы, березы. Есть еще восемь землянок. Кроме жилых, здесь были также подсобные помещения — маленькие деревянные сарайчики и обязательные для здешних мест юкольники.

Дранка — центр товарищества “Рыбак”, организованного еще в 1927 г. Основное занятие: рыболовство, сельское хозяйство (земледелие и животноводство), охота на пушного зверя и морской зверобойный промысел. Однако основной денежный доход население получает от промысла пушного зверя. Общественных посевов нет, но почти каждая семья имеет огороды, выращивая картофель, свеклу, турнепс, брюкву, морковь, лук, капусту.

Население Дранки невелико, и детей в возрасте от восьми до шестнадцати лет всего 17 чел. Однако есть начальная школа и интернат. Молодая учительница (она же заведует клубом) приехала с материка. В поселке есть общественная баня, небольшой магазинчик с самыми необходимыми товарами и продуктами».

Ивашка, селение. На склонах горного хребта берет свое начало река Панкара или Ивашка. Она впадает в мелководную лагуну, образованную рекой перед выходом в море. Камчатский краевед В. П. Кусков считал, что селение здесь «возникло до 1797 г.». По данным автора, селение на реке Панкара существовало еще задолго до прихода сюда казаков. В середине XVIII в. непродолжительное время на реке стоял небольшой русский острог, возведенный против «немирных иноземцев».

В. С. Шаталов записал легенду, согласно которой в основу названия селения положена история о несчастной любви некоего русского парня Ивашки. Он очень любил свою жену Панку, но детей у них не было. Панка ходила работать в дом к богатому хозяину Куликову. Случилось так, что Куликов и Панка уехали в отдаленный уголок Камчатки. Ивашка их нашел, построил себе землянку и жил на другом берегу реки. Ивашка часто подходил к землянке, где жила его бывшая жена, и она говорила ему: «Радость моя, иди домой, холодно, замерзнешь, прости меня, помолись за меня Богу». Потом у Куликова и Панки родились дети, а Ивашка всю жизнь прожил в одиночестве.

Он делал всем людям только добро. Поэтому его в этих краях долго помнили и называли реку Ивашкой.

Другую версию происхождения названия селения предлагает камчатский краевед В. И. Воскобойников: «В свое время японские промышленники пытались доказать, что слово “Ивашка” произошло от японского названия рыбы “иваси”. Дескать, “иваси” постепенно перешло в “Ивашку”... Ивашка — ласкательное от самого распространенного русского имени Иван. Наверное, служилый человек Ивашка из числа первых землепроходцев облюбовал это место для постройки промысловой землянки и прочно здесь обжился. Со временем выросло селение...»

По нашей версии, селение стало называться еще в 1740-х гг. в честь местного тойна, получившего новое русифицированное имя Ивашка. В одном из документов по расследованию восстания ительменов в 1745—1746 гг. указывается: «Панкары реки тоен Ивашка». В другом документе читаем: «...обратно поехал на Панкару к Ивашке и жил там дней с пять...» Журнал заседания Сената от 25 октября 1764 г. указывает: «Камчадалам и олюторам Экче... Аппяжу, да Ивашке... итогу десяти человекам за убийство ими в 1746 году... для ясачного сбора служилых и новокрещенных десяти человек, положи на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывести с Камчатки из их жилищ в город Якутск и написать тамо в ясак».

По списку населенных мест Петропавловского округа за 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 957 верст. В селении имелось семь хозяйств, жили 26 мужчин и 25 женщин.

По переписи 1876 г. численность местного населения составляла 14 мужчин и 12 женщин, в том числе трое грамотных. В селении имелись четыре дома, баня, две стаи, 12 балаганов. Жители держали двух коров, двух лошадей и 50 собак. А в 1901 г. в Ивашке обитали всего 20 чел.

В отчете Карагинского райревкома за 1927 г. указывалось, что в селении выстроена школа.

По сообщению землеустроителя В. С. Шаталова, Ивашка по-корякски звучит как «Мииваям» или «Панкаваям». Эти названия существовали еще в 1936 г. Шаталов подробно описал особенности здешних жилищ: «На дверных косяках, оконных рамах, печах — всюду были нарисованы мелом или углем кресты. Почти в каждой избе обязательно полати, под русской печкой — подпечники, вдоль стен — лавки, в заднем правом углу — широкая деревянная кровать, в переднем — обязательно несколько икон, центральная украшена самодельным полотенцем, а перед ней висела лампада. Между прочим, главная икона чаще всего с изображением Николая-угодника или Георгия-Победоносца.

Кроме лавок имелись самодельные скамейки и табуретки. Люльки для младенцев были подвешены на скрипучей березовой палке-очепе. В домишках

окошечки маленькие, с цветными занавесками, верхняя обязательно из сурового льняного полотна и вышита. Стены и потолки не белили, но ежегодно, два раза к рождеству и пасхе мыли. Печь русскую часто белили серой глиной, которую привозили с верховьев реки Ивашки.

В каждом доме деревянная посуда: ложки, всевозможные ковшики, солонки, тарелки, корытца разных размеров, бочонки для хранения сыпучих продуктов, баночки. К деревянной посуде относились бережно, пользовались ею только по большим праздникам и передавали по наследству. Кроме того, в каждой семье были чугуны, сковороды, ухваты, глиняные горшки и крынки.

Женщины носили белье и верхнюю одежду. Платья шили сами, старинного фасона: цветные и полосатые, с глухим воротником, оборками, широкий пояс находился чуть ниже груди, вырез от шеи до пояса застегивался на яркие пуговицы.

В Ивашке построили начальную школу, учительница — русская девушка, способности у ребят хорошие. Был и клуб на сорок мест».

В начале 1930-х гг. из числа местных жителей организовалось товарищество по совместному выпасу оленей и вылову рыбы, затем появился колхоз. Карагинский райком ВКП(б) сообщал Камчатскому обкому: «Колхозники колхоза “13-я годовщина Октября” (село Ивашка) взяли обязательство выполнить план путины на 150 процентов... План добычи рыбы в 3 800 ц выполнили на 200 процентов, выловили 7 607 ц».

Местная газета 22 декабря 1965 г. так рассказывала об истории села: «...начинало свою жизнь с первых палаток, что ставили местные жители в дни заготовки юколы, перекочевывая с верховьев рек к моменту подхода лосося. Как-то возле палаток незаметно приютились землянка. Через несколько лет возле нее выросли другие. А потом появились и деревянные строения: столовая, пекарня, жилые дома — первые плоды колхозной трудовой артели. В летние месяцы женщины плели циновки из морской травы, возили их на ярмарку в районный центр Карагу. На вырученные деньги покупали посуду, белье, постели. Открыли ясли».

В 1960 г. колхоз «13-я годовщина Октября» объединился с колхозом «Рыбак», а спустя некоторое время селение было перенесено на другое место. В лоции Берингова моря 1969 г. указывается: «Рыбоконсервный завод расположен в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара. Здесь же находится управление комбината. Селение Ивашка находится в 2,4 мили к *SSW* от входа в лагуну реки Панкара на южной оконечности южного из островков, расположенных в лагуне. Жители селения в основном занимаются ловом рыбы и частично оленеводством... Селение Панкара расположено на песчаной косе в шести кабельтовых к *NNO* от входа в лагуну реки Панкара. В нем имеется магазин и пекарня».

Приезжавшие специалисты рыбной промышленности, переселенцы из западных областей СССР значительно увеличили численность населения. Районная газета «Путь Ильича» 1 марта 1959 г. сообщала: «Для жителей поселка Ивашка выстроена новая больница на шестнадцать коек. Больница имеет пять палат, а также приемную, процедурную, операционную, родильное отделение, ванную и ряд других кабинетов».

К 1960-м гг. селение становится центром колхоза, получившего имя Г. И. Бекерева, коряка, депутата Верховного Совета СССР. В течение восьмой пятилетки колхоз успешно выполнял планы добычи рыбы. В 1970 г. объем вылова составил 200 тыс. ц. Значительно выросли доходы хозяйства: если в 1960 г. они составляли 200 тыс. руб., то в 1970 г. — 5,5 млн руб.

О буднях села на страницах областной газеты «Камчатская правда» рассказывал председатель колхоза Н. Н. Шаталов: «Рост доходов позволяет нам выделить большие суммы не только на промысловые нужды, но и на строительство жилья и культурно-бытовых объектов. В колхозе построен Дом культуры со зрительным залом на 300 мест, библиотека, спортзал, комнаты для кружков, бильярдная. Открыта школа на 320 учащихся и детсад на 140 мест. Все дети колхозников обеспечены местами в детском саду. Строим шестнадцатиквартирные двухэтажные дома с центральным отоплением и всеми удобствами. Строятся магазин, кафе-столовая, больница». В 1964 г. были сданы в эксплуатацию 1 297 квадратных метров жилья.

2 июля 1965 г. газета «Путь Ильича» извещала: «Большую заботу о благоустройстве поселка проявляет женсовет села Ивашка, руководимый т. Климовой. Женщины организовали выезд за деревьями для посадки в селе. Силами общественности перевезенные деревья высажены около школы, детского сада, больницы и в других местах поселка». А 4 ноября 1967 г. был опубликован следующий материал: «Строители Хайлюлинского комбината приготовили отличный подарок жителям Ивашки. Ими сдан магазин на четыре рабочих места. Новый магазин получил название “Юбилейного”».

К 1979 г. численность населения по данным Всесоюзной переписи составляла 1 381 чел. В 1994 г. здесь жили 1 577 чел. В настоящее время Ивашка остается базовым населенным пунктом для освоения морских ресурсов Карагинского залива и прилегающей акватории Берингова моря.

Камбальное, селение. Было основано на берегу реки Камбальной, впадавшей в одноименный залив Охотского моря, расположенный на крайнем юго-западе полуострова. Ближайшее к северу — селение Озерная.

По данным канцелярии Камчатского губернатора, в 1910 г. на реке Камбальной поселилось пять семейств, насчитывавших 10 чел. Они и положили начало селению. В 1922 г. его во время путешествия по югу Камчатки посетила экспедиция шведского Королевского географического общества. Руководитель экспедиции С. Бергман писал: «Поздно вечером мы услышали

лай собак Камбальной. Я постучался в дом. “Кто там?” — спросил грубый бас по-русски.

Двери открылись, и вышел крупный мужчина с окладистой бородой. Камбальную посещают в лучшем случае раз в год. Наш приход был удивителен для хозяина...

Камбальная не имеет связи с остальной Камчаткой летом, хотя до ближайшей деревни на севере не более пяти шведских миль (50 км). Но низкая горная цепь с жуткими зарослями мешает сообщению. Река Камбальная течет примерно в двадцати метрах от дома. Она полна лососем... здесь они (жители. — В. Б.) могут прокормиться сами и прокормить своих ездовых собак летом и зимой. Их пища, в основном, рыба и медвежье мясо. Медведя можно было застрелить в любое время, отойдя минут на десять от дома. Но, в целом, условия жизни здесь очень тяжелые».

В Лоции побережий РСФСР, изданной в 1923 г., указывалось: «В трех четвертях мили южнее устья реки близ самого берега моря видны строения рыбалки».

Селение просуществовало недолго. Свидетельство этому содержится в материалах Приполярной переписи 1926 г.: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Камбальное, недалеко от мыса Лопатки...»

Карагинский, остров. Исследователь А. В. Ефимов считал, что первые сведения о Карагинском острове были получены русскими после похода Михаила Стадухина, побывавшего на Восточном побережье Камчатки в XVII в. Изучая первые русские карты Камчатки, составленные в XVIII в., А. В. Ефимов отмечал, что против реки Караги обозначен остров, рядом с которым имеется надпись: «Остров или земляца... А на ней люди живут все неясашные. Бывал на ней Иван Голыгин. Лисицы бурые и сиводушные есть». В начале XVIII в. остров населяли коряки. Первое посещение острова Иваном Голыгиным осталось безрезультатным: коренные жители дать ему ясак отказались.

Участники Первой Камчатской экспедиции подробно описали восточный берег острова и 20 июля 1728 г. нанесли его на карту.

С. П. Крашенинников сообщает: «Против устья Караги реки верстах в сорока от берега находится Карагинский остров... На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем: для того что, по мнению их, Кутх не сотворил там людей, но одних собак, которые потом в людей переродились... Что касается их многолюдства, то считается их человек до ста и больше...»

Сержанту Емельяну Басову, прославившемуся как пионер промышленного освоения Командорских островов, первоначально предназначалось «...иттить в морской вояж на Курильския дальняя и Карагинския и протчия

морския острова для приводу под высокосамодержавную ея императорскаго величества руку в ясак со всякою ласкою и приветом».

Возвращаясь из плавания к Алеутским островам, у берегов Карагинского острова 1 ноября 1746 г. потерпел кораблекрушение шитик «Св. Евдоким» под командой М. В. Неводчикова. Команда отправилась искать человеческое жилье и только 18 ноября (ст. ст.) «едва живы к юртам пришли... к ясашным людям Каражинского острова, на котором и зимовали...»

Местные жители предоставили путешественникам жилье и пищу. К июню следующего года островитяне изготовили для мореплавателей две байдары, на которых те через двадцать четыре дня плавания благополучно прибыли в Нижнекамчатск.

Возможно, изначально жителями острова Карагинского были ительмены, по каким-то причинам ушедшие с полуострова. В ведомости «О нравах живущих в Якутском уезде народов», датированной 1770 г., указывается: «Нижнекамчатского острога на острове Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров... Их 111 человек... жительствоуют так же как камчадалы... язык их от камчадальского и алюторского особливый».

Протоиерей П. Громов, исследовавший камчатские архивы, сообщает: «Протоиерей Стефан не умедлил послать на Карагинский остров в 1777 г. священника проповеднической свиты Иоанна Миронова, который нашел здесь жителей 150 чел...» Вскоре «...островитяне по распоряжению начальства переселены на материк Камчатки для пополнения опустевших от оспы острожков и слились с Олюторцами».

Это же подтверждает и А. С. Сгибнев: «В 1777 г. были окрещены жители Карагинского острога. Бем переселил их в Олюторские острожки, пострадавшие от оспы, а впоследствии они слились с олюторцами».

Летом 1828 г. участники экспедиции Ф. П. Литке И. А. Ратманов и В. Е. Семенов впервые описали остров Карагинский и пролив Литке, отделяющий его от Камчатки.

До 1880-х гг. на острове находилось большое лежбище моржей. Его разорили американские хищники. Вот что сообщал об этом на рубеже XX в. А. Прозоров: «Карагинский остров бывал сплошь покрыт телами моржей; кожи и бивни американцы увозили, уплачивали жителям по два рубля за пару клыков. В настоящее время промысел моржей уничтожен».

По другим источникам известно, что в 1900 г. американская шхуна «Пай» во главе с капитаном Протом уничтожила моржовое лежбище на Семеновской косе Карагинского острова, истребив полторы тысячи животных.

В Лоции побережий РСФСР, датированной 1923 г., указывается: «Близ берега находится выстроенная в 1911 г. на средства казны небольшая деревянная церковь с жилым при нем домом. Глубже в берег расположено несколько

юрт. Здесь, в единственном месте острова Карагинский, были замечены при обходе его в 1920 г. немногочисленные обитатели, являющиеся едва ли не единственными оседло живущими людьми на всем острове».

Далее лоция указывала: «Остров Карагинский в настоящее время можно назвать необитаемым, если не принимать во внимание тех единичных жителей, которые живут на небольшом песчаном мысе в средней части западного берега острова у сооруженной здесь на средства казны в 1911 г. небольшой деревянной церкви. В летнее время все побережье значительно оживляется в связи с ловом рыбы на многочисленных рыбалках».

Свою версию о заселении острова в XIX в. приводит землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший в этих краях в 1936 г.: «По архивным документам Карагинского райисполкома я установил, что в конце прошлого столетия остров Карагинский был необитаем... В 1879 г. Камак через замерзший морской пролив Литке перегнал на остров 200—300 оленей. Так с его легкой руки был заселен и освоен этот интереснейший уголок Камчатки».

В 1934 г. в бухте Ложных Вестей организуется Карагинский рыбокомбинат Акционерного Камчатского общества (АКО). В январе 1936 г. на его базе была создана База активного опытного лова (БАОЛ) — пионер морского активного промысла на Камчатке.

В Лоции Берингова моря, изданной в 1938 г., отмечалось: «Население острова Карагинского состоит из нескольких семейств кочевых нымыланов общей численностью до 75 чел. Кроме того, имеется еще русское население на тресколовных базах в бухте Ложных вестей и у мыса Горбатого, а так же обслуживающий персонал пушного островного хозяйства, расположенного на западном берегу острова южнее губы Ложных Вестей».

Акционерное Камчатское общество предприняло попытку организовать на острове пушное хозяйство, но она не удалась. На острове некоторое время формально числились два селения: Ягодное, размещавшееся недалеко от мыса Горбатого, и Островное — в бухте Ложных Вестей. Но оба просуществовали недолго.

В 1952 г. на острове начались разведывательные работы по поиску алмазов.

Краевед В. П. Кусков считал, что поселок Островной «возник до 1953 г. Назван по его расположению на Карагинском острове». А В. И. Воскобойников сообщает об этом по-другому: «В мае 1958 г. появились новые названия в Карагинском районе. Это рыбацкие поселки Нагорный, Островной...»

Возможно, официальное название селению присвоили только спустя пятилетие после его возникновения.

О ходе строительства на острове 17 июля 1959 г. сообщала районная газета «Путь Ильича»: «В 1957 г. колхозники решили на месте старых домиков построить новые добротные дома. За два года было построено одиннадцать многоквартирных домов. В этом году строители заложили и двухквартирные

дома. Будут заложены еще пять стандартных домиков. Колхоз решил своими силами построить здание для школы, детских яслей и интерната... Строится бетонное заливное здание склада для орудий лова». Но уже 28 мая 1965 г. эта же газета информировала, что островное отделение колхоза «Ударник» переведено на Кострому.

Газета «Путь Ильича» от 30 мая 1965 г. описывала ход оленьего отела на острове: «Успешно закончился отел в табуне бригады Максима Попова, выпасающей оленей на острове Карагинском. В его стаде 580 важенок, а приплод составил 554 теленка». В то время на острове заготавливали сено для крупного рогатого скота, кустарным способом делали кирпичи.

В Лоции Берингова моря 1969 г. сообщалось: «Карагинский островной рыбозавод расположен на юго-восточном берегу губы Ложных Вестей на склоне прибрежной возвышенности... В заводском поселке имеются школа, больница, пекарня, магазины и почта. Воду хорошего качества жители поселка берут из колодцев и из ручья, протекающего вблизи поселка».

Это была последняя официальная информация о наличии на острове населенного пункта. В 1976 г. остров был объявлен комплексным заказником. Газета «Камчатская правда» 22 ноября 1977 г. сообщала, что люди здесь находятся только летом: «К осени пустеют берега острова. Рабочие, заготавливавшие сено, возвращаются в Оссора или Карагу. Пожалуй, единственными обитателями острова остаются до весны смотрители маяка».

Из переписи населения 1979 г. следует, что на острове населенных пунктов и жителей нет.

Крутогорово, острожек, селение. Это название встречается еще у С. П. Крашенинникова. В источниках XIX в. попадаетея написание «Крутогоровск».

К. Дитмар в середине XIX в. застал селение расположенным в пятнадцати верстах от моря на левом берегу реки Крутогоровой. Здесь стояли всего пять домов, в которых жили 45 чел. Они содержали 19 коров. Отсюда до Петропавловска насчитывалось 400 верст. В 1868 г. домов в Крутогорово было шесть, а жителей — 33: 19 мужчин и 14 женщин. Здесь действовала деревянная православная часовня.

По переписи 1876 г. жителей стало уже 46, в том числе 23 мужчины и 23 женщины. По сословному составу они подразделялись на мещан «здесьних» и камчадалов. Село составляли 25 построек, жители содержали семь лошадей, 45 коров, 94 собаки. Они посадили 47, а собрали 139 пудов картофеля, за охотничий сезон добыли по пять соболей и выдр, три лисицы и 33 нерпы.

В конце XIX в. В. Н. Тюшов дал следующую характеристику селения. «Расположено на левом берегу одноименной реки, точнее, на левом берегу небольшой протоки, приблизительно в расстоянии одной версты от самой реки и того места, где жителями ставятся рыбные запоры; верстах в 25—30 от ее устья в море. Население инородческое камчадалское, утратившее свой родной

язык настолько, что даже дети пользуются исключительно русским языком, своеобразно коверкая его на свой лад.

Одиннадцать небольших домиков, большею частью обнесенных оградками, с надворными постройками, как то амбары, скотные дворы или “стаи”, отчасти также крытые травой от заноса снегом и для тепла, длинный ряд высоких пирамидальных балаганов для сушки и сохранения рыбных запасов, стоящих по краю селения на берегу упомянутой протоки, встречаемой по селению... рослый и сытый скот, — все это невольно заставляет отдать преимущество крутогоровцам в смысле развития домовитости перед жителями других острожков западного берега...

Я записал 14 сентября 1894 г.: “Жители Крутогоровой — скотоводы. У каждого имеется по несколько голов рогатого скота, у некоторых до десяти и даже более. Всего же скота в селении штук 80”.

По переписи в 1890 г. в этом селении числилось 31 мужчина и 27 женщин, всех ясачных 14 душ. В мой проезд в 1894 г. было всех жителей более 50 чел. В том числе 13 душ ясачных. Домов 12, то есть на один более, чем в этот раз, и шесть голов лошадей».

Численность населения в 1901 г. достигла 80 чел.

По материалам обследования селения, проведенного в 1923 г., оно состояло из 13 домов, 13 балаганов, 13 теплых сараев и семи амбаров. «Численность населения: мужчин 21, женщин 22, детей мужского пола 11, женского — семь. Грамотных в селении имеется четыре человека. Имеется одна школа, один учитель и учащихся 24 чел. Партийных организаций не имеется, партработников нет. Вероисповедание православное, церквей и попов нет. Имеется один кооператив, а государственных и других учреждений нет.

Главное занятие жителей — охота, рыбные промыслы и животноводство. Продукт от охоты — пушнина — сдается в кооператив, бывают и скупщики (непостоянные), с которыми производят торговлю на обмен товара: главным образом муку и мануфактуру, далее идут сахар, чай, керосин, соль, мыло, спички и т. д., и нельзя не отметить и спирт, на который спрос велик.

Поверхность глинистая и болотистая, покрытая лесом: черный и белый березняк, тополь, кедровник, тальник. Район села Крутогорово орошается реками: р. Крутогорово шириною 10 сажень, глубиною от $\frac{1}{2}$ аршина до 2 аршин, полноводность бывает часто; р. Садышка — правый приток р. Крутогоровой, шириною 5 сажень, глубина от $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ аршина, как и Крутогорово, отличается полноводностью. Средняя температура зимы —30 градусов, лета — 8 градусов. Глубина снега достигает до $2\frac{1}{2}$ аршина, снег падает часто. Ветры бывают большие, частью южные, пурги частые, заносы большие.

Расстояние между Крутогоровой и Облуковино исчисляются в 25 верст, дорога увалистая, телеграфная линия большей частью идет по болотистому месту, ввиду этого состояние таковой плачевное. Во время сильных ветров

столбы, плохо поддерживаемые слабой почвой, уклоняются и затем падают. Питьевой водой пользуются из колодцев, качество воды хорошее. Число лошадей 11, и все годные под выюк, собак 220, коров 59, нарт 21, лыж 21 пара, седел конских 11. Остальных пород животных нет.

Минеральных источников нет. Сведений об ископаемых не поступало. Рыбный промысел сильно развит: имеется одна рыбалка рыбопромышленника Попова, при устье реки Крутогоровой, охота развита плохо».

Как отметил проверяющий, «при отсутствии данных об общих сведениях, больше ничего не скажу, кроме того, что население благонадежное и сочувствующее Советской власти».

По данным Приполярной переписи 1926 г., здесь действовали 22 хозяйства, которые населяли 82 мужчины и 71 женщина.

С 1930-х гг. на побережье Охотского моря работает Крутогоровский рыбокомбинат. Постепенно рядом с цехами формируется рабочий поселок, названный «Крутогорово». О новостройках в поселке 6 сентября 1950 г. рассказывала областная газета «Камчатская правда»: «Бригада плотников т. Квасова недавно сдала в эксплуатацию новую школу. Дети рабочих пришли в уютное, светлое здание».

На комбинате издавалась собственная газета — «Крутогоровец». 2 марта 1955 г. в связи с объединением Крутогоровского и Колпаковского рыбокомбинатов бюро обкома КПСС постановило передать ее Большерецкому комбинату, присвоив новое название «Большерецкий рыбак».

В 1966 г. на комбинате взамен старого был построен новый деревянный консервный цех. В 1979 г. в комбинатском поселке жили 1 419 чел. В 1984 г. Крутогоровский рыбоконсервный завод выпустил 5 млн условных банок продукции. Завод содержал сезонную базу на реке Колпаковой.

Уроженец Крутогорово, работавший в 1960-х гг. председателем сельсовета, Владимир Георгиевич Борисов вспоминает: «Мы жили в селении Крутогорово на западном побережье. Селение протяженностью около километра стояло на левом берегу реки Крутогорова. В нем была всего одна улица — Советская. От устья реки расстояние до селения составляло примерно 25 километров. Крутогорово стояло не на самой реке, а на берегу старицы, соединенной с рекой. Ее называли Домашней. Здесь раньше было основное русло реки. На самой реке ставили запоры для ловли рыбы. На острове находились икрашка, коптилка, новый клуб, рыбооповский магазин, два склада. В Домашней речке били ключи, там и брали воду. Рядом были протоки реки Садушки и Тыумщеч. Весной из тундры разливались две маленькие речки на окраине села.

Школа сначала была начальная, потом стала восьмилетняя. Учителя все были приезжие с материка, они жили в специально для них построенных квартирах.

В селе работали пекарня, почта, медпункт, электростанция, имелся скотный двор. Сразу за селом — тундра, а за ней дальше березовый лес, и дальше опять тундра.

Наш родной дом стоял на окраине села, ниже по течению. На нижней окраине села было кладбище.

В 1930 г. образовался колхоз “Ударник”, просуществовавший до 1968 г., когда его закрыли. Основным занятием колхозников было рыболовство и сельское хозяйство. Общая посевная площадь была 22 га. Поля располагались рядом с селом.

Рыбачили в Охотском море, рыбу сдавали Крутогоровскому комбинату. Из выловленной рыбы заготавливали 450—500 центнеров икры. Рыбу готовили для себя и собак, раньше ловили столько, сколько хотели. Невод длиной 35—40 метров, на батах выезжаешь, сетку бросаешь и выбираешь. Рыбы шло очень много. Рунный ход начинался с 25 июля и длился по 15 августа, потом в конце августа и сентябре шел кижуч, в октябре — семга и голец. С 5 по 10 ноября река вставала. В те годы подледным ловом мы не занимались, только в 1960-х гг. стали ставить вентера.

После рыбалки все мужики собирались на охоту. Обычно 8 или 9 ноября все разъезжались по своим участкам.

В 1950-х годах поставили американскую электростанцию, сразу и радио провели. В это же время появились автомашины. Работала экспедиция по разработке угля, они привезли с собой машины и трактора 50-силы. А нам привезли трактора С-100 без кабины».

Селение Крутогорово было исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Крюгер, поселок. Название «Крюгер» бухте, расположенной на восточном побережье Камчатки, в 1900 г. дал знаменитый шкипер Ф. Гек.

В 1896 г. в устье реки Камчатки появились первые японские рыбаки, начавшие промышленный лов лосося. С 1910 г. в устье реки строятся японские рыбоконсервные заводы фирм «Цуцуми» и «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». К 1940-м гг. здесь работали три японских завода фирмы «Ничиро» № 36, 37 и 39, имевшие в общей сложности шестнадцать консервных линий.

Завод № 36 находился в бухте Крюгер, южнее Усть-Камчатка. Лоция Берингова моря, изданная в 1938 г., указывала: «В южном углу бухты, почти у самого мыса Крюгера, расположен рыбоконсервный завод. На заводе имеются электростанция, слесарно-механические мастерские, больница, баня, водопровод и ряд других подсобных предприятий».

Вот описание завода № 36 по данным, собранным краеведом С. В. Гавриловым: «...из подсобных предприятий имел только одну кузницу. После заключения концессионного договора построили холодильник и литейную мастерскую. В 1929 г. по разрешению Дальрыбы возвели жиротуковый завод,

кухню и новые жилые бараки. В 1934 г. появился еще один холодильник, а берег подняли на три метра установкой капитальных двухъярусных свай. Завод снабжался пресной водой из реки Крюгеровки при помощи прорытого через сопку канала и туннеля длиной 276 м.

В 1942 г. предприятие имело два разделочных станка “Железный китаец” с пропускной способностью 3 300 рыбин в час, шесть набивочных станков, заполнявших в течение часа 4 200 полуфунтовых банок, и один станок производительностью 6 600 ящиков полуфунтовых банок в сутки. Пароэнергетическое хозяйство предприятия обслуживало пять котлов...»

После окончания Второй мировой войны, в 1945 г., японский рыбоконсервный завод перешел под советскую юрисдикцию и был передан Шубертовскому рыбокомбинату. Сюда привезли рабочих с материка. Рыбаки, кроме лосося, ловили треску.

Решением Камчатского облисполкома в 1952 г. мыс и бухту Крюгер переименовали в мыс Чаячий и бухту Чаячью. Мыс называли по большому птичьему базару, расположенному на высоком скалистом берегу.

Расстояние от Крюгера до Шубертова составляло 9 км, сюда вела пешеходная тропа. До районного центра Усть-Камчатска насчитывалось 40 км.

Поселок Крюгер просуществовал до 1964 г. Из-за слабых подходов лососевых было принято решение закрыть рыбоконсервный завод, ликвидировался и заводской поселок.

Кунжик, селение. Кунжик — русифицированное название ительменской речки Кунч или Кынчи.

Бывший директор Колпаковской семилетней школы А. Кисин 1 мая 1958 г. в газете «Камчатская правда» опубликовал свою версию происхождения названия селения: «Однажды, возвращаясь в воскресный день с удачной охоты, группа сезонных рабочих консервного завода бывшего Колпаковского рыбокомбината остановилась отдохнуть на берегу безымянной речки. Взолам охотников открылись необозримые зеленые просторы.

— Эх, богатый край... Вот бы здесь построить село... — проговорил Александр Егоров.

Не всем по душе пришла мысль Егорова — начинать жизнь на совсем необжитом месте слишком тяжело.

Но вот кончилась путина, и в сентябре 1936 г. восемь рыбаков во главе с Александром Егоровым, вооружившись топорами, пилами и запасившись продуктами, отправились на облюбованное место — к реке Безымянной. А 12 сентября было свалено первое дерево. Лес был кругом, много леса... Работали все дружно, и первый дом — дом для всех — рос день ото дня.

Чтобы экономить продукты и не тратить времени на ходьбу в магазин, решили с первого же дня ловить рыбу. Тогда-то и произошло событие, которое вошло в историю будущего села — не то как легенда, не то как быль.

Получилось почти как в сказке: закинули рыбаки невод — ничего не поймали. Закинули во второй раз, но попавшийся не то кижуч, не то семга оказался проворным: обдав всех множеством брызг, рыба вырвалась на свободу.

Условились рыбаки: какую первую рыбу поймают к обеду — так и назовут свое село. Забросили невод третий раз и вытащили большую трепещущую кумжу... (правильно «кунджа». — В. Б.).

Так и назвали пионеры-строители свое будущее село — Кунжик — в честь первой пойманной здесь рыбы. Переименовали и Безымянку в реку Кунжик».

Селение Кунжик в настоящее время не существует.

Ленино, селение. Названо в честь В. И. Ульянова-Ленина (1870—1924), организатора и руководителя партии большевиков, главы первого советского правительства. Находилось в 55 км от районного центра Усть-Большерецк.

Перепись 1926 г. учла здесь 20 хозяйств и 42 жителя, в том числе 33 мужчины и 9 женщин. Все они по национальности были корейцами. Кроме Ленино, в это время на Камчатке было еще два корейских села — Хваленка и Брюмка.

Исследователь М. А. Сергеев, работавший на Камчатке в 1930-х гг., приводит историю создания селения: «В 1925 г. группа корейцев в семьдесят человек, бежавших от голода на родине, поселилась на западном побережье полуострова и стала заниматься рыболовством и огородничеством. Теперь (в 1935 г. — В. Б.) на месте бывших шалашей и землянок выросло село Ленино, обстроившееся 23 домами. Продукция огородничества сбывается в Большерецк. Урожайность картофеля достигнута в размере 9,6 т с гектара, средний вес кочана капусты составляет 6,8 кг».

В 1937 г. корейцы были насильно выселены за пределы Камчатки, и впоследствии в Ленино поселились переселенцы из европейской России. В период коллективизации здесь был организован колхоз имени И. В. Сталина. Звучало это несколько странно: «колхоз Сталина из села Ленино».

По состоянию на 1 января 1943 г. в селе имелось 38 дворов, жили 120 чел., в том числе работающих 35 мужчин и 38 женщин. За год они выработали 4 132 трудодней. По итогам года колхозники на один трудодень получили деньгами по 9 руб., натурой — 0,8 кг картофеля и 0,1 кг соленой рыбы.

10 февраля 1950 г. газета «Камчатская правда» сообщала: «Колхозники села Ленино Большерецкого района усиленно готовятся к весеннему севу. Ими закончен ремонт плугов, борон и сбруи, засыпан полностью семенной фонд картофеля. Вся запланированная площадь посева, за исключением зерновых, обеспечена семенами. На общем собрании колхозники приняли контрольные цифры сева и еще раз проверили качество подготовительных работ к севу».

А 19 сентября 1952 г. эта же газета извещала: «В колхозы сел Кавалеровское, Апача и Ленино Усть-Большерецкого района прибыли переселенцы из западных областей Советского Союза. Колхозники радушно встретили но-

воселов, предоставив им новые просторные дома, оказав помощь в обустройстве хозяйства. Семьи переселенцев быстро освоились на новом месте и активно включаются в трудовую и общественную жизнь».

В настоящее время селение Ленино не существует.

Макарьевск, поселок. Исследователь камчатской топонимики В. П. Кусков считал, что этот «поселок Карагинского района возник до 1953 г.». Он располагался на морской косе, с востока ограниченной проливом Литке, на западе — лагуной, в которую впадает несколько рек, в том числе и Макаровка. Ближайшие населенные пункты: на юг — Ивашка, на север — Кострома, Карага.

В начале XX в. существовало предание, что когда-то давно на морской косе долго жил русский казак с женой-ительменкой. У них было много сыновей и дочерей. Сыновья уехали с косы, когда уже сами стали стариками. Им пришлось переселиться в Дранку и Хайлюлю после сильного шторма, затопившего их землянки.

Макарьевск не оставил большого следа в истории. Попытка развивать здесь рыбную промышленность успехом не увенчалась из-за слабых подходов лосося. В селении действовал колхоз. Карагинская районная газета «Путь Ильича» 29 апреля 1959 г. сообщала о здешней школьной жизни: «Пионеры дружины имени Олега Кошевого из Макарьевской семилетней школы, готовясь к Ленинским дням, хорошо потрудились на сборе золы для удобрения колхозных полей. Ими собрано около 200 кг этого ценного удобрения».

К 1960-м гг. в Макарьевске осталась лишь маленькая животноводческая ферма на двадцать «голов» да обрабатывающая база. Здесь сложилась неблагоприятная ситуация, всюду царил запустение и безнадежность. Газета «Путь Ильича» 25 января 1967 г. сообщала по этому поводу: «Было в районе большое село Макарьевск бесперспективным. Разъехались люди, вывезли оборудование. Но сезонная база осталась. Ферма осталась. И остались обслуживающие их люди. Пусть их мало, но они люди!»

Решением облисполкома № 174 от 22 апреля 1985 г. поселок Макарьевск Карагинского района был исключен из учетных данных административного состава Камчатской области.

Село Мильково. В 1981 г. при исследованиях старого, разрушающегося дома в старейшей части села, на крутом берегу заболоченной старицы реки Антоновки, отделенной от современной реки первой мильковской дамбой, позади церкви краеведом М. В. Федоровым была найдена древне-ительменская стоянка.

М. В. Федоров сообщает: «В завалинке дома, где использовалась выброшенная во время рытья погребка земля, были найдены крупные кремневые скребки, обсидиановые отходы и очажные камни. Очевидно, здесь находился

только край древней стоянки, так как Антоновка подмывала этот высокий, но сыпучий берег, в результате чего было смыто много домов. Следовательно, стоянка была большая, ибо ительмены, являясь в первую очередь рыбаками, стремились селиться вплотную к реке».

Еще одна, поздняя, ительменская стоянка располагается на берегу Антоновки чуть выше устья ручья Таловенького, поблизости от стадиона «Строитель». Две более древние стоянки находятся на правом берегу реки Мильковушки. Одна, большая по площади, расположена на старой террасе реки, вторая — прямо на ее берегу. Расстояние между ними не более двухсот метров. Московские геологи подтвердили, что возраст первой стоянки превышает тысячу лет, а второй — около шестисот лет.

Наиболее распространенными находками первой стоянки являются тщательно выделанные листовидные, двусторонне обработанные наконечники копий и стрел из обсидиана, боковые и концевые скребки из обсидиана и халцедона, тщательно отшлифованные тесла различных размеров. Из костяных изделий имеются только отдельные шильца. Кость была непопулярным материалом для изготовления орудий, хотя ее сохранность в культурном слое довольно хорошая.

Инвентарь второй стоянки значительно более беден. Найден крупный каменный топор, несколько концевых обсидиановых скребков и ножей на отщепах. В отличие от первой стоянки, на второй совершенно нет оббитых или с просверленным отверстием грузил, приготовленных из плоских галек.

В границах села Мильково были сделаны еще несколько случайных находок, не связанных со стабильным культурным слоем. Это традиционные концевые скребки, наконечники стрел и каменные грузила, найденные в обрыве старой Антоновки с правой стороны улицы Партизанской.

Надо отметить, что в системе местных рек происходят значительные гидрологические изменения. В относительно недалеком прошлом Мильковушка прямо не соединялась с Камчаткой, а впадала в Антоновку. То есть Антоновка не являлась протокой Камчатки, а была всего лишь приустьевой частью Мильковушки, а еще раньше сама являлась основным руслом Камчатки. На месте бывшего русла этой реки (даже за последние несколько десятков лет его характер менялся многократно) было найдено древнее кострище, выбитое тропой. На его неолитический возраст указывали многочисленные обсидиановые отщепы и сколы (отходы производства каменных орудий) среди разбитых и обожженных очажных камней. Кроме кострища никаких признаков культурного слоя обнаружено не было.

Полоса древнеительменских археологических стоянок наиболее густо проявляется к югу от Милькова по «домашней» стороне реки Камчатки. Это Варлатанка (ительменская Уэролатын), Грешная (Иромлин), Поперечка, Чабайка, Максимка и т. д. Правый же берег Камчатки здесь очень

низок и неудобен для поселения. Стоянки появляются только на правом, высоком берегу реки Валагиной, впадающей в Камчатку в восьми километрах к северу от Милькова, где проходит северная граница Валагинского бобрового заказника.

Так, крупная стоянка находится напротив места впадения в Валагину реки Вахвиной. К северу от Милькова местность также была неудобна для расположения стоябищ, поскольку до проведения там в советский период мелиоративных работ была сильно заболочена.

На западе от Милькова начинается полоса мелкосопочника под названием «Едома». Это тоже бывшие речные террасы (по крайней мере, та их часть, которая является ближайшей к селу), но настолько древние, что здесь могут быть найдены только стоянки людей древнекаменного века — палеолита, а их поиск очень затруднен из-за большой глубины залегания культурного слоя и отсутствия каких-либо внешних признаков на поверхности. Он требует серьезных, долгосрочных и дорогостоящих научных исследований.

В описываемом районе встречается несколько видов тесел: подтреугольные в плане; линзовидные или шестиугольные в поперечном разрезе, подпрямоугольные, почти линзовидные в разрезе; массивные прямоугольные и квадратные в разрезе (почти все они изготовлялись из плотного зеленого камня) и широкие, почти всегда шестиугольные в поперечном разрезе тесла из белого кварцита с разноцветными вкраплениями.

Уникальными изделиями являются миниатюрные каменные проколки, изготовленные мелкой ретушью из обсидиана, они очень красивы. Некоторые из них отшлифованы, хотя сложно представить, как это можно было сделать — ведь эта работа требует многих часов. Видимо, очень ловкие пальцы были у древнеительменских мастериц.

Есть и другие предметы, относящиеся к женской сфере деятельности, — маленькие пряслица. Это небольшие плоские галечки до четырех сантиметров в диаметре с аккуратно просверленными дырочками посередине. Вероятно, с их помощью сучили прядево для сетей и нити из крапивы, тальниковой коры или другого материала.

Здесь встречаются своеобразные хозяйственные ножи. Они небольшие, длиной до одиннадцати сантиметров. Один из них напоминает маленький меч с двумя жальцами-эфесом над односантиметровым черенком. Вероятно, так было удобно для крепления. Второй имеет форму вытянутой острокопечной восьмерки. Большая плоскость восьмерки, возможно, служила лезвием, а меньшая была черенком для рукоятки. Этот нож острее и удобнее первого, несмотря на то, что распространены они примерно одинаково. Таких хозяйственных ножей у ительменов было великое множество, различных форм и размеров, и каждый имел свою особую функцию. И это далеко не все виды каменных орудий, встречающиеся здесь.

Как видно, мильковская земля не была необитаемой до прихода сюда русских. Сотни и тысячи лет до них здесь уже горели костры, человеческие руки и разум боролись с суровой природой.

Возникновение села Мильково. По одной из версий, село получило название по маленькой речке Мильковушке, хотя на этот счет существуют и другие мнения. Вот что рассказывал местный житель М. А. Ворошилов: «Приехали сюда с материка первые люди материковские, и пошли они по Камчатке. К какой речке не подойдут, речка кишмя кишит рыбой. И вот они шли-шли и пришли, наконец, вот до этого места, где сейчас находится село Мильково. Почему же, кто его назвал это село Мильково? А вот они шли, шли и между собой советовались: “Вот какое милое место — всего вдоволь: и ягоды разные, и рыба разная. Да как же мы назовем это место?” Посоветовались и решились: “Давайте назовем это место Мильково. Значит, милое место”».

А вот что о возникновении Мильково сообщает А. С. Сгибнев: «В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал Иркутской провинциальной канцелярии, чтобы “в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить”».

В 1741 г. здесь жили пять семей, около 30 чел., в 1744—1745 гг. — семь семейств, насчитывавших до 50 чел.

Одно из первых описаний села в 1787 г. дает французский путешественник Ж. Б. Лессепс: «Их дома, состоящие близ Камчатки, можно почесть выгодными, они водят скотину, заботливость их подает надежды иметь успех во всем. Я приметил, что они, по-видимому, все вообще были довольны своим состоянием, любили чистоту, все для них служило в пользу, и ничего не было трудного. Всякий пахал и засеивал свое поле, и, обязываясь только заплатить подушное, всякий имел волю собирать плоды своих трудов, которыми плодородная земля награждала его со излишеством. Главная жатва состоит из ржи и меньшаго количества ячменю».

Участник первого русского кругосветного плавания 1803—1806 гг. Г. И. Лангсдорф оставил об этом месте такие воспоминания: «...Милькова деревня, состоящая из 13 домов, в ней 25 мужчин, а в целом 80 душ. Местные жители имеют 85 коров, 22 лошади, но это не солдаты, а трудолюбивые крестьяне, предки которых числом семь около семидесяти лет тому назад были посланы правительством с тем, чтобы заниматься земледелием. Осененные божьим благословением, они, женившись на камчадалках, постепенно увеличились в числе и питаются тем, что приносит им работа: выращенным самими хлебом, картофелем, капустой, репой, редькой, огурцами, рыбой».

Через полвека в Мильково побывал К. Дитмар, чиновник по особым поручениям при губернаторе В. С. Завойко. Вот его впечатления о селе: «Обитатели Милковой называют свое поселение русской деревней... Нисколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку... они, тем не менее,

очень напирают на свое чисто русское происхождение. Русский язык был здесь только очень немногим более чист, чем у камчадалов. Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам, русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности и привычки; таким образом, здесь возникла своеобразная помесь, занимающая как бы середину между обоими племенами. Склад лица лишь в редких случаях представляет здесь европейским; в этом именно отношении одерживает верх камчатский элемент.

Составляющие ее теперь 27 домов прочно и аккуратно выстроены, стояли двумя длинными рядами, окруженные хлевами, сараями и обширными огородами. Среди деревни возвышается красивая деревянная церковь, где служит священник, живущий здесь же».

В 1892 г. в Мильково имелось 165 коров, 62 лошади и 530 собак. В этом году здешние охотники добыли 68 медведей, 17 лисиц, 11 горных баранов, шесть выдр, семь диких оленей. В среднем, на каждого жителя было выловлено по 373 рыбыны лососевых пород.

Руководитель Зоологического отдела экспедиции Ф. Рябушинского П. Ю. Шмидт, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., отмечал: «Население Милькова... одевается также гораздо лучше нашего крестьянина. Лапти здесь неизвестны, так же как неизвестны и домотканые материи. Вся одежда добывается покупкою, причем в большом ходу готовое платье, доставляемое частью из Америки, частью из Москвы, оно продается, конечно, по двойным ценам.

В большом ходу также и готовая обувь. Впрочем, обувь шьется и домашним способом: это так называемые «чижи» или меховые носки, чаще всего из оленьего меха, и «торбаса» — самодельные сапоги из нерпичьих или других каких-нибудь шкур и с медвежьими подошвами.

Во всяком случае, по одежде жители камчатских селений совершенно не походят на наших крестьян, — их скорее можно принять за мещан или ремесленников, особенно когда они вырядятся в праздник. Женские платья шьются нередко не только из шерстяных, но и из шелковых материй, а шелковый платок и шелковая кофточка составляют самое обыкновенное праздничное одяние.

Довольно обычным явлением можно считать, что бюджет крестьянской семьи составляет 1 000—1 500 рублей в год, конечно, благодаря соболю и другой пушнине.

Хозяйство камчатского крестьянина очень своеобразно. Основными элементами его являются соболю и рыба, побочные отрасли хозяйства — скотоводство и огородничество.

Главным охотничьим районом мильковцев являются северные склоны Валагинского хребта, вплоть до реки Щапиной, но нередко они переваливают и в долину Жупановой, а также доходят и до Щапинской сопки...»

Подробный материал о Мильково оставил и известный русский путешественник В. К. Арсеньев. Возглавляя Камчатскую переселенческую экспедицию, он с 7 по 11 сентября 1918 г. находился в Мильково, где заполнил следующую анкету:

«1. Селение Мильково. Название сохранилось исстари. Расположено на левой протоке р. Камчатки, называемой Антоновкой. Село наиболее благоустроенное во всей долине реки Камчатки. Жителям не известен год основания села.

2. Число дворов. Коренных — 68, приписавшихся — 1.

3. Число жителей:

	Мужчин	Женщин	Мальчиков	Девочек
Коренных	106	101	95	105
Пришлых	6	1	—	—
Китайцев	3	—	—	—

4. Санитарные условия. Колодцы сделаны для того, чтобы пользоваться хорошей водой во время половодья, когда в реке вода мутная. В колодцы часто падают мыши, и тогда подливают в колодец святую воду. Мертвых собак бросают по кустам. Много костей валяется всегда вокруг селения. Трупы собак не зарывают в землю и не сжигают.

5. Главные болезни. Чихотка наиболее распространена. Умерло 30 человек, в том числе 10 детей.

6. Врачебная помощь. Есть фельдшерский пункт с небольшой аптекой. Жалоба на недостаток медикаментов.

7. Личный врачебный персонал. Врача нет. Есть фельдшер, сменивший сестру милосердия. Акушерки нет. Женщины помогают друг другу.

8. Школы. Церковноприходская школа, преобразованная в текущем году в министерскую. Школы в Мильково существуют издавна. Во времена Кегеля была в Милькове ремесленная школ. Дом деревянный, крытый железной крышей. Помещения большие. Для учителей выстроены отдельные дома — квартиры. Дрова сторожу школы и учителям от общества доставлял исправно. Частные пожертвования и от министерства из Петропавловского склада — книги — присылались исправно. Обучение слабое. 70 учеников и два учителя. Дома дети не занимаются вовсе, на что жалуется учитель.

9. Учительский персонал. Один учитель — сын священника в Милькове. Учился в городской школе в г. Петропавловске и потом на специальных учительских курсах. Другой, не имеющий права преподавать, ныне уволен.

10. Церковь во имя Богоявления. Эта церковь выстроена 37 лет назад. Построена из лиственничного лесу. Вид небольшой церкви, чистенькой, новенькой. Жители строили ее на свои средства. Крыта американским гонтом.

11. Церковный причт. Священник учился в сельской одноклассной школе. Раньше был в Петропавловске дьяконом. Лет пятнадцать был помощником.

12. Заработки. Рыболовство. Продают юколу торговцам из города по цене 15—20 руб. вязку сушеных рыб. Земледелие не имеет места. На пушные промыслы уходят все. Осенью ходят за баранами, убивают до 300 баранов. Кронцкий район.

13. Хлебопашество. Хлебопашество угасло давно. Старожилы, которым 77 лет отроду, не помнят его в детском даже возрасте. В одной версте от селения в кустах и лесу лежат два жернова времен Кегеля. Земля родит хорошо, но требует удобрения. Нет даже сох.

14. Огородничество. 67 домов с огородами. Небольшие посевы по всей долине Камчатки. Картофель, капуста, репа, редька, свекла, морковь. Огурцы не каждый год. Тыквы нет. Главный недостаток в парниках. Грибов в окрестностях мало. Жимолость, которую сушат для киселей с картофельной мукой. Голубица (местн. голубель). Черемуха — для толкуши, делают из нее лепешки. Шикша — замороженная, клюква для морса больным. Боярышник варят. За кореньями не ходят. Употребляют пластину кипрея вместо чая. Саранный кофе.

15. Коневодство. 53 дома имеют коней. Общее число их 178. За последние 50 лет число лошадей увеличилось, по крайней мере, в четыре раза. Порода лошадей улучшается. Подножный корм до 16 января. Гоняют в Щапино.

16. Собаководство. Общее число собак 945. За последние 50 лет число собак сокращается. Медленно и постепенно лошадь вытесняет собаку. Порода собак ухудшилась. Теперь двенадцать собак по силе не заменяют шесть прежних.

17. Скотоводство. 68 дворов имеют скот. Общее число 304 головы. Скот в хорошем теле. Число скота мало увеличивается, избыток продают или бьют. Главная причина — труден уход за ним. Во время сенокосения рабочие руки очень дороги. Мужчина берет до 25 руб., женщина — 6 руб. Падежа телят почти не бывает. Редко теленок пропадает.

18. Свиноводство. Никто никогда не заводил.

19. Куроводство. Тоже не было. Птичьих яиц не собирают. Бьют домашних уток. Гусей нет. Лебеди зимуют в теплых речках.

20. Ветеринарная помощь. Нет никакой помощи. Есть ветеринарный инспектор, но нет ветеринарных врачей и фельдшеров. Гибнет много скота от объедания омигом и опиваются водой на кислых ямах.

21. Кустарные промыслы. Раньше шили одежду из шкур собак. Собачьи кухлянки продавали друг другу. Из кожи чавычей и кеты шили наколенники. Деревянных изделий нет. О гончарном ремесле не имеют понятия.

22. Торговля. Лавки торгового дома Чурина, китайца Сун-Ин-Тун и местный торговец Коршунов. Зимой приезжают много мелочников из Петропавловска. Бумажные товары и галантерея, табак и чай. Товары разные — китайские, русские, японские, американские.

23. Скупка пушнины. Эти же лица занимаются и скупкой пушнины. Меняют пушнину на товары, но меняют и на деньги. Лисица — 30 руб., соболь — 500 руб., медведь — 50 руб., росомахи — 30 руб.

24. Спиртоношество. Раньше привозилось много спирту из Петропавловска. Теперь спирта не привозят. Варят свою брагу из хмеля, сахара, хлеба сухого, вроде кваса. Раньше собирали мухоморы, сушили их и продавали кочующим корякам и ламутам на сговор.

25. Пути сообщения. От Мильково до Верхне-Камчатска 12 верст по дороге и от Мильково до Кирганика — 14. Зимняя дорога на лошадях возможна до Толбачика. Заметно, что жители начинают предпочитать езду на лошадях езде на собаках.

26. Почта и телеграф. Почтово-телеграфное отделение открыто с апреля с. г. Расписания хода почты нет. Телеграммы посылаются с оказиями и по телефону.

27. Метеорологическая станция около школы лет 7—8 тому назад. Заведовал ею учитель Телятьев на содержании. Когда ему прекратили дополнительное жалование, ее свалили на чердак и по частям растащили. Новая станция доставлена до Шапино на моторном катере Юхновичем.

28. Настроение населения. Народ патриархальный, спокойный, религиозный. О России мало знают и мало интересуются.

29. Рыболовство. Рыба ловится только для себя, и то ее не хватает. Соль покупается у Чурина и привозят из Петропавловска. Соленое, юкола для себя, и висят головы рыбы. Ловят рыбу запорами. Неводами не позволяет ловить река — много коряжин».

Из истории сельского хозяйства с. Мильково. Первоначально крестьян переселили сюда для организации хлебопашества, которое должно было обеспечить независимость полуострова от поставок зерна из метрополии. Но несколько лет опыта хлебопашества не дали гарантированного урожая зерновых. Крестьяне стали заниматься животноводством, рыбной ловлей и охотой.

Одновременно для привлечения коренных жителей к огородничеству правительство стало направлять на полуостров агрономов. В огородничестве были достигнуты неплохие результаты. Начальник Камчатки П. И. Рикорд в письме в Общество сельского хозяйства отмечал: «...из семян, присланных от Фишера... в течение трех лет картофель улучшился весом в двух картофеленах до 1 фунта... В 1822 г. в селе Мильковском в посеве... было 31 пуд 15 фунтов, а собрано 1 510 пудов...» Уже в 1830-х гг. селяне получали урожай сам 26,5.

Сложнее оказалось с садоводством. По ходатайству начальника Камчатки А. В. Голенищева для работы на полуострове был отправлен садовник Ридель, но видимых успехов ему добиться не удалось. В 1841 г. прибыл

агроном Кегель, которому предписывалось «сделать посев озимовых хлебов. Делать опыт над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться развести яблоки и другие кустарные породы...» Работа этого прусского поданного тоже не увенчалась успехом.

С 1742 по 1757 г. крестьяне посеяли всего 50 пудов ячменя, ярицы и озимой ржи, но «весь хлеб не созрел». Попытки продолжались и далее. В Милькове, Машуре, Кирганике, Верхнекамчатске и Шигачике в 1763—1766 и 1770 гг. было посеяно «разных зерновых хлебов» 471 пуд, а собрано 489 пудов 19 фунтов. В 1850 г. занятые хлебопашеством крестьяне собрали около 2 500 пудов ячменя и 48 пудов конопли. Но, чтобы спасти урожай от «утренников», то есть заморозков, селяне были вынуждены веревкой стряхивать утреннюю росу.

В 1916 г. на Камчатку прибыл бывший депутат Государственной Думы от социал-демократов И. Ф. Голованов, который с 1916 по 1922 гг. заведовал Петропавловской сельхозфермой и проводил опыты по выращиванию культурных растений в местных условиях.

В начале 1920-х гг. сельское хозяйство на Камчатке еще находилось в зачаточном состоянии. По данным М. А. Сергеева, вся посевная площадь равнялась 14,8 гектара, стадо крупного рогатого скота составляло 3 200 голов. На душу населения производилось по 44 кг картофеля и по 1,6 кг овощей в год.

После установления советской власти были предприняты попытки исследовать возможности производства на Камчатке собственных сельхозпродуктов. В 1926 г. заведующий окружным земельным управлением И. Ф. Голованов изучал вопрос об организации в Милькове маслодельного производства. В то время сельское стадо состояло из 86 телят, 69 подтелок и нетелей, 101 коровы и 17 быков. Жирность молока составляла 4 %. По расчетам специалиста, Мильково могло давать с июня до октября ежедневно по 15 фунтов (более 6 кг) высококачественного масла. В это время сливочное масло завозилось на Камчатку из США. Поставки молочных продуктов в Петропавловск осуществлялись из Явино, Начик, Завойко, но они носили эпизодический характер. Следует отметить, что тридцать лет спустя надои молока в мильковском колхозе были невысоки и составляли 1 500 кг на дойную корову.

В 1928 г. в Милькове насчитывалось 68 дворов, общая площадь, занятая огородами, составляла 55 371 кв. м.

С началом активной деятельности на полуострове АКО, с конца 1920-х гг. очень остро встала проблема обеспечения вновь прибывших рабочих и их семей продуктами питания. Уже в первые годы работы АКО на рыбные промыслы из Центральной России прибыли несколько десятков тысяч человек. Было решено организовать на Камчатке три сельскохозяйственных совхоза — «Петропавловский», «Козыревский» и «Большереецкий».

Коллективизация на Камчатке активно проходила с 1930 г. В ее ходе для совместного ведения сельского хозяйства и вылова рыбы создавались колхозы.

Колхоз, получивший название «Безбожник», был организован и в Милькове. Первыми в него вступили десять семей. Все имущество колхоза состояло из десяти лошадей, нескольких коров, лопат и тяпок.

Одна из первых колхозниц вспоминала: «Не стали мы ждать, пока поступят тракторы... Как только организовался колхоз “Безбожник”, пошли отвоевывать у тайги землю для посевов своими силами. Лопатами подкапывали деревья. Затем топорами обрубали корни. Обхватывали толстую высоченную березу у комля и гурьбой тянули, выкорчевывая сваленную лесину, распиливали на части и на носилках выносили...»

В 1931 г. на полуострове отказались от выращивания зерновых культур: был взят курс на огородное и животноводческо-молочное направление сельского хозяйства. В апреле 1933 г. в 12 км от села была организована Мильковская зональная опытная станция по полеводству и животноводству. Уже к 1935 г. она имела семь рабочих лошадей, столько же саней, две телеги, четыре нарты, молотилку, сенокосилку, три катера общей мощностью 29 лошадиных сил, 48 ездовых собак и другой инвентарь, а также жилые дома и хозяйственные постройки. За годы работы Мильковская опытная станция внесла весомый вклад в изучение климата, почв, разработки агроприемов возделывания сельхозкультур в условиях Камчатки.

С 1932 г. на Камчатку стала поступать техника. Первый трактор для колхоза доставили из Усть-Камчатска по реке. Из-за низкой воды его выгрузили в Кирганике, откуда он должен был своим ходом добраться до Милькова. Но за околицей Кирганика трактор сломался. Тогда первый мильковский тракторист Михаил Ремезов разобрал его и по частям по раннему снегу на собачьих упряжках перевез в Мильково. Весной на колхозных полях была сделана первая борозда.

Наряду с мужчинами освоила первые тракторы и мильковчанка Мария Григорьевна Плотникова. Она вплоть до ухода на заслуженный отдых была в первых рядах совхозных работников, неоднократно награждалась орденами и медалями.

В 1938 г. колхоз «Безбожник» за высокие показатели в выполнении государственного плана года был награжден Главным выставочным комитетом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки дипломом второй степени. В этом году «Безбожник» с 30 га собрал по 14 и с 5 — по 17,1 ц пшеницы, а с 24 га — по 13 ц овса.

Из отчета Мильковского райисполкома за 1938 г.: «Сельское хозяйство в нашем районе является отраслью хозяйства, определяющей экономику района. Район, расположенный по долине реки Камчатки, шириной до 40 и более километров... является благоприятным по почвенным и климатическим условиям для вызревания зерновых и плодовоовощных культур и при соответствующей технической оснащенности (особенно для раскорчевки, под-

нения и обработки целины), а также укрепления совхозов переселенческими кадрами, должен быть и будет житницей Камчатки.

Колхозы района занимаются посевами с начала их организации (1931—1932 гг.), но твердой товарной продукции они до сих пор не имеют. Особенно это относится к зерновым культурам, по которым до 1938 г. не было даже своих собственных семян, что вынуждало колхозы ежегодно завозить семена для посева...

В 1938 г. вопросы земледелия в районе получили резкий поворот в сторону улучшения. При настойчивом требовании района перед областным земельным управлением, краевым земельным управлением, даже перед Наркомземом в район были завезены (не полностью) требуемые сорта зерновых: овес, пшеница. Ячмень все же завезен не был. При упорном сопротивлении против областного земельного управления, требовавшего производить сев фуражными семенами в более поздние сроки, с чем район не согласился, и, выполняя основные правила агротехники, колхозы в 1938 г. добились высоких урожаев зерновых, обеспечив себя собственными семенами, сдав натуроплату и распределив впервые в районе зерно на трудодни.

Если в 1937 г. зерновые 3 сентября были убиты в начале восковой и молочной зрелости осенними заморозками, то в текущем году 15 августа зерновые созрели. Таким образом, ушли от ранних осенних заморозков, что в нашем районе является основным условием получения урожая...»

Для обслуживания техники на окраине села 16 февраля 1935 г. была образована машинно-тракторная станция (МТС). В 1952 г. силами ее работников выполнены работы на площади 3 505 га, в 1956 г. — уже 11 300 га. К этому времени на вооружении механизаторов находилась передовая техника: тракторы С-80, ДТ-54, ХТЗ-7, фрезбарабаны, канавокопалки, картофелесажалки СКГ-4, картофелеуборочные комбайны.

Летом 1936 г. мельковчане с ликованием встречали первый отряд автомобилей, проехавший по бездорожью из Петропавловска. Так открылась новая страница в освоении территорий камчатской глубинки, хотя настоящая проезжая дорога от Петропавловска до Милькова была пущена только в 1967 г.

Новая страница в культурной жизни села открылась с приходом сюда радио. Вот что сообщала по этому поводу в 1937 г. областная газета «Камчатская правда»: «Мильково. Сюда прибыло оборудование для трансляционного узла мощностью на 100 точек». Жители камчатского села начали слушать передачи из Москвы.

До 1960-х гг. село Мильково оставалось небольшим районным центром с несколькими торговыми точками, с нерегулярной подачей электричества в дома, плохими дорогами, необорудованным аэропортом. Ситуация стала меняться только в 1970-х гг., когда в селе развернулось активное жилищное и промышленное строительство.

Формирование населения Мильково. После похода казачьего пятидесятника Владимира Атласова на Камчатку в 1697—1699 гг. и присоединения полуострова к Российскому государству здесь начинает формироваться русское население. Первыми русскими жителями полуострова были казаки, их численность на первом этапе (начало XVIII в.) оценивается исследователями всего в 150—200 чел. (Огрызко, 1973).

Из-за трудностей с доставкой на Камчатку «хлебного жалования» для казаков правительство решает переселить на полуостров крестьян, чтобы они обеспечивали хлебом служилых людей и их семьи. Первые 22 крестьянские семьи переселились на Камчатку в 1730-х гг. Они небольшими группами направлялись в разные места полуострова. В устье реки Мильковой поселились три семьи. В 1744—1745 гг. к ним добавились еще несколько семей крестьян. Надо отметить, что места их поселения на Шигачике и Мильковой территориально находились рядом и впоследствии положили начало селу Мильково.

В 1799—1800 гг. на Камчатку обрушилась эпидемия «гнилой горячки» — брюшного тифа. В 1804 г. на полуострове имелось 1 685 ясачных плательщиков, а в 1818 г. их оказалось всего 945 при общей численности аборигенного населения 1 741 мужчина и 1 616 женщин. Русских в это время насчитывалось 701 мужчина и 645 женщин (Н. В. Слюнин, 1900). Как видно, к концу начального периода русского влияния численность аборигенного населения Камчатки составила не более 3—3,3, а пришлого населения — 1,3 тыс. чел.

Отдаленность села, отсутствие удобного транспортного сообщения с другими территориями полуострова сказались на особенностях формирования населения. Первоначально браки заключались исключительно между русскими, но в последующем брачных партнеров не хватало, и русские мужчины стали брать в жены камчадалок из соседних селений. Далее этот процесс углублялся, так как из-за малочисленности крестьян третье и последующие поколения уже имели значительную примесь камчадальской крови. Процесс ассимиляции русского населения продолжался до 1940—1950-х гг., когда началось обратное.

Морской офицер В. Головнин в начале XIX в. отмечал: «Ныне в Камчатке, кроме сей деревни, есть еще другое селение русских крестьян, в коем мужеского пола 70 душ. И как они поселены здесь издавна, то все почти семейства в обоих сих селениях состоят между собою в каком-нибудь родстве. И поелику молодые мужчины у них весьма редко могут сыскать себе невест из камчадалок, а женщины русские почитают за большое себе унижение иметь мужем камчадала и никогда за них не выходят, то от сего происходит, что девки здесь по большей части ведут распутную жизнь. Но еще в вящее преступление приводит их стыд, заставляющий изыскивать средства к истреблению младенцев, незаконно ими рожденных, которых иногда

лишают они жизни в самой утробе и чрез то лишаются собственного здоровья и навсегда делаются бесплодными. Зло сие не только что оскорбляет веру, но и для государства вредно, лишая оного граждан в таком месте, где народонаселение самое слабейшее из всей империи, и потому... не было бы противно правилам религии разрешить для них брак даже на двоюродных сестрах...»

По седьмой переписи, проведенной начальником Камчатки П. И. Рикордом в начале XIX в., в Мильковском селении проживало 113 русских: 72 мужчины и 41 женщина.

К 1820-м гг. на всем Камчатском полуострове находилось 407 государственных крестьян обоего пола, причем добрая их половина жила в двух селениях: Ключевском и Мильково и занималась земледелием.

Во второй половине XIX в. численность мильковчан менялась так:

Год	1853	1876	1894
Население, чел.	211	271	331

В 1876 г. на Камчатке прошла перепись населения, в ходе которой в Милькове учли 271 чел. По сословному составу они подразделялись следующим образом: пять камчадалов, три якута, четверо почетных граждан, 17 духовных лиц, 30 петропавловских мещан, 212 местных крестьян.

В течение XIX в. численность населения увеличилась более чем вдвое. В январе-марте 2006 г. нами выявлена и расшифрована «Исповедальная роспись Мильковской Богоявленской церкви» за 1893 г. Анализ росписи показывает, что в 1893 г. в селе находилось 44 дома, в них жили 288 чел., в их числе 148 мужчин и 140 женщин.

Назовем фамилии местных жителей того времени: священники Малаховы, Логиновы; крестьяне Бобряковы, Верещагины, Еланцевы, Синаевы, Пинигины, Потаповы, Поповы, Краснояровы, Мальцевы, Михайловы, Подкорытовы, Плотниковы, Петровы, Ивановы, Шишкины; почетные граждане Колесовы, Машихины; мещане Бушуевы, Верещагины, Ворошиловы, Толман, Корелины; якуты Решетниковы; поселяне (крестьяне) Татариновы, Коркины.

В «Материалах по статистике», опубликованных в Хабаровске в 1925 г., в селе числились 440 чел., в том числе 108 мужчин и 98 женщин старше 18 лет. К русским были отнесены 9, к камчадалам — 425 чел. Якутов насчитывалось пять, китайцев — один.

По данным Приполярной переписи 1926 г., село имело 64 хозяйства и было населено 447 чел.: 229 мужчинами и 218 женщинами, которые все были отнесены к камчадалам. Вплоть до 1933 г., когда был образован Мильковский район, национальный состав населения практически не изменялся. В 1933 г. в село стали прибывать партийные работники, специалисты советских, финансовых органов, работники торговли и сельского хозяйства.

Характер изменения численности местного населения в 1920—1960-х гг., по данным Государственного архива Камчатской области, отражен ниже:

Год	1926	1938	1939	1960	1964
Население, чел.	447	677	996	2 745	2 820

Рост населения Мильково, начавшийся в конце XIX в., продолжался без привлечения большого числа брачных партнеров со стороны и увеличился к 1939 г. в три раза. Эта тенденция сохранялась вплоть до конца 1950-х гг.

В круг брачных партнеров до середины 1930-х гг. входили в основном жители Милькова и в меньшей степени жители близлежащих селений — Верхнекамчатска, Кирганика, Шаром, Машуры. К середине XX в. практически все мильковчане уже находились в родстве между собой.

В 1950-х гг. после начавшегося активного переселения на Камчатку с «материка», учитывая родственные отношения, большое количество браков стало заключаться между приезжими и коренными жителями. В последующем это количество только увеличивалось, и уже к 1960-м гг. браки между коренными жителями заключались в единичных случаях.

И. С. Гурвич, исследовавший особенности русских старожилов долины реки Камчатки, в начале 1960-х гг. отмечал: «В селе Мильково в 1923 г. было 450 человек обоего пола, 64 двора. Население представляло собой русских старожилов, членов местного крестьянского общества. В 1934 г. сюда впервые прибыло значительное число переселенцев в связи с организацией района. Впоследствии Мильково неоднократно пополнялось приезжими с «материка». Однако в Мильково стянулось немало и «камчадалских» семей.

В 1956 г. было упразднено селение Верхнекамчатск. В нем насчитывалось тогда 18 дворов. Здесь жили «камчадалы» Зимины, Верещагины, Машихины, Нечаевы, Пермяковы. Большинство жителей Верхнекамчатска переехало в Мильково, а часть — в Новые Шаромы. В Мильково живут отдельные семьи из Кирганика (Пермяковы), из Шаром (Машихины, Заочные), из Машуры (Ушаковы, Красильниковы), из Толбачиков (Бушуевы, Слободчиковы). Но численно преобладают переселенцы с «материка» — русские, белорусы, украинцы, удмурты и другие. Браки между переселенцами и старожилами — обычное явление. Изучение похозяйственных книг этого поселка и частичная проверка этих данных у населения показали, что в настоящее время здесь имеется около 150 семей старожилов и около 100 смешанных семей, образовавшихся от браков между старожилами и приезжими. Всего здесь около 650 человек старожилов. Следует указать, что точное число старожилов выявлено не может быть не только потому, что не ведется специальный учет старожилов, но и потому, что лица от смешанных браков часто причисляют себя к приезжим. Таким образом, старожилы Мильково перемешались со ста-

рожилами других поселков долины реки Камчатки и в значительной степени с пришлоим населением».

Большие изменения в традиционную систему жизнеобеспечения коренного населения внес принятый в 1957 г. «курс» на укрупнение сельских поселений, в результате которого многие удобные для жизни и освоения природных ресурсов поселки были упразднены.

В последующие годы административная политика проводилась без учета местной природной, исторической и этнической специфики. Преследовалась цель полной интеграции коренного населения в «новую историческую общность — советский народ». Национальные поселки на Камчатке почти исчезли. К 1970 г. поселков, в которых аборигенное население составляло большинство, оставалось всего шесть: один ительменский, один эвенский и четыре корякских.

Если в 1926 г. коренные жители на Камчатке составляли 64, то в 1989 г. — только 2 % от всей численности населения.

Надо отметить, что после 1905 г., когда была расформирована сахалинская каторга, на Камчатке появляются русские, прибывшие с Сахалина и из Маньчжурии. Они имели низкий моральный облик. Камчадалы старались не иметь с ними никаких отношений, называли их «мурками» (собаками). Впоследствии негативное отношение к ним в камчадальской среде перенеслось на других переселенцев и сохранялось вплоть до 1980-х гг. Сейчас понятие «мурки» помнят только представители старшего поколения.

С 1950-х гг. количество детей, рожденных от браков между местными жителями и приезжими, несколько увеличивается. И. И. Огрызко (1973) приводит среднюю численность детей в семьях русских крестьян на Камчатке: в 1836 г. — 6,8, в 1901 г. — 6,5, в 1926 г. — 6,3 чел. В 1930—1940-х гг. этот показатель оставался в тех же пределах, а с 1960-х гг. он редко превышал 4 чел. Подсчеты показывают, что с учетом переселения в 1960-х гг. в Мильково коренных жителей из селений Макарка, Щапино, Кирганик, Верхнекамчатск и других количество жителей, имеющих предками коренных камчадалов, составляет на сегодня более 3 300 чел.

В ходе сложных социально-экономических процессов, протекавших в долине реки Камчатки, и в связи с высоким оттоком пришлого населения на материк, в Елизовский район и Петропавловск-Камчатский численность населения Милькова постепенно стабилизировалось.

Неполный список многодетных матерей с. Мильково. С 1893 по 1950 г., большая часть местных жителей имела по 5—7, а отдельные семейства — от 7 до 9 детей. Многодетным семьям полагалась поддержка государства. Указами Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР многодетные матери награждались правительственными наградами. Ниже приводятся тексты отдельных Указов.

Указ от 28 мая 1951 г.: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. наградить от имени Президиума Верховного Совета СССР матерей, родивших и воспитавших семь детей:

Орденом «Материнской слава» 3-й степени: *Бобрякову Варвару Гавриловну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Машихину Людмилу Ивановну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Михайлову Александру Георгиевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Плотникову Галину Македоновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших пять детей, медалью «Медаль материнства» 2-й степени: *Ворошилову Пелагею Дмитриевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Пинчук Анну Кузьминичну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Пинчук Феклу Яковлевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Сенникову Агафью Михайловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Сюткину Екатерину Михайловну* — служащую конторы связи Мильковского района.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О награждении многодетных матерей орденами “Материнская слава” и медалями “Медаль материнства” по Камчатской области Хабаровского края» от 24 сентября 1953 г.: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. наградить от имени Президиума Верховного Совета СССР матерей, родивших и воспитавших девять детей, орденом “Материнская слава” 1-й степени: *Пинигину Феоктисту Николаевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших восемь детей, орденом “Материнская слава” 2-й степени: *Зимину Василису Ильиничну* — работницу районного коммунального отдела Мильковского района, *Михайлову Александру Георгиевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Потапову Евстолию Григорьевну* — колхозницу, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших семь детей, орденом “Материнская слава” 3-й степени: *Кривоногову Феодосию Николаевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Пермякову Анну Семеновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Селиванову Екатерину Андреевну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Толман Ольгу Петровну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Чернышеву Елену Даниловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших шесть детей, медалью “Медаль материнства” 1-й степени: *Алексееву Наталью Григорьевну* — домашнюю хозяй-

ку, село Мильково Мильковского района, *Сюткину Екатерину Михайловну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района.

Матерей, родивших и воспитавших пять детей, медалью “Медаль материнства” 2-й степени: *Демидову Матрену Касьяоновну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Захарову Марию Владимировну* — служащую районной конторы связи, Мильковский район, *Кузьмич Марию Афанасьевну* — колхозницу колхоза имени Сталина Мильковского района, *Лонишакову Матрену Анисимовну* — домашнюю хозяйку, село Мильково Мильковского района, *Маловечкину Любовь Степановну* — работницу детских яслей, Мильковского района».

Эти награды торжественно были вручены в селе 29 октября 1953 г.

Напана, острожек (по-ительменски «Нап-нам»). Находился на реке Напан. Отсюда до Петропавловска считалось 832 версты. Ближайшие селения — Тигиль и Седанка. В 1868 г. острожек состоял из шести сооружений, его населяли 30 мужчин и 29 женщин.

В 1876 г. здесь жили 26 мужчин и 22 женщины, в их числе всего один грамотный. В острожке имелось два дома, четыре юрты, пять стай, баня и 11 балаганов. Население содержало девять лошадей, 10 коров и 48 собак. За сезон местные охотники добыли 35 нерп, 14 оленей, 11 соболей и пять медведей. В 1901 г. численность местного населения составляла 50 чел.

Исследователь Камчатки Петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов записал об этом селении такие впечатления: «Напанский острожек... есть крайний северный пункт области верховых камчадалов. Он расположен на правом возвышенном берегу одноименной реки, верстах в двадцати пяти от второго русского поселения западного побережья Камчатки — Тигиля...

Десять разбросанных, как везде по Камчатке, без всякого определенного плана, жалких лачуг образуют все поселение. Из них — три бревенчатых дома и семь юрт, обложенных снаружи для большей теплоты дерном. Эти юрты представляют собою квадратные одноместные помещения, сделанные из стоймя поставленных горбылей.

Пол земляной, покрытый для чистоты травой. Посредине такого жилья юрты находится миниатюрная печка из необожженного самодельного кирпича. Оконные отверстия очень малы и затянуты, по обыкновению, вместо стекольной рамы, полотнищами из медвежьих кишок...

Чем ближе к русским, тем инородцы во всех отношениях хуже; чем дальше, тем лучше.

В селении, кроме юрт, можно видеть обнесенные плетнем огороды, в которых садится репа и картофель, потом так называемые стаи, то есть пригоны для скота, и неизбежную и неотъемлемую принадлежность всякого камчатского хозяйства — рыбные балаганы и вешала.

Всех жителей считается около шестидесяти человек (по переписи 1897 г. 66 чел. обоих полов).

Разговорный язык, несмотря на упомянутую близость Тигиля, у напанцев (между собою) камчадалский. Очень редко можно услышать русскую фразу.

Самый большой дом в Напане принадлежит... старосте Арефьеву, состоит из двух половин и из просторной пристройки сеней. Дом этот построен из разных пород деревьев: тут есть и береза, и тополь, и ветла.

До сих пор мною не было отмечено, что во многих домах камчадалских острожков можно увидеть самодельные или же приобретенные (покупные) скрипки и гармонии, свидетельствующие о склонности камчадалов к музыке. Доморощенными музыкантами разыгрываются на этих инструментах русские песни и обыкновенные камчатские танцы: восьмерка, вальс-козак, ванька-гарун, косая, русская и тому подобные. Я слышал, что у камчадалов очень много своих чисто камчадалских песен, но самому мне не приходило их слышать нигде».

А вот описание селения, датированное 1923 г.: «Имеет 11 домов, 11 амбаров, 1 баню, 11 теплых сараев. Численность населения: взрослых мужчин 19, женщин 18, мальчиков 5, девочек 16. Грамотных и учителя нет, дети грамоты не получают. Парторганизаций нет, работников партийных тоже. Вероисповедание православное, церкви и попов нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Все добывающие продукты сдаются проезжающим скупщикам-спекулянтам на обмен на необходимый товар: продовольствие и мануфактуру. Спрос на спирт есть, ввоза нет.

Характер поверхности: болотистая, покрытая лесом — черноберезняком, ольховником и кедровником. Протекает река Напана шириною 50 сажень глубиною до двух сажень. Река Правый Ланыч шириною 10 сажень. Глубина до $\frac{1}{2}$ саж.; девятый приток шириною 10 саж. глубина 1 саж., полноводность бывает. Есть озера. Средняя температура зимы –30 град., лета 15 град. Снег глубиною один аршин, падает часто. Ветры западные, пурги частые, заносы большие. Почвы песчаные и тундра. Питьевой водой пользуются из речки, качество хорошее.

Имеются тропы на кошку и Тигиль. Расстояние до кошки 30 верст, до Тигиля — 21 верста. Способы передвижения в летнее время вычными на лошадях. Переправы через реки бродами возможны в мелководье, в полную воду переправляются на батах. Мостов и паромов нет. Селение имеет лошадей 8, конских седел 8, собак 200, нарт 20, лыж 20, коров 30, телег и саней не имеют. В 12 верстах от селения имеется каменный уголь. Охота и рыболовство малоразвиты. Живут кочевники-коряки в числе 15 чел. Имеют оленей 1 500, собак 20, нарт 2. Занятие их оленеводство. В пути благонадежное».

В 1926 г. в селении имелось 16 хозяйств и 79 жителей: 37 мужчин, 42 женщины. Исследователь Е. П. Орлова считала, что «северной границей рассе-

ления ительменов в 1926 г. являлась река Напана, левый приток реки Тигиля. На правом берегу реки Напаны, в 40—42 км от моря...»

В 1933 г. в 15 домах жили 75 чел., в том числе двое русских.

В период коллективизации здесь создается колхоз «Красный партизан». В 1936 г. он включал 13 хозяйств, 75 чел., в том числе 36 трудоспособных. Доход на одного трудоспособного составил всего 87 руб.

В настоящее время селение Напана не существует.

Озерновское, селение. Находилось на реке Озерной (на восточном побережье полуострова, Озерной-Восточной), местное название «Кооч-агжа» или «Еловское устье». Селение было основано на почтовом тракте, проходившем по долине реки Камчатки, далее по реке Еловке, затем по восточному побережью. Ближайшие селения — Еловка и Ука.

Морской офицер П. Ф. Кузмищев, посетивший селение, в 1827 г. отмечал, что острожек стоял на берегу реки Озерной и был последним камчадальским поселением на пути к земле коряков.

В 1868 г. расстояние отсюда до Петропавловска оценивалось в 755 верст. В селении имелось шесть домов и деревянная часовня, жили 30 мужчин и 31 женщина. По сведениям 1876 г., численность жителей равнялась 34 чел., мужчин и женщин поровну. Здесь было 25 построек, в том числе пять жилых домов, часовня, шесть амбаров, столько же балаганов, пять стай и две бани. За охотничий сезон 1876 г. жители добыли 36 соболей, три лисицы, пять оленей и одного медведя.

Численность местных жителей была небольшой и не превышала 50 чел.: в 1836 г. — 30, в 1851 г. — 49, в 1901 г. — 48 чел. Детей школьного возраста в 1891 г. было трое, в 1896 г. — шестеро. Грамоте они не обучались.

Летом жители переселялись на северный берег лагуны для промысла рыбы. По их словам, река вставала в конце октября или начале ноября, а вскрывалась в начале или середине мая.

В «Люции побережий РСФСР» за 1923 г. указывается: «Селение Озерное, расположенное на реке в 8 верстах от берега моря, немногочленно; летом жители занимаются рыбной ловлей в устьях реки, уходя на зиму в горы на промыслы пушного зверя».

В материалах переписи 1926 г. указывалось: «...селение Озерное на реке Озерной в 85 км к югу от селения Уки и в 275 км от Усть-Камчатки. В момент переписи село Озерное пустовало, так как население его в течение последних трех лет выселилось в село Уку. Переписью зарегистрированы лишь постройки».

Но после переписи местное население вновь вернулось в свои дома. Вулканолог Б. И. Пийп в середине 1930-х гг. сообщает: «Вскоре подъехали к пяти домикам селения Озерное. Здесь живут 28 человек, есть одна корова, один бык, трое нарт, лошадей нет. Какое это убогое, сиротливое селение среди

открытой тундры, доступное ветрам. Какой контраст этого селения с более южными, которые окружены лесами! Остановились в доме Клочева. Домик маленький, но уютный, много тараканов и детей. Дом обит дерном, с теплыми сенями. На всем видна забота — уберечься от ветра. Ночевать пошли к сыну хозяина Егору».

В 1933 г. здесь побывал В. С. Шаталов: «Селение Озерное от моря расположено в семидесяти километрах. На многие десятки километров нет живой души, и вдруг два маленьких, на несколько человек, домика». Он сообщает, что в 1933 г. здесь еще оставались три семьи.

Кроме селения Озерного некоторое время на реке Озерная существовало и селение *Нижне-Озерная*. По данным канцелярии камчатского губернатора, в 1913 г. в устье реки переселились 13 семей латышей. Эта колония просуществовала недолго, и в документах больше не упоминается. Но на карте Б. И. Пийпа, датированной 1936 г., селение Нижне-Озерная обозначено в устье реки Озерной.

В конце 1930-х гг. местных жителей переселили в Уку.

Озерное, селение. Упоминается в «Списке населенных мест Приморской области Восточной Сибири Петропавловского округа», датированном 1868 г. Селение «при озере и речке», откуда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 39 верст. Здесь стояли два дома, жили пять мужчин и шесть женщин.

В. П. Кусков считал, что оно возникло в 1832 г. и было названо по расположению у озера Дальнего. В 1876 г. местное общество было административно объединено с Николаевским, Паратунским и заимкой Микижа. Во всех обществах проживали 229 чел.

В. Л. Комаров, работавший на Камчатке в 1908—1909 гг., сообщает об имевшихся здесь строениях: «...хутор П. Яковлева на истоке Ближнего озера и, само собою разумеется, летовка на Дальнем озере».

В Приполярной переписи 1926 г. это селение не упоминается. Официально оно исключено из списка населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Первореченский, поселок. Находился на берегу Пенжинской губы. Назван так по своему расположению на Первой речке. Ближайшее селение Манилы, расстояние до него около десяти километров. В. П. Кусков считал, что поселок был образован в августе 1964 г.

Поселок состоял из трех десятков строений, стоявших тремя рядами на высокой террасе. Иногда местные жители называли его «Усть-Пенжино». Основное население — геологи. Здесь активно работал клуб, выпускалась стенная газета «Разлом». Молодежь занималась спортом: здесь, на далеком севере, она организовала даже хоккейные команды.

17 сентября 1993 г. Камчатский областной Совет народных депутатов принял следующее решение: «Упразднить Первореченский сельский Совет, передать поселок Первореченский в состав Манильского сельского Совета Пенжинского района». Это решение обосновывалось следующими доводами. На протяжении последних трех лет численность местного населения резко сокращалась. Если в январе 1991 г. она составляла 172 чел. (88 семей), то в январе 1993 г. — 67 чел. (29 семей). «В настоящее время численность населения составляет 46 чел., абсолютное большинство которых составляют нетрудоспособные жители. Ликвидация поселка связана с переводом основной базы Пенжинской геолого-разведочной экспедиции. В селе отсутствуют предприятия и учреждения торговли, народного образования, культуры».

В 1950—1960-х гг. одноименный поселок существовал в Усть-Больше-рецком районе.

Сайчик, селение. Находилась на одноименной реке, впадающей в Охотское море. Ближайшие селения — Ича и Сопочное.

Как установил И. И. Огрызко, сюда в 1913 г. переселились пять крестьянских семейств из Казанской, Самарской и Иркутской губерний (Федора Афанасьева, Кузмы Михеева, Степана Семенова, Николая Мухаметова и Митрофана Барбара).

Селение просуществовало недолго, и уже в 1926—1927 гг. в документах указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Сайчик... в Больше-рецкой волости».

Тигиль, крепость, село. Первое упоминание о реке Тигиль относится, видимо, к концу XVII в. Историк Б. П. Полевой сообщает, что посланный в 1695 г. В. Атласовым из Анадырского острога казак Морозко «погромил» камчадальский острог на реке Тигиль и взял там «неведомые» (японские) письма.

В 1716 г. казаком Соколовым и мореходом Треской был открыт морской путь из Охотска по Охотскому морю до устья реки Тигиль. На карте казака-монаха И. Козыревского 1726 г. река названа «Кигил». В начале XVIII в. в бассейне реки Тигиль существовали восемь селений коренных жителей, из которых после эпидемии оспы осталось два. В верховьях рек до эпидемии кочевали необъясаченные коряки. В период эпидемий они откочевали и появились в этих местах вновь в конце 1820-х гг. в числе семи хозяйств, около 90 чел.

В. П. Кусков, указывая дату образования русского поселения, отмечал: «Основано в 1747 г. на месте корякского острожка Шипина...» П. А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» указывает близкую дату: «Тигильский острог зачат в 1750 г., через два года обнесен палисадом и рвом... Первые жители его были переселенцы из Сибири, в числе 37 человек».

Современный районный центр Тигиль существует на месте Тигильской крепости, возобновленный на этом месте после ее сожжения во время корякского восстания 1756—1757 гг.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. Стеллер сообщает о начале строительства крепости: «...острог в настоящее время закладывается под надзором казака Енисейского повыше Тигиля (имеется в виду выше устья реки. — В. Б.) Пенжинского моря, и туда на постройку и для заселения отправлено 37 человек».

Далее Стеллер сообщает о причинах строительства: «Острог этот основан из трех соображений: 1) для обуздания... “сидячих” коряков; 2) для установления пути отсюда, с Камчатки, к Охотску... 3) для ограждения коряков-оленьеводов... от их главных врагов — чукчей...»

Т. И. Шмалев в «Опыте трудов вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» (1774 г.) пишет: «...расстоянием от моря вверх по реке Тигиль, верст тридцать. Строения в оной деревянного, крепость, в коей церковь Рождества Христова, командирский дом, казармы, а за крепостью обывательские дома, в коих жительство имеют воинские служители и камчадалы. Команды ж состоит: командир порутчик один, нижних чинов семьдесят восемь. В жалованье, провианте, одежде, обуви и пище, равно ж и в продаже харчевых припасов и товаров равенство состоит против Большерцкокого острогу».

В 1773 г. на Камчатку прибывает главный командир премьер-майор Магнус Карл фон Бем. Среди его многих полезных дел числится укрепление острогов и крепостей. Историк А. С. Сгибнев сообщает: «Тигильскую крепость обнес валом, построил в ней новые укрепления и казармы для нижних чинов».

Сменивший М. К. Бема коллежский ассессор Франц Рейнеке предпринимал меры по переносу главного управления Камчаткой в Тигиль. Но, по словам А. С. Сгибнева, «по причине постоянного неулова рыбы в реке Тигиле отменил свое намерение».

«Краткое обозрение Камчатки», напечатанное в 1806 г. в Санкт-Петербургском журнале № 12, отмечало: «Крепость Тигильская есть единственная в тамошних местах: она служит оградой и пограничным укреплением против беспокойных чукчей и застроена в 1775 году для того, чтобы бунтующих Неподвижных коряк содержать в послушании и проложить от нея дорогу вокруг Пенжинского моря до Охотска».

По седьмой камчатской переписи 1818 г. в крепости проживали 185 русских: 98 мужчин и 87 женщин. Много в делах и жизни местных жителей зависело от руководителя крепости. А. С. Сгибнев сообщает: «По распоряжению Голенищева (начальника Камчатки. — В. Б.) был послан в 1830 г. в Тигиль капитан-лейтенант Кузьмищев для заведования этой крепостью. Двухлетнее его там пребывание ознаменовалось многими полезными преобразованиями в управлении тех инородцев. Он... научил и приохотил их к огородничеству и, в особенности, к разведению картофеля».

В 1868 г. Тигиль уже именовался казачьим постом. Отсюда до Петропавловска считалось 853 версты. Здесь в 38 домах жили 99 мужчин и 118 женщин.

Протоиерей П. Громов в своей работе «Историко-статистическое описание камчатских церквей» рассказывает: «Тигильская церковь, для которой был от архимандрита Хотунцевского оставлен чертеж, окончена строением к началу 1752 года. Она воздвигнута на правом берегу реки Тигиля... Место это прежде называлось Шипиным острогом... а с 1744 года, когда было укреплено против корякских набегов, получило название Тигильской крепости».

Крепость дважды горела и отстраивалась заново. Далее П. Громов отмечал: «Командир крепости, флота лейтенант Сапалович построил третью церковь, прочную и красивую с соответственную в одной связи с церковною колокольнею. Храм этот освещен был протоиереем Никифоровым 26 декабря 1822 года». Но и он сгорел. В 1850 г. заложен уже четвертый тигильский храм.

В декабре 1861 г. Тигиль посетил архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов. В своем путевом журнале он записал: «Здание Тигильской церкви, хотя еще и ново, но южная стена начинает выпучиваться наружу и потому не долго простоит без правки. Дом у священника новый и очень хороший. Книги церковные ведутся старостою исправно, суммы все на лицо... Ризницы не много».

В 1888 г. начались занятия в Тигильской школе грамоты, в которой «обучением Закону Божию и грамоте занимался местный священник Иннокентий Колегов... без вознаграждения». Здесь обучались только мальчики. В 1892 г. ее посещали 25 чел. (шестеро камчадалов, трое духовного сословия и 16 казаков).

К. Дитмар, побывавший в Тигиле в 1853 г., дает такое его описание: «27 домов местечка выглядели все лучше и порядочнее, чем мне пришлось видеть... Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами с хозяйственными постройками. Старая церковь погибла от пожара, и теперь как раз в центре Тигиля строилась новая. От старого бывшего здесь укрепления почти не осталось следа, кроме пары старых пушек с пометкой 1790 года. Балаганы для сушки рыбы... были отнесены от жилых домов далеко на берег реки, что сделало все местечко здоровее, опрятнее и чище.

Я насчитал 150 голов рогатого скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемых на тучный выгон, а вблизи расстилались обширные покосы, с которых как раз теперь снимали очень богатый урожай прекраснейших и питательнейших трав. В 1853 году... значилось в Тигиле населения 109 душ мужского пола и 88 женского, большею частью потомков старинных камчатских казаков, однако, благодаря смешанным бракам, с сильной примесью камчадальской, и особенно корякской, крови...»

По переписи 1876 г. здесь жили 255 чел., весьма пестрых по национальному составу: один швед, четверо подданных США, два финляндца; мещане: один архангельский, один тотемский, один иркутский, 17 гижигинских, два Петропавловских; крестьяне: двое гижигинских и семь петропавловских; семеро петропавловских купцов и шестеро камчадалов. Имелось пять «лекарских учеников», шестеро «матросов отставных», шестеро духовных лиц и 185 казаков. В общем числе 255 жителей имелось 122 мужчины и 133 женщины. Грамотных было всего 34 чел.

В Тигиле тех лет имелась церковь, 41 дом, пять юрт, четыре лавки, четыре магазина, 43 амбара, 44 балагана, 12 бань и три кузнецы. Жители содержали 30 лошадей, 107 коров и 394 собаки. Они добыли за сезон 58 соболей, 142 нерпы и трех оленей.

В 1907 г. в селении побывал рыбопромышленник Г. А. Крамаренко. По его словам, «селение Тигиль — одно из самых больших селений Камчатки, которое находится верстах в пятидесяти вверх от устья реки».

А вот описание села как стратегического пункта, сделанное в 1923 г.: «Селение имеет 75 домов, 75 амбаров, 30 бань. Численность населения 360 человек, из них взрослых мужчин 98, женщин 92, детей мужского пола 83, женского 87. Грамотных мужчин и женщин имеется 80 человек. Имеется школа, учитель и учащихся 50 человек. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедание православное, имеется церковь и священник. Имеются почтово-телеграфное отделение, маяк, общественные и государственные учреждения, а так же заведения и предприятия.

Занимаются охотой, рыболовством и животноводством. Имеются: общественная лавка, отделение фирм Гудсон-Бей, доверенный Пименов; Свенсон, доверенный Флетчер, а также проживают и постоянные скупщики-спекулянты. Пушнина сдается названным отделением и часть в общественную лавку на обмен товара, главным образом, на продовольствие, мануфактуру. В летнее время привозится японцами спирт, спрос велик. Характер поверхности — тундра, покрытая лесом: березняк, ольха, тополь, ветла, тальник, кедровник. Район с. Тигиль орошается реками: р. Тигиль, шириною 20 саж., глубина от $\frac{3}{4}$ саж. до 6 саж. Правые притоки р. Тигиля: р. Пирожникова шириною 10 саж., глубина 1 саж., р. Седанка шириною 10 саж., глубиною 1 саж., р. Калгауч шириною 10 саж., глубина от $\frac{3}{4}$ саж. до 2 аршин. Отличается полноводностью. Река Перевалова шириною 11 саж. глубина до $1\frac{1}{2}$., р. Жгецк шириною 5 саж., глубина до 2 арш., р. Белая шириною 12 саж., глубина до 1 саж. Имеются озера и болота. Средняя температура зимы -30 грд., лета — 19 грд. Снег падает часто, глубина его до полутора аршин.

Ветры западные, северные и южные. Пурги редкие, почва песчаная глинистая и болотистая. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дороги идут на Напан — 21 верста, на Седанку — 40 верст, на Аманино —

41 верста. Способы передвижения: вьючное. Местность гористая и болотистая. Переправа через реки бродами возможна в среднюю воду, в полноводье на батах. Телеграфная линия дряхлая, ремонт не производили, состояние плохое. Селение имеет 12 лошадей, конских седел 12, собак 800, нарт 80, телег и саней нет, батов 80, шлюпок 4, лыж 80 пар. Коров 70. Имеется каменный уголь по р. Напан в 20 верстах от селения.

Добыча от охоты и рыболовства средняя. Кочевники-коряки в числе 100 человек имеют оленей 5 000, собак 70, нарт 7. Занятие: оленеводство и охота. Разработка каменного угля даст положительный результат, в связи с этим можно найти и другие полезные богатства. В пути благонадежно. Имеются на морской кошке японские рыбалки и при устье реки Тигиль засольный участок (японский). Рыба принимается японцами за бесценюк».

Для ведения хозяйственной деятельности — добычи нерпы, вылова и заготовки рыбы, а также обслуживания прибывающих морских судов постепенно в устье реки Тигиль из нескольких бессистемно разбросанных строений образуется небольшое селение — Усть-Тигиль.

«Политико-экономическая характеристика Тигильского района Камчатской области», подготовленная 4 марта 1949 г., сообщала: «В 1920 г. в село Тигиль пришла белогвардейская банда в составе семи человек во главе с полковником Савичем, которая свергла органы Советской власти, арестовала ее представителей. Решительных действий эта банда не произвела, ее поддерживали только кулаки и торговцы, и вскоре эта банда была уничтожена силами местных партизан из бедных казаков».

В 1926 г. в Тигиле имелось 93 хозяйства и 429 жителей: 206 мужчин и 223 женщины. В 1933 г. селение составляли уже 103 двора, а жителей насчитывалось 532 чел. До Петропавловска считалось 992 километра.

Промысловая кооперация давала возможность рыболовецким и охотничьим артелям с помощью кредитов обновлять инвентарь, способствовала развитию товарности промыслов.

В апреле 1930 г. Тигильский райисполком объявил район ударным и дал указание вовлечь в колхозы 100 % населения к 1 июля 1930 г. Но на деле коллективизация растянулась до 1933 г. При этом не учитывались особенности национального района и организовывались смешанные артели и даже коммуны. В период коллективизации по Тигильскому району по состоянию на 1933 г. были лишены избирательных прав 42 чел.: «использующих наемный труд» — 31, торговцев — два, «служителей культа» — пять, «умалишенных» — трое.

Коллективизация быстро разрушила кооперацию. В Тигиле насильственное обобществление средств производства артелей, где уже существовало имущественное расслоение, привело к распаду этих артелей и массовому убою домашнего скота.

В отчете Второй Корякской экспедиции Дальневосточного краевого земельного отдела отмечалось: «Кулаки района под руководством кулаков с. Тигиль (в прошлом казаки) готовили вооруженное нападение на руководителей советских и партийных органов под лозунгом “Камчатку для камчадалов”. Благодаря бдительности ГПУ все главари подготавливавшегося восстания были своевременно изолированы».

Вначале колхозы организовались по поселково-национальному типу. Камчадалов Тигиля объединял колхоз «Ленинский путь». В связи с проводимой миграционной политикой уже к началу 1950-х гг. в Тигильском районе появилось много переселенцев из России. В 1962 г. на базе экономически слабых колхозов «Ленинский путь» (с. Тигиль), «Красный партизан» (с. Палана) и имени Кирова (с. Седанка) по решению бюро обкома КПСС был образован Тигильский совхоз.

Важной отраслью здешнего хозяйства являлась охота. Газета «Камчатская правда» 7 марта 1967 г. сообщала: «К 20 февраля промысловики Тигильского госпромхоза сдали пушнины на 116 тысяч рублей при сезонном плане 114 тысяч рублей. В течение зимнего промыслового сезона 1966—67 года госпромхоз принял 2 780 соболей, 77 выдр, 446 горностаев, 180 лисиц, 237 зайцев и другую пушнину».

В одной из работ известного этнографа О. Мурашко селение охарактеризовано так: «Современный поселок по своей планировке как бы распадается на две части — одна на высоком месте, здесь расположена улица относительно старых домов у реки, за ней более новая улица с хорошими односемейными домами, здесь же школа-интернат, детский комбинат для дошкольников, пекарня, старый магазин, аптека. Улица с двух-четырёхквартирными домами постройки 1950 — начала 1960-х гг. За ними новая часть, середины 1970-х гг., с каменным двухэтажными административными зданиями, гостиницей, новым большим магазином, районной библиотекой, клубом. За ними располагаются двухэтажные восьмиквартирные дома и строительные площадки новых каменных домов, потеснившие лес, спускавшийся с сопок, окружающих Тигиль».

Вторая часть поселка — за ручьем, в низком сыроватом месте, здесь расположены жилые дома-клетушки пятидесятых и двухквартирные вагончики шестидесятых годов, а также сельскохозяйственные постройки, принадлежащие совхозу “Тигильский”.

Школа, больница, почта существуют в Тигиле с первой половины XIX в. С этих же пор существуют артезианские колодцы. Водопровод с холодной водой, центральное отопление, асфальт на улицах появились в 1960-е гг., но эти удобства распространяются только на административную часть поселка, общественные здания и новые многоквартирные дома. Жители старых деревянных домов, а это подавляющая часть старого населения Тигиля, про-

должают пользоваться колодцами, печками, туалетами на улицах и утопать в грязи в дождливые дни. Поселковая котельная работает на местном угле, добываемом недалеко от поселка. Имеется городская столовая, два магазина, открытые в 1960-е гг. Современный дом культуры работает с 1970-х гг., местный музей появился в 1980-е гг.

Электричество и радио появилось в поселке в 1930-е гг. Освещение на улицах — в 1960-е. Первый авиарейс, сбросивший почту на остров на реке, произошел в 1960 г.

В 1970-е гг. построена ныне существующая грунтовая авиаполоса, и начали совершаться пассажирские рейсы. Дюралевые лодки с моторами появились в 1960-е гг., первый снегоход “Буран” — в 1978 г. В восьмидесятые годы появилось несколько частных автомашин.

С мая 1936 г. в селе дважды в неделю выходила районная газета «За новую жизнь». Ее первым редактором стал Косарев. В 1943 г. газета выходила с приложением «За новую жизнь на уборке урожая», а в 1949—1950 гг. печаталась на двух языках: русском и корякском. Ее тираж достигал 1 000 экземпляров. До 1990 г. учредителями газеты были Тигильский райком КПСС и райсовет народных депутатов.

Популяционная история Тигильской и Ковранской общин развивалась следующим образом. По данным метрических книг, население семи селений XIX в., проживающее ныне в поселках Тигиль и Ковран, представляло собой, по крайней мере с 1801 по 1917 гг., единую популяцию. Частота браков, заключаемых между собой жителями перечисленных семи селений, составляла в середине XIX в. 92,18 % от всего числа браков, заключенных всеми жителями семи селений на рубеже XIX—XX вв. (1885—1910 гг.) — 83,77 %.

Внутри единой популяции существовали субпопуляции: потомки русских старожилов Тигилия и камчадалы (ительмены) трех близлежащих к Тигилию селений — Аманино, Напана и Хайрюзово. Частота смешанных браков между аборигенами и русскими постоянно колебалась, при этом в первой половине XIX в. русские больше нуждались в партнерах из аборигенной среды, нежели аборигены в русских партнерах. В 1979 г. в Тигиле среди ительменов в возрасте 20—49 лет доля имевших детей составляла всего 33,8 %. Среди потомков русских старожилов этот показатель равнялся 89,5 %.

В современном Тигиле проживают 3 149 чел., в том числе 87 коряков, 266 ительменов, около пятисот камчадалов, восемь эвенов, двое чукчей. Остальные принадлежат к мигрантному населению — среди них представлено 26 национальностей бывшего СССР.

Тиличики, село. В. П. Кусков считал, что оно, административный центр Олюторского района, возникло в 1910 г. Населенный пункт появился на базе корякского поселения, существовавшего здесь задолго до появления русских первопроходцев. До конца XIX в. Тиличики представляли собой селение оседлых

коряков, занимавших восемь юрт-полуземлянок. Оно располагалось на северном берегу бухты, сейчас называемой Скрытой. На карте К. Дитмара название поселения пишется как «Теличига».

Как сообщает В. П. Мартыненко, в 1898 г. здесь построил свою заимку торговец Косыгин. В начале XX в. появился казенный склад. Сюда был переселен пятидесятник Падерин, один из представителей широко известной на Севере фамилии.

Иеромонах Нестор приводит еще одно название поселения — «Тилечики». В 1911 г. он пишет: «На берегу бухты барона Корфа расположено корякское селение Тилечики, в котором ныне зимой при посещении коряк я окрестил свыше 30 человек и повенчал шесть свадеб». Он открыл школу и приют в бухте барона Корфа в большом здании из восьми комнат. Заготовки этих зданий были сделаны во Владивостоке и на пароходе Добровольного флота доставлены в бухту. Иеромонах Нестор рассказывает о сборке первого здания: «Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать мне и сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить еще колонку и оборудовать две ванны».

В 1914 г. по инициативе Нестора здесь проходил Камчатский миссионерский съезд. Перед этим была построена Иоасафовская церковь, а селение получило название Иоасафовское. Но это название просуществовало недолго, и после установления советской власти селение вновь превратилось в Тилички.

В отчете Карагинского районного ревкома за 1927 г. указывалось, что «в селении Тилички принято участие в организации районной избы-читальни, проведена компания по выписке материковой литературы».

14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об образовании туземных районов, в том числе Карагинского. Впоследствии из Карагинского района выделился самостоятельный Олюторский район Корякского национального округа с центром в селе Тилички.

Лочия 1938 г. сообщает: «Селение Тилички является районным центром Олюторского района... В селении имеются все учреждения районного центра, а также радиостанция, больница и метеорологическая станция. В селении живет около 450 русских и коряк».

3 декабря 1935 г. Камчатский обком ВКП(б) принимает решение «Об организации Олюторской газеты»: «Разрешить издание газеты “Сталинец” с выходом пять раз в месяц, тиражом 250 экз. Редактором утвердить Ильина». В 1943—1945 гг. к газете выходит приложение «Боевой листок на пути не в Олюторке». Затем газета получила название «Заря коммунизма». С 1962 по 1966 г. газета не издавалась, но впоследствии была возобновлена. Ее тираж в 1987 г. достигал 2 000 экз.

В 1979 г., по данным Всесоюзной переписи населения, в Тиличихах жили 2 587 чел.

О прошедшем здесь субботнике 19 апреля 1981 г. сообщала газета «Камчатская правда»: «Коллектив Олюторского рыбоконсервного завода в день субботника трудился на своих рабочих местах. Выпущено 34 тысячи условных банок консервов. Бригады Тиличинского строительно-монтажного управления в этот день работали на сдаточных объектах — двенадцатиквартирных домах. Было выполнено строительно-монтажных работ более чем на три тысячи рублей».

К 1994 г. численность населения несколько уменьшилась и составляла 2 496 чел.

Ука, селение. На карте В. Н. Тюшова, датированной концом XIX в., оно обозначено как Укинское и расположено на правом берегу реки Уки. Ближайшее к северу селение — Хайлюлинское.

В. П. Кусков полагал, что селение «возникло до 1852 г.». По списку населенных мест Петропавловского округа 1868 г. отсюда до Петропавловского порта считалось 844 версты. Селение составляли пять дворов, их населяли 13 мужчин и 15 женщин.

По переписи 1876 г. в Уке жили 21 чел., все камчадалы, в том числе один малограмотный. В селении имелось всего три дома и одна юрта, из других построек — три амбара, четыре балагана и одна баня. Жители содержали двух лошадей, одну корову, 44 собаки, выловили 8 100 рыбин лососевых пород. Они добыли 18 соболей, 54 нерпы и две лисицы. Весь урожай составил пять пудов картофеля, причем посажено было два.

В 1901 г. здесь жили 17 чел.

Иеромонах Нестор отмечал: «Селение Ука расположено на восточном берегу Камчатского полуострова. Жители небольшого Укинского селения занимаются охотой и рыболовством».

Районная газета «Путь Ильича» 22 февраля 1967 г. рассказывала о ситуации в селе в период гражданского противостояния: «В декабре 1917 г. из Петропавловска пришла нарта. Целый месяц добирался каюр до далекой Дранки с бесценным грузом — сообщением о свержении Временного правительства, с декретами Ленина о земле и мире».

В Уке после известия о смене власти в Петропавловске был избран сельсовет, который возглавил С. Левченко, прибывший на Камчатку в 1916 г. В 1919 г. власть на Камчатке перешла к колчаковскому представителю, многие камчатские селения подчинились областному центру. В Уке же все осталось по-прежнему.

В это время поблизости промысловый участок арендовал рыбопромышленник Козлов, с которым из-за уплаты местных налогов у сельсовета возник

конфликт. По официальной версии, узнав, что Козлов не платит населению за сданную рыбу, сельсовет взял в залог имущество рыбопромышленника. По жалобе Козлова из Петропавловска прибыло охранный судно «Якут». Десант с корабля арестовал пять активистов, а руководителя сельсовета расстрелял. Остальных в качестве наказания высадили на Карагинском острове.

Представитель колчаковской власти так излагал свою версию событий: «Открыто большевики проявили себя только в одном из селений области — Уке. Население там отказалось подчиниться распоряжению восстановить сельское управление и избрать старосту, но после того, как один из главных руководителей этого селения крестьянин Левченко был расстрелян командой посыльного судна “Якут”, порядок и там восстановлен».

Впоследствии в селении был создан отряд самообороны. «В тундровых сопках заложили базу: оружие, боеприпасы, запас продуктов, здесь же хранили часть кооперативной пушнины». После установления советской власти, 21 декабря 1923 г., в адрес Усть-Камчатского райревкома было отправлено следующее письмо: «На Ваше отношение Карагинскому сельревкому от 7 сентября сего года № 43 сообщаем, что общество на своем сельском собрании 28 ноября 1923 г. постановило: церковь закрыть, а утварь передать волревкому для отсылки в адрес райкомиссии “Последголод”».

Землеустроитель В. С. Шаталов, побывавший в селении в 1936 г., сообщает: «Это первый из всех населенных пунктов района, который немного напоминает русскую деревню. Здесь деревянные домики на две-три и даже больше комнаты, не считая кухни, обширные теплые сени с кладовками и чуланами, имеются амбарчики, юкольники, коровники, у некоторых огороженные частоколом и крытые травой дворы. Здесь есть настоящая улица, небольшая площадь со стариной церквушкой, пожарный сарай, три колодца с журавлями, выгонные угодья для крупного рогатого скота. Жилье и подобные постройки были срублены в основном из тополя и ветлы по-старинному (в чашу), почти все с опилочными углами. Горницы и спальни обращены большими окнами на восток и на юг».

В Уке имелось более гектара огородов.

Лоция Берингова моря 1938 г. сообщает: «На левом берегу реки почти прямо против входа в нее с моря расположено селение Ука, являющееся одним из наиболее крупных населенных пунктов побережья».

Здесь организовался колхоз, которому дали имя расстрелянного первого председателя сельсовета. Карагинский райком ВКП(б) докладывал обкому: «Колхоз имени Левченко... при годовом плане вылова рыбы 1 500 центнеров выловил 2 552, или 170 процентов. Не имея плана собственной обработки рыбы, колхоз обработал и сдал государству 909 центнеров готовой продукции».

Побывавший в этих местах в марте 1943 г. вулканолог Б. И. Пийп записал свои впечатления: «Селение Ука — одно из самых крупных в районе. Здесь есть почта, телеграф, больница, школа-семилетка, два магазина. Здесь в Уке все очень скудно. Колхозники совершенно заморили собак, многие уже погибли от голода. Занимаются они тем, что удочками ловят навагу и бычков для прокорма собак».

Лоция Берингова моря 1969 г. указывает: «Селение Ука расположено в одной миле к *WSW* от устья реки Ука на ее левом берегу. В селении имеется пекарня, магазин, баня, почта, клуб, школа и больница».

Местная уроженка, дочь участника событий 1919 г., Зинаида Бурлакова рассказывала: «Ука был большой поселок, много населения. Дома стояли по порядку, улиц не было. Каждый год приезжали сезонники на завод. В Уке был колхоз, ловили рыбу, был рыбоконсервный завод; выращивали картошку, вырастала крупная. Завод в Уке работал только на красной. Был японский завод, стояли японские бараки, хорошие рубленые дома.

Когда японцы уехали, они много пооставляли. В лесу начинаешь дрова пилить, смотришь — проволочка, а проволочка тянется к месту, где они хранили посуду красивую, ткани. Находили бутылки с соевым маслом, водкой, коньяком. На берег пойдешь — что-нибудь найдешь. Каждый день ходи — каждый день что-нибудь найдешь, они как раз на берегу зарывали, песок размывает. Однажды пошли мы за ягодой, я нашла бугорок, разрыла его, а там очень много посуды, со мной были подруги, и все растащили.

Через несколько лет приходили эти японцы на кавасаки в шубах, полотенцами завязанные.

У нас были балаган и бат, мы пластали рыбу и вешали, на костре жарили и с солью ели. Мы ели свежие головки, отрезаешь и с солью ешь. Отец убивал медведя, сало солили, хватало надолго. Охота была хорошая на медведя, оленя, гуся, утку. У нас было восемь собак, с Уки ездили до Ключей, с Ключей к нам дядя Степан Юрьев приезжал. Приезжали корейцы, они съели наших собак. Было много переселенцев из России.

Я уехала с Уки в 1956 г., у нас остался там рубленый дом. Всех расселили, кого в Палану, кого в Карагу, многие уехали в Елизово. Мне очень нравилось там жить.

В Уке однажды было наводнение с моря, вода наступала».

В 1960-х гг. здесь базировался полк противовоздушной обороны, впоследствии переведенный в с. Крутоберегово Усть-Камчатского района.

Селение Ука исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 13 декабря 1974 г.

Усть-Облуковино, селение. По версии местного уроженца М. Н. Косыгина, оно образовалось так. «На севере Соболевского района было такое село — Нижне-Облуковино из 30—40 дворов с населением 150—180 чел. Помню

камчадалов (около 80 %), здесь жили русские, украинцы и другие. Многие из них связали свою семейную жизнь с представителями местной коренной национальности.

Раньше жили от села в 20—25 километрах вверх по реке. Там проходила телеграфная линия Петропавловск — Хайрюзово, были все другие необходимые службы. Но ловить и сдавать лосось, тем самым обеспечивать семью продуктами и другими товарами, было несподручно — нужно быть ближе к морю. Отец мой, Николай Мануилович, проявил инициативу — построил в четырех километрах от моря дом с пристройками, перевез семью. И вслед за ним последовали почти все жители верхнего поселка».

По данным Приполярной переписи 1926 г. здесь имелось восемь хозяйств, жили 15 мужчин и 9 женщин. Сегодня селение не существует.

Утхолок, острожек (по-ительменски «Окальх»). Расстояние отсюда до Петропавловска по почтовому тракту считалось 742 версты. Острожек находился при речке Утхолок. В 1868 г. состоял из восьми жилых домов, его населяли 32 мужчины и 38 женщин, имелась православная часовня.

В 1876 г. здесь жили 66 чел., все неграмотные камчадалы. В острожке имелось 29 хозяйственных строений, в том числе: 15 балаганов, четыре ледника и одна баня. Жители содержали 16 лошадей, 14 коров и 114 собак. За сезон они поймали 42 475 рыб, добыли 310 зверей, в том числе 44 соболя, 51 бобра, 38 медведей, 142 нерпы и 34 оленя.

В 1901 г. численность местного населения составляла 69 чел.

В. Н. Тюшов, посетивший острожек в 1890-х гг., оставил его описание: «Отсутствие хорошего строевого лесу сказывается здесь в убогости всех построек. Как-то жалко выглядят маленькие покосившиеся, не то от ветхости, не то от незavidного искусства стройки, одиннадцать лачуг и маленькая, выделяющаяся своею новизною меж них, часовенка.

Она стоит посреди острожка и, кажется, удивлена сама, для чего она тут находится. Недоумение в ее маленькой фигурке. Острожек расположен на правом берегу извилистой тундровой реки того же имени, верстах в пятнадцати от берега моря, и вблизи довольно высокого увала, приблизительно в двести футов.

По словам жителей, в 1894 г. считалось всего населения около семидесяти человек, рогатого скота было пятнадцать голов и лошадей двадцать. По переписи 1890 г. было жителей 71 чел., по Дитмару — 58 чел. (в 1853 г.), по переписи 1897 г. — 91 чел. обоего пола...

Пушнина принималась по ценам: лучшая шкура большого медведя — 12 руб., лисица — 5 руб., соболь — 15 руб., нерпа — 1 руб. и волк — 3 руб.

В зиму 1894 г., по словам жителей, соболей было добыто всего пять штук, лисиц — тридцать...»

А вот что представлял собой Утхолок в 1923 г.: «Селение имеет домов 10, балаганов (сараев) — 10, амбаров — 4, бани — 2. Численность населения: взрослых мужчин — 23, женщин — 24, детей мужского пола — 13, женского — 17. Грамотных три человека, имеется школа, учитель и учащихся 13 чел. Парторганизаций нет. Вероисповедание православное. Часовню оборудовали под школу, попов нет. Имеется почтово-телеграфное отделение, государственных и других учреждений нет. Главное занятие жителей — охота, рыболовство и животноводство. Продукт охоты сдается японцам и проезжающим скупщикам в обмен на необходимый товар: продовольствие, мануфактуру и оружие. Спрос на спирт есть, доставляется таковой японцами.

Характер поверхности: болотистая и лесистая, род леса: березняк, кедровник, ольховник и тальник. Район с. Утхолок орошается следующими реками: Утхолок — шириною 15 саж., глубиною до 2-х саж.; Снатола — шириною 3 саж., глубиною до 4 арш. Полноводность бывает. Имеются озера, из них: Мальто, длиною 5 верст, Лонэ, величиною 3 кв. версты. Средняя температура зимы — 25 грд., лета 15 грд. Снег падает часто, глубина доходит до $\frac{1}{2}$ сажени. Ветры сильные, курильские и юго-восточные. Пурги частые, заносы большие. Состав почвы — тундра, суглинок. Питьевой водой пользуются из рек, качество хорошее. Дорога идет по кошке 12 верст. Способ передвижения: вьючными, дорога болотистая и гористая. Переправы через реки бродами возможны только в мелководье, в большую воду переправляются на батах. Мостов, паромов нет. Состояние телеграфной линии удовлетворительное, проходит по крепкому мосту. Селение имеет 13 лошадей, вьючные, конских седел 13, собак 176, нарт 22, лодок 6, лыж 22 пары. Сведений об ископаемых не имеется. Охота и рыболовство мало развиты. Имеются кочевники-коряки в числе 20 чел., оленей имеют 2 000, собак 8, нарт одна. Занимаются оленеводством и кустарным ремеслом. Население благонадежное.

В 1926 г. Утхолок составляли 14 хозяйств и 99 жителей.

Е. П. Орлова сообщает: «Кроме... зимнего селения, имелось еще летнее стойбище, расположенное в самом устье реки. Оно являлось важнейшим местом морского зверобойного промысла и отчасти рыбного. Ительмены Утхолока ловили также рыбу в устье соседней реки Квачины, куда заходило большое количество семги... На летовье население Утхолока проводило почти половину своей жизни. Туда съезжались для морской охоты люди из соседних селений, так как вблизи Утхолока находится «вторая лежка» нерпы, сивуча и других морских зверей».

В феврале 1930 г. здесь был организован колхоз «Победа». В 1936 г. он состоял всего из 13 хозяйств с 62 колхозниками, из них 27 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 210 руб.

В 1933 г. в селении в 16 домах жили 84 чел.

В настоящее время Утхолок не существует.

Хайрюзово, острожек, селение. Одно из самых крупных ительменских поселений (по-ительменски «Плахан»). Е. П. Орлова сообщает, что оно расположено у слияния двух рек: Плахан (Быстрой) и Тулахан (Тихой), образующих реку Хайрюзову, на правом берегу реки Тулахан в 37—40 километрах от Охотского моря.

Хайрюзово стало одним из первых камчатских острожков, где открылась школа. Вот что 13 июня 1757 г. доносил местный тойон: «Ко обучению же наших детей славенороссийской грамоты определить из обучающихся в Тигильской или Ичинской школах достойного ученика из родников наших, а не русского, которого мы с родниками довольствоваться кормом, платьем и обувью, с платежом за него в казну ясака будем».

В 1868 г. в Хайрюзово имелось 19 домов, жили 90 мужчин и 92 женщины. Здесь действовала православная часовня. Расстояние до Петропавловска от селения оценивалось в 661 версту.

В 1876 г. численность населения составляла 199 чел.: 104 мужчины, 95 женщин, все камчадалы. Трое из них были грамотными. В селении, кроме часовни, имелись 22 дома, одна лавка. В число 62 хозяйственных построек входили две бани, 34 балагана и 11 амбаров. Жители содержали 33 лошади, 24 коровы и 238 собак. Урожай составил: картофеля — 472 пуда 13 фунтов, репы — 42 пуда 24 фунта. Охотники за сезон добыли 434 зверя, в том числе 235 нерп, 63 оленя, 31 медведь, 94 соболя и одного волка.

В 1901 г. численность местного населения выросла до 276, а в 1910 г. — уменьшилась до 201 чел.

Событием для сельчан стало открытие здесь в 1902 г. новой школы. Составленная позднее «Летопись Хайрюзовской школы» сообщает, что первым учителем в ней был ительмен-самоучка Александр Максимович Данилов, самостоятельно выучившийся грамоте по церковно-славянской азбуке. В «Летописи...» указано, что А. М. Данилов заготавливал бересту, на ней писал углем. Летом учитель с детьми собирал цветы, сушил их, потом выпаривал и получал синюю краску, которую использовали вместо чернил.

В 1908 г. в школу, обращенную в церковно-приходскую, приехал русский учитель Дмитрий Васильевич Новиков. Он учил ребят до 1912 г., когда его сменил местный житель Иннокентий Николаевич Косыгин. Но последний зарекомендовал себя отрицательно, и поэтому с 1913 по 1916 г. учитель снова был приезжим.

В летописи указывается, что учитель много внимания уделял изучению естествознания, стремясь проходить его курс на природе. В результате школа превратилась в маленький музей, экспонаты для которого собирали местные ребята. «Он свои занятия с детьми проводил среди природы: собирал растения, камни, делал чучела птиц, производил раскопки среди давно заброшенных юрт, нашел орудия каменного века, выкопал челове-

ческий скелет... учил детей переплетать книги. Школа при нем была обнесена оградой, обсажена деревьями...»

В 1916 г. в Хайрюзово приехал священник. Его жена стала преподавать в школе. Вся деятельность предыдущего учителя по созданию музея была признана «вредной», и трехлетняя работа в течение нескольких дней была уничтожена.

В 1923 г. была составлена следующая характеристика Хайрюзово: «Селение имеет 41 дом, 41 балаган, 7 бань, 41 амбар. Численность населения: взрослых мужчин — 85, женщин — 90, детей мужского пола — 20, женского — 35, грамотных — 40 чел. Имеется одна школа, учитель и учащихся 23 чел. Комсомольских ячеек и Союза молодежи нет. Вероисповедание православное, имеется одна церковь, содержат попа, есть почтово-телеграфное отделение и кооператив, других государственных учреждений нет. Главное занятие — охота, рыболовство и животноводство. Предметы охоты сдаются в кооперативе, имеющемся отделении Гудсон-Бей, Свенсону и проезжающим коммерсантам. Торговля происходит на обмен необходимых товаров: продовольствие и мануфактуру. В летнее время привозится спирт японцами. Доверенные отделений фирм: Гудсон-Бей — Косыгин, Свенсона — Орлов.

Характер поверхности: тундра, покрытая лесом, черный березняк, тополь, ольховник и тальник. Протекает река Туляхен шириною 50 саж., глубиною доходит до 2 саж., отличается полноводностью; река Быстрая — шириною 40 саж., глубина до двух саж., есть озера и болота. Средняя температура зимы —25 грд., лета 15 грд. Глубина снега 1½ арш., падает часто. Ветры сильные юго-западные и восточные, пурги часты, заносы большие. Состав почвы: глина и суглинок. Питьевой водой пользуются в зимнее время из рек, в летнее — из колодцев. Расстояние до с. Ковран — 35 верст, имеются тропы, дорога идет по гористому болотистому месту. Способы передвижения: в летнее время вьючными, переправа через малые реки возможна бродами, через большие — исключительно на батах. Мостов и паромов нет. Телеграфная линия проходит по крепкому мосту. Селение имеет 10 лошадей, из них вьючных 9, седел конских 9, собак 750, нарт 70, телег и саней нет. Кунгасов 5, батов 40, лыж 65 пар, коров 35. Сведений об ископаемых нет. Охотятся на соболя и медведя. Рыбные промыслы мало развиты. Имеются кочевники, ламутов 90 чел. Имеют оленей 4 000, собак 50, нарт 5. Занятие: оленеводство и кустарная работа. Население благонадежное».

В 1926 г. здесь было 49 хозяйств, преобладающей народностью являлись ительмены. В Хайрюзово жили 247 чел.: 122 мужчины и 125 женщин. Эта же численность населения сохранялась и в 1933 г.

В начале 1930-х гг. здесь создается колхоз имени И. В. Сталина. В 1936 г. в нем имелось 56 хозяйств, 160 число колхозников, в том числе 90 трудоспособных. По итогам года доход на одного трудоспособного составил 1 552 руб.

Халактырка, селение. Находилось вблизи устья одноименной реки. С. П. Крашенинников указывает, что на север от реки Авачи находится «...первая речка называемая Кылыгы, а от казаков Калахтырка... При ней есть острожек, Макошху имянуемой».

В период эпидемии оспы 1799—1800 гг. население острожка вымерло. Но постепенно на реке стали селиться отставные матросы и солдаты, а также ссыльные.

К. Дитмар во время поездок по Камчатке, в 1854 г. застал в устье реки Калахтырки жилую юрту. «Версты на три выше первой юрты на той же реке стоит вторая. Также жилая, а еще шестью верстами выше последней начинается уже озеро Калахтырка...»

Описывая местных жителей, он отмечает: «В них живут несколько старых, отставных матросов, коротающих свою одинокую жизнь в рыбной ловле и охоте. Еще глубже в этом прекрасном уединении стоит один домик на берегу реки Тойоннской... Здесь устроился на жилье сосланный в Камчатку 28 лет тому назад из Гродненской губернии старый поляк Гордеев...»

О хуторе на Халактырке вспоминает Ю. Г. Завойко, жена губернатора Камчатки В. С. Завойко. Это место намеревались использовать для эвакуации жен и детей в случае нападения англо-французской эскадры на Петропавловск.

В 1868 г. Халактырка в официальных документах числилась как «заимка городских обывателей». Здесь по списку населенных мест Петропавловского округа учтено пять хозяйств и проживали 13 мужчин и 13 женщин.

В 1876 г. в селении жили уже 33 чел. Среди них преобладали отставные казаки с семьями — 19 чел. Кроме них, имелись четверо мещан и трое камчадалов. Грамотных было двое, малограмотных — один.

В селении стояли восемь домов, из хозяйственных построек — четыре амбара, одна баня, пять стай и семь балаганов. Селяне держали три лошади и 28 коров, а также 77 собак. За год местные охотники добыли 20 соболей, четыре лисицы и две выдры.

А. Кириллов, составитель «Географо-статистического словаря Амурской и Приморской областей», изданного в Благовещенске в 1894 г., привел такую характеристику селению: «В 1888 г. в нем было восемь дворов и жителей 18 душ мужского и 20 женского пола; население состоит из отставных нижних чинов и крестьян».

Иеромонах Нестор в начале XX в. записал: «В 16 верстах от Петропавловска находится весьма небольшое селение Халактырка; жители Халактырки занимаются рыболовством и звериным промыслом, чем и прокармливаются».

В период гражданского противостояния (1920—1922 гг.) в Халактырке одно время находился военный совет, руководивший партизанским движением. Из местных жителей был создан партизанский отряд. Один из руководителей

партизан И. Е. Ларин 15 июля 1922 г. записал в дневнике: «12 июля в 4 часа утра Халактырский отряд числом 9 человек обстрелял заставу в здании семинарии. Часовой жив. Поставили на Петропавловской (сопке. — В. Б.) флаг, с их стороны ответа не было. Со стороны радио тоже были, ничего не выдали. Результат перестрелки пока неизвестен...»

С установлением советской власти в селении был организован сельский революционный комитет. В одном из первых отчетов о своей работе с 25 июня по 25 сентября 1925 г. он указывал: «1. Халактырский сельревком находится от Волости (Елизовской. — В. Б.) сорок семь верст. 2. Сельревком распоряжается одним селом Халактырка, в селе восемь дворов, мужчин 11, женщин 14, взрослых, от 15 лет до 18 лет — 5 человек, детей 17 душ. 3. Сельревком состоит из 3 человек. Председатель Василий Александрович Сахаров, 25 лет, малограмотный, беспартийный, избран 17 мая 1925 года, член Ольга Вл. Стрелкова, малограмотна, беспартийна, 20 лет, избрана 17 марта сего года. Секретарь Иван Ник. Косыгин, 39 лет, грамотный, беспартийный, избран 4 марта».

За пятьдесят лет, прошедших с момента переписи 1876 г., население выросло всего на 13 чел. По Приполярной переписи 1926 г. в селении было учтено семь хозяйств, 25 мужчин и 26 женщин, всего 51 чел.

В хозяйствах села имелось восемь сараев, столько же батов и неводов, четыре сети, 17 нарт. Охотники имели 10 гладкоствольных и 12 нарезных ружей и 41 капкан.

В начале 1930-х гг. в Халактырке был создан колхоз, в который вступили почти все жители. О результатах его деятельности областная газета «Камчатская правда» писала 16 февраля 1938 г.: «Халактырский колхоз (Петропавловский район) закончил составление отчета за 1937 г. По ведущим отраслям хозяйства план выполнен, а по развитию животноводства перевыполнен. За истекший год колхоз произвел большие капиталовложения. Неделимый фонд колхоза возрос до 640 175 руб. Трудодень колхоза в этом году оценен в 11 руб. 75 коп. Из них 2 руб. 62 коп. продуктами.

Хорошо заработали: Косыгин Иван Николаевич, выработавший 392 трудодня и получивший 3 576 руб., Молокова Мария Николаевна — 220 трудодней и получившая 2 003 руб., Львова Софья — 206 трудодней и получившая 2 000 руб.».

В этом же номере газета сообщала о достижениях местных охотников: «Семнадцатилетний охотник села Халактырка Николай Косыгин упромышил восемь лисиц, 16 горностаев и одну росомуху. Свой годовой план он перевыполнил в два с половиной раза. Камчатское отделение Дальзаготпушнины премировало Косыгина 150 рублями...»

В 1938 г. Лоция Берингова моря извещала моряков о месте нахождения селения: «Река Калахтырка протекает в долине. Длина реки около 4,5 км, и близ устья ее расположено небольшое селение».

Постепенно жизнь селян улучшалась, хотя медпункт здесь открылся только в 1950 г. «Камчатская правда» 9 мая 1950 г. в заметке «Медпункт не оборудован», сообщала: «В селе Халатырка открылся медпункт. Помещение для него не оборудовано, нет печи. Врачу Михайловскому приходится работать в плохих условиях».

Роковым для Халатырки стало 5 ноября 1952 г., когда после сильнейшего землетрясения на Курилы и восточное побережье Камчатки обрушилось цунами. Морская волна с моря достигла селения и одновременно стала подниматься по реке вверх. Ситуация в селении была близка к панике. Водой затопило 13 домов. После ухода воды обнаружили, что уничтожено три дома. Были и погибшие: двое взрослых и один ребенок.

В связи с остававшейся угрозой цунами селение Халатырка в 1958 г. было закрыто. Оно давно исключено из списка населенных пунктов Камчатской области.

Хомутино, селение. Располагалось на левом берегу реки Хомутиной, впадавшей в Охотское море. Ближайшие населенные пункты: на север — Кихчик, на юг — Утка. Расстояние до Усть-Большерецка составляло 59 верст.

Возникло селение, видимо, в начале XX в. и просуществовало недолго. Перепись 1926 г. учла здесь всего два хозяйства. Национальность жителей — русские, всего двое мужчин. Но уже в материалах, изданных по итогам переписи, указывалось: «Даже в Петропавловском уезде... наблюдается... исчезновение селений... Совершенно исчезли... Хомутино... в Большерецкой волости».

Хутор, селение. Краевед В. П. Кусков считал, что оно «возникло в 1852 г. как ферма Камчатского земледельческого общества». Но по имеющимся у нас данным, в 1852 г. эта компания уже не существовала.

В 1830 г., когда по инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева была основана «Камчатская земледельческая компания», учредителями которой выступили 29 чел., ее общий капитал составил 5 700 руб.

По данным И. И. Огрызко, хутор на берегу р. Авачи был основан как участок для сельскохозяйственных опытов в 1830 г. Здесь построили дом и скотный двор, завезли скот и инвентарь, распахали пять десятин земли. Зерновые сеяли с 1830 по 1836 г., но результаты были получены неудовлетворительные: «Все позябло от инеев».

В 1840 г. отставной казак Чарков откупил хутор у Камчатской земледельческой компании и стал успешно выращивать картофель и овощи, занялся животноводством. В 1843 г. у него было уже 14 голов скота.

В 1868 г. от Хутора до Петропавловска считалось 24 версты, жителей было 31 чел., в том числе 17 мужчин и 14 женщин. По переписи 1876 г. здесь проживали 10 мужчин и шесть женщин, из них всего трое грамотных. По ссоло-

ной принадлежности к морскому ведомству относились семеро, к мещанам Петропавловска — девять человек.

Селение составляли три дома и одна юрта, восемь амбаров, четыре балагана, две стаи и баня. Жители содержали одну лошадь, 20 коров и 43 собаки. Они добыли четыре соболя, пять лисиц, поймали 18 100 рыбин.

В. Н. Тюшов в 1890-х гг. отмечал «постройки, которых вместе с вешалами и скотными дворами оказалось семнадцать штук». Он писал: «Жилых домов только два. В этом селении живут только две семьи... Именно к 1851 г. нужно отнести и самое возникновение поселка, долженствовавшего быть, по плану В. Завойко, образцовой фермой по скотоводству и земледелию. Семья Ворошилова до сих пор живет в этом хуторе-ферме, ничем не отличающемся от других камчадалских поселений».

В селе в конце 1920-х гг. жил Герман Васильевич Поротов, отец известного камчатского поэта и писателя Георгия Поротова. Здесь же 3 мая 1929 г. родился и сам писатель.

В 1932 г. в Хуторе организовали первую на Камчатке Петропавловскую машинно-тракторную станцию. В 1938 г. здесь появился плодово-ягодный питомник.

В годы Великой Отечественной войны местные жители оказывали посильную помощь фронту, подписывались на государственный заем, собирали наличные деньги, теплую одежду для фронтовиков. Готовили и специалистов. В докладной записке заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Шевцова, датированной 5 января 1942 г., указывалось: «т. Колегин (фельдшер села Хутор) подготовил всех колхозников села на значок ГСО первой ступени. В настоящее время он подготавливает трех медицинских сестер запаса из колхозниц, организовал четыре санпоста и добился оснащения их имуществом».

После войны селение Хутор вошло в черту города Елизово.

Шиково, селение. Датой его образования считается 1918 г. Шведский путешественник Э. Гультен, называвший его «Сиковая», относил селение «к чисто русским».

В одном из отчетов Камчатскому губревкому, датированному 1923 г., в качестве причины образования селения называлось следующее. «От селения Апаचा отделилось трое жителей, которые образовали новое селение от Апахи в шести верстах к югу на реке Шиково. Селение называется “Шиково”. На этом месте под землей имеется нефть, которая выступала из дна реки лет шесть тому назад (1917 г.) в виде чистого керосина».

По материалам Приполярной переписи Камчатского округа 1926 г., Шиково относилось к Апачинскому сельсовету, в нем было всего три хозяйства с населением 11 чел.: 6 мужчин и 5 женщин. Грамоту знали лишь пятеро. Перепись признала всех жителей камчадалами.

С 1930-х гг. на географических картах селение более не указывалось.

Шубертово, поселок рыбокомбината. Находился южнее Усть-Камчатска. Название получил от мыса Шуберта, который был так наименован в 1900 г. мореплавателем Ф. Геком.

Расстояние от Шубертово до Петропавловска определялось в 275 морских миль. Ближайшие населенные пункты: на север японский рыбоконсервный завод фирмы «Ничиро», с 1945 г. именовавшийся «Крюгер», на юг — поселок геологов Кроники.

До советизации Камчатки здесь находился частный завод фирмы «Торговый дом бр. Люри». В 1933 г. завод перешел в ведение Акционерного Камчатского общества. Первоначально он входил в состав Усть-Камчатского рыбокомбината, но в 1934 г. обрел самостоятельность. Комбинат имел две рыбообрабатывающие базы, расположенные друг от друга на расстоянии 35 км. Общая протяженность береговой полосы комбината в Камчатском заливе составляла 96 км.

Комбинат в 1935 г. имел свое подсобное хозяйство: три лошади, 11 голов крупного рогатого скота, 20 свиней. Имелось и 77 ездовых собак. Флот предприятия составляли 10 кунгасов и три катера. Засольное оборудование включало 10 брезентовых чанов общей емкостью 1 000 ц.

В 1936 г. начал выходить «орган политотдела Шубертовского рыбокомбината» — газета «Коммунист». План добычи на этот год устанавливался равным 10 000 ц, в том числе 9 600 — лосося и 400 — сельди.

В мае 1939 г. на пароходе «Минск» в комбинат прибыл демобилизованный из Красной Армии П. Т. Передерий. Вначале он работал курибаном (приемщиком плавсредств), затем ловцом на ставном неводе, а потом стал трактористом. Спустя много лет, в 1990 г., в Усть-Камчатске ему передали повидавший виды и сменивший многих хозяев списанный трактор, на котором он некогда начал работать.

В 1940 г. Шубертовский рыбокомбинат выловил 8 336 ц, выпустил 8 293 ящиков консервов, засолит 3 330 ц рыбы. В это время в поселке имела небольшая больница на шесть коек.

В начале Великой Отечественной войны на 5-м пленуме Камчатского обкома ВКП(б) о работе предприятия говорилось: «Шубертовский рыбокомбинат перевыполнил план путины в полтора раза. Трудящиеся внесли до 500 тыс. руб. денег и до 1 500 тыс. руб. облигациями».

Кроме производственной деятельности много времени на комбинате уделялось политическому воспитанию рабочих и служащих. Так, областная газета «Камчатская правда» 26 мая 1942 г. сообщала: «В Шубертовской парторганизации агитаторами работают член ВКП(б) химик т. Семенов, инженер-технолог т. Турбаба, директор комбината т. Карев, акушерка т. Водюшкина, главный бухгалтер т. Пасов и др.».

Во время войны руководителям и рабочим приходилось работать в крайне сложных условиях. Так, в 1944 г. на комбинате имелась всего одна энергоустановка мощностью 10 кВт при потребности в электроэнергии 50 кВт.

Районная газета «Большевицкий путь» 13 апреля 1944 г. отмечала: «В честь 1 мая коллектив Шубертовского рыбокомбината объявил стахановскую декаду. Каждый рабочий взял обязательство ежедневно выполнять по две нормы. Первые дни стахановской декады показали, что трудящиеся комбината держат свое слово крепко. Так, лесорубы Иванов, Орлов дают по 270 % задания, слесари Соснин и Курдюков — 306 %...»

В 1944 г. комбинат имел единственный автомобиль ГАЗ-42.

По состоянию на 1 января 1946 г. Шубертово характеризовалось следующими данными. «Поселок... находится в 50 км от сельского совета. Связь сельсовета с поселком осуществляется крайне недостаточно. Средствами живой связи служат в навигационный период мелкие промысловые мотоединицы (катера, кавасаки), а в другое время — через обмен пешеходами по труднопроходимой тропе морского берега. На протяжении 17 км этот путь нередко бывает непроходимым, так как здесь скалы близки к морю, и во время прилива, зыби, не говоря уже о морском шторме, на тропе бушуют волны. Таким образом, поселок Шубертово и сельский совет регулярной связи между собой не имеют. В поселке расположены рыбоконсервный завод, неполная средняя школа, больница, детские ясли, почтовое отделение, сберкасса, рыбный кооператив и другое. Рабочих в поселке — 750 чел.

В 9 км от поселка Шубертово находится вновь переданный Шубертовскому комбинату рыбоконсервный завод № 150, где также в 1946 г. будет строиться рабочий поселок, рассчитанный на 800 чел. взрослого населения. Поселок необходим для производственной деятельности рыбоконсервного завода. Вместе с этим здесь будет разворачиваться и сеть социально-культурных учреждений, призванных обслуживать трудящихся предприятия».

В апреле 1946 г. в Шубертово жили 1 200 чел., из них 711 трудоспособных взрослых и 489 детей. Посевная площадь составляла 13,5 га. Крупного рогатого скота имелось 76 голов. Частный жилфонд включал 92 дома. Здесь находились два рыбозавода. Социально-культурные учреждения: почта, школа, торговая организация, детсад, больница, заводской комитет, клуб, парикмахерская.

Результаты труда шубертовцев регулярно освещались в областной печати. Так, 16 июня 1950 г. «Камчатская правда» сообщала: «За один день рыбаки комбината добыли и доставили на обработку около тысячи центнеров высококачественной рыбы. Богатые уловы взяли в этот день бригада ставного невода т. Егорова, добывшая 350 ц, бригада т. Бурмак — 270 ц...»

7 июля 1950 г. «Камчатская правда» поместила материал о работе рыбаков из Шубертова: «Большую трудовую победу одержала ловецкая бригада Шубертовского комбината, возглавляемая т. Бурмаком. Встав на стахановскую

вахту мира, передовые рыбаки 14 июля завершили выполнение годового государственного плана. Сверх задания бригада доставила на обработку 100 ц рыбы».

Молодежь поселка занималась его благоустройством. Вот что рассказывала об этом 30 июля 1950 г. «Камчатская правда»: «Комсомольцы и молодежь Шубертовского рыбокомбината... под руководством секретаря комбината Раисы Молодцевой посадили много деревьев на улицах поселка консервного завода № 64. Все посадки огорожены».

А так о жизни в Шубертово вспоминает М. К. Фомин: «Я имел специальность ветеринарного фельдшера. Мне поручили обслуживание животных подсобного хозяйства и частного сектора. Скота у населения было много. Очень хорошо, по-отечески к нашей семье отнеслись директор рыбокомбината Иван Павлович Доний, его заместитель Алексей Мефодьевич Лагоза, секретарь партбюро рыбозавода № 66, начальник планового отдела Григорий Иванович Шилов и заведующий подсобным хозяйством Николай Евменович Сажин. Эти люди мне помогали стать на ноги и только что отделившемуся от родителей правильно устроить самостоятельно семейную жизнь.

Пока была занята квартира на подсобном хозяйстве, расположенном в полутора километрах от поселка, нас поселили в квартире секретаря парткома, который находился в отпуске, а через месяц мы жили уже в своей квартире. Заработная плата у меня была 750 рублей, надбавок, разумеется, не было, а коэффициент в то время не действовал... Мешок картофеля стоил 150 рублей. Его они мне разрешили выписать со склада. Рыбных продуктов было много, чем мы были довольны. Заключение трудовой договор на три года, и работа пошла. Все население двух поселков и еще рыбозавода № 65 Ничира было довольно моей работой... На подсобном хозяйстве дойное стадо состояло из 25 коров, рабочих лошадей было 40 голов, ухаживал за ними замечательный человек, сибиряк, бывший плотогон Иннокентий Иванович Симонец».

Из-за уменьшения подходов лосося к берегам Камчатки в начале 1950-х гг. обострилась проблема обеспечения сырьем мощностей комбината. К тому же неподалеку действовали рыбаки Усть-Камчатского комбината. В итоге было принято решение о закрытии Шубертовского комбината.

В 1957 г. на Усть-Камчатском рыбокомбинате была создана комиссия, в задачу которой входила ликвидация предприятия. Часть жителей переселилась в Усть-Камчатск, часть уехала в другие места полуострова. Шубертово было исключено из списков населенных пунктов Камчатской области 14 февраля 1964 г.

Автор продолжает работу по сбору данных о населенных пунктах Камчатки. Буду признателен всем, кто поделится со мной своими воспоминаниями, а также документами и фотографиями, имеющими отношение к затронутой в этой статье теме.